

Том 5, № 1
2008

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Е.Н. Соколов

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *А.В. Булкина*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Г.В. Ежовой*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2008 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.М. Розин. Психотерапия на перепутье:
от фрейдизма к гуманитарной работе
(по мотивам романа Ирвина Ялома
«Шопенгауэр как лекарство»)3

Теоретико-эмпирические исследования

Г.В. Иванченко. Представления студентов
выпускных курсов о возможном:
региональные и гендерные различия32

Специальная тема выпуска:

Психология рефлексии

И.Н. Семенов. Взаимодействие отечественной
и зарубежной психологии рефлексии:
история и современность64

В.А. Петровский. Состоятельность и рефлексия:
модель четырех ресурсов77

В.Ю. Дударева, И.Н. Семенов. Феноменология
рефлексии и направления ее изучения в
современной зарубежной психологии101

Г.Ф. Похмелькина, И.Н. Семенов.
Рефлетехнологии медиации в современной
зарубежной практической психологии и
конфликтология121

А.Н. Ждан. Календарь памятных
психологических дат: 2008 г.139

Короткие сообщения

А.А. Горбатков. Позитивно-негативная
асимметрия эмоций на разных уровнях
субъектного развития: внутриуровневая и
межуровневая динамика148

А.Б. Дороднев, Н.А. Алмаев. Особенности
характера у инвалидов по зрению и их связь
с речевым поведением157

Ю.А. Кукушкина, В.Ф. Спиридонов.
Критическое мышление как фактор
профессиональной компетентности
программистов165

Памяти Е.Н. Соколова175

Резюме выпуска на европейских языках176

Vol. 5, № 1
2008

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanschikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
A.V. Karpov
E.A. Klimov
A. Längle
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiaikov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrnikov (Vice Editor)
B. Schäfer (Vice Editor)
A.G. Shmelev
E.N. Sokolov
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.N. Zhdan
A.L. Zhuravlev

Managing editor *A.V. Bulkina*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, G.V. Ezhova

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2008

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Psychotherapy at the Cross-roads:
From Freudian to Humanitarian Approach
(Based on Irvin D. Yalom's Novel
«The Schopenhauer Cure»)3

Theoretical and Empirical Research

G.V. Ivanchenko. Undergraduates' Conceptions of
the Possible: Regional and Gender Differences32

Special Theme of the Issue.

Psychology of Reflection

I.N. Semyonov. Interaction of Russian and
Foreign Psychology of Reflection:
the History and the Present64

V.A. Petrovsky. Opulence and Reflection:
Four Resources Model77

V.Yu. Dudareva, I.N. Semyonov.
Phenomenology of Reflection and its
Investigation in Modern Foreign Psychology ...101

G.F. Pokhmenkina, I.N. Semyonov. Reflective
Technologies of Mediation in Modern Foreign
Applied Psychology121

A.N. Zhdan. Calendar of Memorable
Psychological Dates: 2008139

Work in Progress

A.A. Gorbatkov. The Positive-Negative
Asymmetry of Emotions on Different Levels of
Subject's Development: the Inside-a-level and
Interlevel Dynamics148

A.B. Dorodnev, N.A. Almaev. The Peculiarities
of Personality in Visually Impaired People and
their Relationship with Verbal Behavior157

Yu.A. Kukushkina, V.F. Spiridonov. Critical
Thinking as a Factor of Programmers Expertise ...165

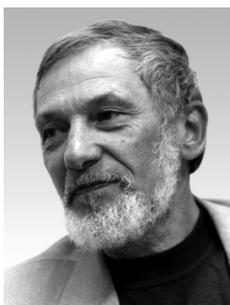
Obituary. E.N. Sokolov175

Summary of the Issue176

Философско-методологические проблемы

ПСИХОТЕРАПИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: ОТ ФРЕЙДИЗМА К ГУМАНИТАРНОЙ РАБОТЕ (ПО МОТИВАМ РОМАНА ИРВИНА ЯЛОМА «ШОПЕНГАУЭР КАК ЛЕКАРСТВО»)

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: gozinvm@mail.ru

Резюме

На материале романа Ялома «Шопенгауэр как лекарство» обсуждаются проблемы эффективности психотерапии и предлагаются ответы на некоторые принципиальные вопросы: как психотерапевт осознает свою работу, всегда ли он действует в соответствии со своими концептуализациями, какую роль в психотерапии выполняют анализы личности пациента и т. д. Противопоставляются психоаналитический и гуманитарно ориентированный подходы в психотерапии. Гуманитарно ориентированный психотерапевт не знает, какие структуры ответственны за деформацию личности и психики, он ищет средства и формы жизни, позволяющие человеку приступить к целетельному действию, работает над тем, чтобы придать человеку силы, расширить его видение и понимание. Психотерапевты, последовательно реализующие в своей работе гуманитарный подход, не знают, какой эффект дадут их усилия, исчезнет ли симптоматика болезни, но знают, что другого пути нет, если нужно работать с человеком, не создавая для него новых проблем и не превращая его только в объект очередной психологической теории.

В последние десятилетия прошлого века сложился новый жанр научной литературы. Внешне он даже и не похож на научную, поскольку чаще всего речь идет о романах. Содержанием этих необычных романов являются главным образом научные и философские проблемы, а также история творчества и жизненного пути их авторов, как правило, известных ученых или философов. Роман Ирвина Ялома именно такой, он меня поразили вдвойне, поскольку лет десять тому назад я задумал и реализовал свой первый философский роман «Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова» (1998, переиздание в 2007); второй роман «Проникновение в мышление» появился в 2002 г. (переиздан в 2006 г.). Один из стимулов к написанию этих романов был следующий.

Примерно десять лет тому назад я начал читать лекции по «Введению в философию» в новом тогда Государственном университете гуманитарных наук. Размышляя о том, как можно построить подобный курс, я решил, что недостаточно, чтобы студенты только слушали своего преподавателя. Они должны вместе с ним приобщаться к философии. Роль педагога в процессе овладения философией напоминает работу «сталкера», проводника. Вместе со студентами он преодолевает различные интеллектуальные трудности, решает проблемы, обсуждает природу и особенности философских произведений и самой философии. Хотя он знает «путь», по которому ведет «подвизающихся» в философии, но каждый раз сам обнаруживает, что многое в «местности», где они путешествуют, изменилось и

нужно заново прокладывать тропинку.

Однако от замысла к реализации, как правило, большая дорога. Нужно было найти форму, в которой данный замысел можно было реализовать. Изложить сначала свои концепции, а затем рассказать, как я к ним пришел? Рассказать о себе в контексте философского поиска? Я перебирал вариант за вариантом, но не мог ни на чем остановиться. Наконец, я решил, что напишу философский роман, где будет все это, а также некий сюжет, где буду я сам, но как герой, и будут все те, кто оказал на меня влияние (мои учителя, соратники, друзья, любимые), но тоже как герои романа. Пусть студенты, решил я, не только слушают на лекциях, как нужно анализировать философские произведения, но и сами попробуют сделать это на материале моих романов. Перед ними и новые философские идеи, и рассказ о жизни их автора, и реконструкция творческого пути, который автор прошел.

В романе Ялома «Шопенгауэр как лекарство» главный герой, известный психотерапевт Джулиус, заболел раком крови, через год умирает. Формально сюжет романа — рассказ об этом последнем периоде жизни Джулиуса. Фактически же И. Ялом в художественной форме описывает, как он сам (в лице Джулиуса) ведет психотерапевтическую группу, с какими проблемами сталкивается психотерапевт, как работают участники группы, как они исцеляются, как много от группы получает сам психотерапевт и как он, если и не исцеляется, то достойно справляется со своими проблемами. Роман И. Ялома построен вполне прозрачно: главный

герой — известный в своих кругах психотерапевт Джулиус — двойник автора, известного американского психотерапевта и популярного писателя Ирвина Д. Ялома; другой главный герой, философ и начинающий психотерапевт Филип Слейт, — двойник немецкого философа Артура Шопенгауэра; наконец, проблемы, которые волнуют Джулиуса и которые он обсуждает, — это проблемы современной психотерапии. И все это представлено в форме занимательного романа.

С какой целью я собираюсь анализировать роман И. Ялома? Хочу лучше понять, что собой представляет современная психотерапевтическая работа, насколько она эффективна. Большинство психотерапевтов (и И. Ялом не является здесь исключением) утверждают, что, конечно же, их работа очень эффективна. Действительно, в романе Джулиусу в конце концов все удается. Даже в самом трудном случае с Филипом, который, подобно А. Шопенгауэру, презирает людей, не склонен к общению, зато склонен преувеличивать ценность своей личности, Джулиус смог, образно говоря, подобрать ключи, и не просто помочь — из Филипа обещает вырасти интересный психотерапевт, намеревающийся лечить людей, в частности, с помощью философии.

Одновременно сам И. Ялом устами Филипа говорит, что «по статистике психотерапия, независимо от компетенции врача, абсолютно бесполезна примерно для трети пациентов» (Ялом, 2003, с. 95). И Джулиус не свободен от сомнений. «А ты уверен, — спрашивает он себя в начале романа, — что действительно помог

своим пациентам? Может быть, ты просто понадергал таких, которые пошли бы на поправку и без тебя?» (там же, с. 27). Впрочем, эти сомнения по ходу романа рассеиваются, поскольку Джулиус воочию видит целебный эффект групповой работы. Но, с моей точки зрения, проблема все-таки есть. И не только с моей.

В позапрошлом году в журнале «Психология» (2006, № 1) прошла интересная дискуссия «Психотерапия как наука» о состоянии и статусе современной психотерапии, где много говорили об эффективности этой дисциплины. Если одни участники дискуссии, например А. Сосланд, утверждали, что «эффективность психотерапии давно доказана», то другие возражали: неясно, говорили они, как измерять эффективность в психотерапии и что это такое. Например, А. Тхостов пишет: «Корректно проведенные исследования весьма немногочисленны, а утверждения самих психотерапевтов о безусловной эффективности их методов можно принимать только на уровне веры (Huber, 1996)» (Тхостов, 2006, с. 106).

За редким исключением психотерапевты неадекватно осознают собственную работу. Говоря здесь о неадекватности, я имею в виду, конечно, не простое осознание психотерапевтом своей работы, оно вполне приемлемое, а специальные реконструкции психотерапевтической деятельности, с которыми, естественно, можно соглашаться или нет. Такие реконструкции показывают, что, наряду с деятельностью психологов, действительно полезной для пациента или клиента (в качестве примера здесь можно указать на психологическую помощь, основанную на изменении

ценностных и смысловых структур сознания клиента), не менее распространены случаи деятельности и усилий психологов, приводящих к деструкциям психики пациента или клиента, к фрустрациям и новым проблемам, хотя осознаются результаты такой деятельности психотерапевтами прямо противоположно, во вполне оптимистическом ключе.

Желательно, чтобы психотерапевт не забывал, что он не только специалист, но и обычный человек и, следовательно, не свободен от недостатков. В частности, он может неадекватно оценивать и свою деятельность, и себя. Согласимся в этом отношении с тремя авторами: Ричардом Бэндлером, Джоном Гриндером, Вирджинией Сатир,— которые пишут:

«Этот мир полон добрых намерений, и, равным образом, он полон осознания того факта, что эти добрые намерения не всегда осуществляются. Родители хотят самого лучшего для своих детей, дети для родителей, терапевты для своих клиентов, клиенты для терапевтов. И почему далее происходит так, что люди с такими добрыми и благородными намерениями вступают во взаимоотношения, полные горя и боли, до такой степени противоположные их намерениям. Мы верим, что происходит что-то, что находится вне контроля и сознания любой личности — какой-то упущенный момент, этот неосознаваемый кусок в общении, может быть найден, осознан и использован каждым» (Бэндлер, Гриндер, Сатир, 1993, с. 4).

Часто в оценке эффективности работы психотерапевта апеллируют к субъективным ощущениям клиента, который считает, что «ему стало лучше». Но является ли это «лучше»

объективным критерием эффективности психологической практики? А что если завтра ему станет еще хуже, и именно потому, что пациент прошел, например, курс психотерапии? Здесь важно различать два случая: ближайший эффект психологической помощи, который чаще бывает, с точки зрения самоощущений клиента, положительным, и более отдаленный, который, напротив, уже по объективным наблюдениям чаще бывает отрицательным. Почему ближайший эффект чаще бывает положительным? Не потому ли, что с клиентом общаются, ему помогают, обсуждают его жизнь и проблемы. Не потому ли, что помогает клиенту специалист-психолог, который «знает» и поэтому может сказать, что с человеком, обратившимся за помощью, происходит на самом деле, отчего проистекает его неблагополучие и, главное, как от него избавиться. Клиент начинает понимать, что с ним происходило в прошлом и что происходит сейчас, у него появляется надежда.

Разве недостаточно этих трех факторов: участия и помощи — раз, понимания происходящего — два, появившейся надежды на улучшение — три, чтобы пациенту «стало лучше»? Даже если на самом деле (это на «самом деле» становится ясным или значительно позднее или в специальном анализе) предложенная и принятая психологическая помощь была или неэффективной или вовсе вредной, усугубившей неблагополучие клиента!

«Что же ценного,— спрашивает В.Н. Цапкин,— мы можем извлечь из обширной литературы по исследованию психотерапии? Важнейшими факторами,

влияющими на эффективность психотерапии, независимо от теоретической ориентации психотерапевта, являются, согласно исследованиям Дж. Фрэнка (Frank, 1961), вера психотерапевта в действенность своего метода и вера пациента в помощь своего психотерапевта. Дж. Мармор (Marmor, 1975) в своем исследовании делает два главных вывода. Во-первых, эффективность психотерапии зависит не столько от метода, сколько от опыта и личности психотерапевта; этот вывод сделан на основании сопоставления результатов психотерапии, проводившейся, в частности, представителями различных психодинамических ориентаций (психоаналитиками, юнгианцами, адлерянцами) и поведенческими терапевтами. Во-вторых, во всех видах психотерапии действуют одни и те же психотерапевтические факторы (хотя и в разных пропорциях): 1) установление особого контакта между психотерапевтом и пациентом — исходная предпосылка, на которой строится психотерапия; 2) ослабление напряжения на начальной стадии, основанное на способности пациента обсуждать свои проблемы с лицом, от которого он надеется получить помощь; 3) расширение репертуара когнитивных схем за счет информации, получаемой от психотерапевта; 4) оперантная модификация поведения пациента за счет позитивно-негативного подкрепления со стороны терапевта, а также коррективного эмоционального опыта в терапевтических взаимоотношениях; 5) приобретение социальных навыков благодаря идентификации с психотерапевтом; 6) убеждение и внушение, явное или скрытое; 7) усвоение и отработка адаптивных паттернов поведения при эмоциональной поддержке со стороны психотерапевта. Что же касается исследований, посвя-

щенных оценке эффективности различных психотерапевтических подходов, то они, на наш взгляд, по существу зашли в тупик» (Цапкин, 1992, с. 19).

Не подтверждают ли эти исследования и обычные наблюдения, а именно, что главное — это не знания механизмов психики, причин ее нарушения и способов восстановления, а взаимоотношения психолога с клиентом и вера последнего в возможность психологической помощи. Или все же психолог знает и может реально помочь, поскольку владеет точными методами, основанными на психологической науке? Как пишет Ф.Е. Василюк, «психолог-практик ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий» (Василюк, 1992, с. 20). В связи с этим стоит еще раз обратиться к статье А.Ш. Тхостова. «Семиотическая составляющая — интерпретация некоторого явления, — пишет он, — принципиально неустраняема из любой конкретной психотерапии. А иногда, как в случае ритуального лечения или плацебо-эффекта, составляет его единственное содержание. Причем не столь уж невесомое: плацебо-эффект составляет в среднем около 30% терапевтического эффекта, а при применении определенных технологий может быть увеличен до 90% (Тхостов, 2002, с. 104). То, что Тхостов называет «семиотической составляющей», на мой взгляд, связано с «концептуализацией», т. е. с тем, как человек понимает и сталкивается реальность и свою деятельность. Действительно, в психотерапии, так же,

впрочем, как и в других гуманитарных областях, концептуализация создает самостоятельное содержание. В этом плане реальное содержание произведения — это всегда переплетение того, что создается объективными процедурами познания (восприятия) и концептуализацией.

Помимо проблемы эффективности, меня интересуют ответы на еще несколько принципиальных вопросов: как психотерапевт осознает (концептуализирует) свою работу, всегда ли он действует в соответствии со своими концептуализациями; какую роль в психотерапии выполняют анализы личности пациента (ведь это всего лишь реконструкции, часто далекие от действительности; не являются ли они формальными?); нужно ли вытаскивать на свет все то, что пациент не хочет предъявлять другим или не осознает (нередко такое осознание создает для пациента дополнительные проблемы); что специфически психологического в работе психотерапевта? (Он, конечно, использует психологические знания и методы, но они часто тонут в море других неспецифических представлений и действий.)

Предвижу возражения: как можно судить о психотерапии, анализируя не психотерапевтическую практику, а роман о такой практике, ведь художественное произведение — не объективное знание, а вымысел. Напомню: речь идет не о простом романе, а новом жанре, сочетающем художественную форму и научный дискурс. Более того, такой жанр дает определенные преимущества в сравнении с чисто научными построениями. В романах типа «Маятник Фуко», «Шопенгауэр как

лекарство», «Проникновение в мышление» автор может более точно и адекватно излагать свои научные или философские идеи, поскольку свободен от необходимости доказывать свои положения и более свободен в плане ограничений реальности. С этой точки зрения, хотя речь в таких романах вроде бы идет о рефлексии опыта автора, на самом деле — это скорее теоретический конструкт, созданный всего лишь с опорой на авторский опыт с целью решить проблемы, которые волнуют автора. Рискну предположить, что и обсуждение природы психотерапии лучше вести не на материале реального опыта психотерапевта, а на материале романов о психотерапии, безусловно, не любых, а оговоренного здесь типа.

В дискуссии о психотерапии, на мой взгляд, был один недостаток. Большинство ее участников согласилось, что современную психотерапию образует множество отдельных психотерапий и психотерапевтических методов (Сосланд, 2006), а «любая психотерапевтическая практика (и теория) представляет собой довольно сложное образование, в котором могут параллельно сосуществовать (в разных пропорциях) психотехнические приемы, элементы педагогики, обучения, возможностей самореализации, смысловые образования, проекты жизнетворчества, заместительная деятельность» (Тхостов, 2006, с. 104). Но если это так, то, чтобы объективно судить о психотерапии, недостаточно только экспертных мнений (однако именно из таких экспертных суждений, по логике жанра, и состоит журнальная дискуссия), необходимы,

с одной стороны, *специальные исследования разных направлений психотерапии*, с другой — *методологическая проработка основных проблем психотерапии*. В обоих случаях нужно еще правильно установиться в исследовании и методологической работе, что невозможно без участия и влияния психотерапевтического сообщества, а также «общих дел» (совместных для разных направлений и школ психотерапевтических проектов, обсуждения подходов и принципов работы, условий социализации психотерапии и др.). Но вопрос, сложилось ли психотерапевтическое сообщество, есть ли у него общие дела? Думаю, пока нет, ЕПА — это всего лишь одна из попыток подобного обустройства и строительства. В этой ситуации начинать имеет смысл не с создания «психотерапевтической Лиги Наций или ООН», а с анализа конкретных психотерапевтических практик и направлений, к которым относится и романский опыт психотерапии Ирвина Ялома.

Прежде чем перейти к описанию работы Ялома-Джулиуса, расскажу, как я вижу ситуацию в современной психотерапии. На мой взгляд, в сложившейся психотерапевтической практике необходимо различать два случая (стратегии) использования психологических представлений. Один, вполне укладывающийся в идеологию фрейдизма, когда целое (психика, личность и пр.) задается психоаналитической теорией и схемами, а психотерапевтическая помощь понимается в логике вменения (внушения) пациенту этих теорий и схем. В том случае, если пациент принимает их, ему объясняют, что с ним на самом деле и как лечиться.

Если при формировании психотерапии психиатры и психологи легко шли на применение гипноза, то известно, что в дальнейшем они все больше отходили от использования техники прямого внушения. «Видимо, не случайно,— пишет А. Сосланд,— история психотерапии началась с гипноза. ...Принцип невмешательства, введенный в терапевтический обиход, создает иллюзию минимального участия терапевта...» (Сосланд, 1999, с. 233, 258).

Указанная здесь стратегия опирается на три не всегда осознаваемые предпосылки. Первая состоит в том, что *практика имеет дело с научным знанием и теорией*, хотя на самом деле — прежде всего с языком описания, с интерпретациями, и лишь затем — всего лишь с гипотетическим знанием. Вторая предпосылка, что человек «прозрачен», что его *рано или поздно целиком и полностью можно описать на основе исповедуемой исследователем (практиком) психологической теории*. В свое время предельно откровенно эту позицию заявил Дж. Уотсон. «Бихевиоризм,— писал он,— ни на одну минуту не может допустить, чтобы какая-нибудь из человеческих реакций не могла быть описана в этих терминах» (Уотсон, 1980, с. 36) (т. е. с помощью теоретической схемы «стимул-реакция»). Третья предпосылка, опирающаяся на две предыдущих, состоит в том, что психолог, *познав в своей науке устройство, механизм психики, ее законы, может управлять человеческим поведением*. «Не Шекспир в понятиях, как для Дильтея,— писал в 1927 г. Л.С. Выготский,— но психотехника — в одном слове, т. е. научная теория, которая привела бы

к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» (Выготский, 1982, с. 389). Впрочем, ради справедливости нужно заметить, что эти три предпосылки разделяются и декларируются прежде всего сторонниками естественно-научного подхода в психологии. Другие психологи, ориентированные на гуманитарный подход, или отвергают эти предпосылки, или следуют им, не осознавая того.

Вторая стратегия состоит в том, что психотерапевт работает одновременно на двух уровнях. Первый задается гуманитарно ориентированными психологическими теориями и схемами. На их основе психотерапевт вычленяет свой объект, осмысляет терапевтическую ситуацию, намечает стратегию работы с пациентом, корректирует свои действия. Второй уровень представляет собой недетерминированное психологической теорией и схемами общение психотерапевта со своим пациентом как с обычным человеком. Психотерапевт старается ему помочь, внушить уверенность в благоприятном исходе дела, передать свой опыт, добавить энергию и т. д. и т. п., причем предоставить специфическое и уникальное в каждом конкретном случае.

«В процессе работы с психотиками, — пишет психотерапевт П. Волков, — я пришел к незамысловатой «идеологии» и несложным принципам. Самое главное — доверительный контакт больного и врача возможен лишь при условии, если врач принимает точку зрения больного. Это единственный путь, так как больной не может принять точку зрения здорового смысла (именно поэтому он и является больным). Если пациент чувствует, что врач не только готов серьезно его слу-

шать, но и допускает, что все так и есть, как он рассказывает, то создается возможность для пациента увидеть во враче своего друга и ценного помощника. Как и любой человек, больной доверится лишь тому, кто его принимает и понимает... (Обратим внимание: врач как друг и помощник, как понимающий и принимающий. — В.Р.)

Больной в случае доверия может посвятить врача в свой бред и начать советоваться по поводу той или иной бредовой интерпретации. Таким образом, врач получает возможность соавторства в бредовой интерпретации. В идеале психотерапевт будет стремиться к тому, чтобы пациент со своим бредом «вписался», пусть своеобразно, в социум. В бредовые построения врач может вставить свои лечебные конструкции, которые будут целебно действовать изнутри бреда...

Психотерапевту следует развивать тройное видение. Он должен уметь одновременно видеть проблемы пациента так: а) специалист-психиатр, б) просто здравомыслящий человек, в) совершенно наивный слушатель, который верит каждому слову психотика и считает, что все так и есть, как тот говорит. Последнее видение с необходимостью требует способности живо ощутить (то есть не только умом, но и своими чувствами) психотический мир...

Я являюсь сторонником Юнговского принципа, что вместе с каждым больным нужно искать свою неповторимую психотерапию» (Волков, 2000, с. 457–460).

Важно, что на этом втором уровне психотерапевт и пациент — это два человека одной культуры. Правда, психотерапевт здесь выступает в роли личности, пришедшей на помощь, у него есть опыт такой помощи,

уверенность, силы, ощущение своего назначения; в конкретном случае каждым терапевтом все это понимается по-разному. Пациент же — это человек, обратившийся за помощью.

Так вот, работа психотерапевта одновременно на двух указанных уровнях, где за счет второго уровня сохраняется целое — человек и его культура, позволяет психотерапевту помочь пациенту, не создавая дополнительных проблем. Конечно, при условии, если правильно выдержаны все другие необходимые условия работы. Будем эту стратегию психотерапевтической работы в отличие от психоаналитической фрейдистской идеологии называть «гуманитарной».

А. Сосланд указанные два подхода связывает с противопоставлением «номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего)». «Проблема здесь в том, — замечает он в статье «Психотерапия в сети противоречий», — что оба эти подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундировать себя как естественно-научная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместается в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования» (Сосланд, 2006, с. 49).

А. Пузырей обратил мое внимание на то, что в естественно-научном подходе соотношение между теорией и психотерапевтической практикой таково, что предполагается возможность строго охарактеризовать интересующий психотерапевта психический феномен, что позволяет затем

определять как причины психического заболевания, так и терапевтические процедуры. В гуманитарном же подходе это соотношение принципиально другое: здесь теория задает всего лишь сменяемые по мере надобности «леса»; психотерапевтическая стратегия и действия определяются не столько теорией, сколько личностью психотерапевта, его психотерапевтической концепцией, взаимоотношением с клиентом, уникальным процессом психотерапевтической помощи.

Вопрос о разных типах отношения психологической теории и психотерапевтической практики обсуждается также Д. Ушаковым, открывающим дискуссию «Психотерапия как наука», и А. Сосландом, который пишет, ссылаясь на Гуттерера, что «психологические исследования идут за практикой, а не наоборот» (Сосланд, 2006, с. 52). Здесь стоит обратить внимание на то, что есть два рода психологических теорий. Если одни, начиная с середины XIX в., действительно формировались в отрыве от психологических практик и лишь затем старались к ним вернуться, то другие, как психоанализ, складывались вместе с соответствующей психологической практикой. В своих работах я показываю, что теория З. Фрейда несет на себе печать не только его методологических установок, но и психотерапевтической практики, которую он формировал. Первоначально З. Фрейд создает психотехнические схемы, помогающие ему понять, как он работает со своими клиентами, затем он обобщает эти схемы до теории, описывающей психику как таковую (Розин, 2005, с. 143–169). Этот ход — от

собственного психотехнического опыта к теории — характерен и для других психологов-практиков. Если психотехнический опыт у каждого крупного психолога-практика свой, то психологическая теория почему-то трактуется как универсальная, объективно описывающая психику человека.

Если психотерапевт не различает указанные две стратегии и два подхода (фрейдистский, по сути, естественнонаучный и гуманитарный), то он, подобно, например, Л. Хьеллу и Д. Зиглеру, не может выработать отношение к существующим психологическим знаниям и теориям. С одной стороны, два известных психолога — сторонники естественнонаучного дискурса. Вот что они пишут.

«Современная психология личности, являясь научной дисциплиной, трансформирует умозрительные рассуждения о природе человека в концепции, которые могут быть подтверждены экспериментально, а не полагаются на интуицию, фольклор или здравый смысл... Являясь объектом изучения, личность, кроме того, представляет собой абстрактное понятие (*в современном языке науковедения — «идеальным объектом»*).— В.Р)... Тем не менее теория в целом принимается в научном мире как обоснованная и заслуживающая доверия в той степени, в какой результаты наблюдений за феноменом (обычно основанные на данных, полученных в конкретных экспериментах) согласуются с объяснением того же феномена, вытекающим из самой теории... Теория должна не только объяснять прошлые и настоящие события, но также и предсказывать будущее... Теории личности выполняют разные функции в психологии. Они дают нам возможность объяснить, что собой пред-

ставляют люди (выявить относительно постоянные личностные характеристики и способ их взаимодействия), понять, каким образом эти характеристики развиваются во времени и почему люди ведут себя определенным образом» (Хьелл и Зиглер, 1997, с. 20, 22, 26. 27).

Как мы видим, налицо почти весь джентльменский набор естественнонаучного дискурса: обобщение эмпирического материала с помощью абстрактных понятий и гипотез, установка на теорию, эксперимент, прогнозирование. С другой стороны, тут же мы встречаем характеристики науки, характерные для гуманитарного дискурса.

«Хотя персонологи, — пишут авторы рассматриваемой книги, — признают, что в способах поведения людей есть сходство, они прежде всего стремятся объяснить, как и почему люди отличаются друг от друга... Позиция, занимаемая персонологом в отношении свободы — детерминизма, сильно влияет на характер его теории и следующие из нее выводы о сущности человеческой природы. Это в равной степени верно и в отношении других основных положений. *Теория личности отражает конфигурацию позиций, занимаемых теоретиком в отношении основных положений о природе человека*». «Теория — это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть «правильной» или «неправильной»... Теория личности является объяснительной в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным.

Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (*очевидно, психоанализа З. Фрейда.*— В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (там же, с. 22, 26).

Здесь, по меньшей мере, два положения (*теория отражает конфигурацию позиций, занимаемых теоретиком в отношении основных положений о природе человека, и обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать*), специфичные для гуманитарного подхода. Представители же естественных наук занимают относительно объекта изучения (природных феноменов) не разные позиции, а одну, позволяющую не понимать и интерпретировать, а рассчитывать, прогнозировать и управлять природными явлениями.

Позиция Ирвина Ялома близка к позиции Л. Хелла и Д. Зиглера, т. е. он старается усидеть сразу на двух стульях. С одной стороны, И. Ялом иронизирует по поводу расхожей версии психоанализа З. Фрейда, но, с другой — не может расстаться с фрейдистскими идеями и представлениями, в частности, многие проблемы человека сводит к сексуальным. Действительно, Гилл, один из героев романа, участник психотерапевтической группы Джулиуса, делится с остальными участниками своей проблемой.

«Так вот,— вернулся он к своему рассказу,— У Роуз (жена Гилла. — В.Р.) те-

перь *idée fixe*, что ее отец приставал к ней, когда она была маленькая. Вбила в голову — и ни в какую. Что ты конкретно помнишь? Ничего. Кто-нибудь может подтвердить? Никто. Но ее психоаналитик убежден, что если она подавлена, боится секса и если у нее все эти штучки вроде провалов в памяти и неконтролируемых эмоций и в особенности агрессия к мужчинам, то ее *наверняка* должны были совращать в детстве. Так, видите ли, написано в этой чертовой книжке, а он на эту книжку молится. И вот мы уже несколько месяцев только и делаем, что об этом говорим. Она мне уже всю плешь проела. Что сказал врач да что он посоветовал. Все. Других тем нет. Про постель забудь» (Ялом, 2003, с. 126–127).

Налицо явно отрицательное отношение И. Ялома к обычному пространственному пониманию психоанализа. В то же время герои романа как будто помешались на сексе, такое впечатление, что секс — главный стержень жизни, что все жизненные проблемы вращаются именно вокруг постели. Так, Филип впервые обратился к Джулиусу с такой проблемой: постоянно думает о сексе, мастурбирует, занят поисками случайных половых связей, может заснуть или заняться делами только после того, как овладеет женщиной, за последний год переспал с девятью партнерами. Все попытки Джулиуса помочь Слейту в тот период ничего не дали. Однако позже Филип сам прекратил все связи с женщинами, и когда Джулиус в свой последний год разыскал Слейта и стал с ним работать, сексуальные проблемы вроде бы его больше не беспокоили.

Любимица Джулиуса и всей группы прекрасная Пэм страдает

навязчивыми мыслями по поводу мужа, оказавшегося никчемным человеком, но главным образом по поводу своего любовника, который ее неожиданно бросил. Но еще раньше, как выясняется, она, будучи студенткой, встретила Филипа, который соблазнил ее.

«Как-то в субботу вечером, — рассказывала Пэм группе, — он звонит мне и просит зайти к нему по поводу моего выпускного сочинения. Я прихожу, и он начинает с места в карьер. Я была совершенной дурочкой, позволила собой манипулировать, и не успеваю я опомниться, как оказываюсь в чем мать родила на диване в его кабинете. Мне было восемнадцать, и я была девственницей. А он был любитель грубого секса. Он повторил еще пару дней, а потом бросил меня — даже перестал смотреть в мою сторону... А я — я была так напугана, я боялась спросить — он ведь был учителем, от него зависели выпускные экзамены. Вот так я вошла в мир секса. Я была уничтожена... и перестала считать себя привлекательной... Напоследок показал ей (Молли, подруге Пэм. — В.Р.) список из тринадцати женщин, с которыми переспал за тот месяц, — в основном девчонки из нашей группы. Мое имя значилось первым в этом списке» (там же, с. 276–277).

Пэм, встретив на группе Филипа и обнаружив, что он ей нравится, несмотря на все причиненное ей пятнадцать лет назад горе, желая Филипа уязвить, тут же переспала со своим приятелем Тони, еще одним участником группы. На версию детского доктора Стюарта, что она это сделала, чтобы ослабить влияние Филипа на Тони, Пэм отвечает так: «Спасибо, Стюарт, очень ценное замечание. По-твоему, чтобы кон-

курулировать с этим зомби, я должна перетрахаться со всей группой. Так ты себе представляешь женскую логику» (с. 473). По поводу версии Гилла, что Пэм использовала Тони, Пэм не сразу, но все же соглашается.

«О Тони. Прости меня, я виновата. Я совершила ошибку... Мне самой гадко, поверь мне... Я хочу, чтобы ты меня простил. Ты же отличный парень, Тони, и ты мне нравишься. Знаешь, как мои студенты это называют? “Крутой перепихон”. Это похоже на нас с тобой — тогда это было здорово, но сейчас — сейчас группа для меня важнее. Давай лучше займемся своими проблемами» (там же, с. 493).

Но и у самого Гилла был детский грешок — он в тринадцать лет жил со своей тетей. И благополучная красавица Ребекка оказалась небезгрешной: за две недели до свадьбы она поехала в командировку в Лас-Вегас. Там неожиданно для самой себя она стала выдавать себя за проститутку и переспала за деньги с несколькими мужчинами. Наконец и Джулиуса попутал бес, причем в очень странных обстоятельствах. В автомобильной катастрофе в Мехико погибла его любимая жена Мириам.

«Я очень страдал — по правде говоря, я от этого так и не оправился. Так вот, тогда я неожиданно стал замечать, что мои страдания принимают весьма странную форму: я вдруг почувствовал необычный прилив сексуальности. Тогда я еще не знал, что повышенная сексуальность — довольно частая реакция на смерть; с тех пор я встречал немало людей, которые, пережив трагедию, становились возбужденнее. У меня были пациенты, пережившие серьезные сердечные приступы; они рассказывали мне, что по дороге в больницу пытались щупать медсестер. Со временем

я чувствовал себя все напряженнее, мне нужно было все больше и больше, и когда знакомые женщины, замужние или незамужние, приходили, чтобы меня успокоить, я пользовался этим и затаскивал их в постель — включая и родственниц Мириам» (там же, с. 372–373).

Таким образом, получается, что даже смерть любимого человека — это всего лишь повод для новых сексуальных желаний. Миром и человеком правит секс. На одном из заседаний группы выяснилось, что все мужчины посещают порносайты. Обсуждая этот факт, Тони заметил: «Да, постель дело темное. Хотя если посмотреть, мужик — он и есть мужик. Вот хотя бы я — получил срок, а за что? За то, что, видите ли, заставил Лиззи взять у меня в рот. Да я знаю сотню парней, которые делали кое-что и похуже, — и ничего» (там же, с. 449).

И. Ялом хотя и иронизирует над расхожим пониманием З. Фрейда, сам недалеко ушел от психоаналитической трактовки человека. Последнее подтверждает поведение его героев в момент грехопадения: они действуют бессознательно, их разум молчит, он включается потом.

«Кредо Фрейда, — замечают Л. Хьелл и Д. Зиглер, — где раньше было Ид, там будет Эго — выражает его оптимизм в отношении того, что силы разума смогут приручить примитивные и иррациональные побуждения. Несмотря на наличие тезиса о том, что посредством психоанализа можно достичь высокой степени рациональности, теория Фрейда прочно цементирована представлениями о важности иррациональных элементов в поведении человека. С позиций этой теории идея о том, что разумный человек

держит под контролем ход событий своей жизни — не больше, чем миф» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 134).

Приверженность Ялома психоаналитическому видению подтверждает и реакция группы на признания ее участников в своих различных сексуальных прегрешениях: группа единодушно оправдывает самые тяжелые, с точки зрения общественной морали, сексуальные поступки, даже граничащие с преступлениями. Так, безусловно, поведение Филипа, правда, пятнадцатилетней давности, является преступлением. Он воспользовался своим положением педагога и склонил юную студентку Пэм к половым отношениям. Но группа просит Пэм простить Филипа, кстати, на том основании, что это уже не тот самый Филип. Но сам Филип, обращаясь к своему духовнику Шопенгауэру, скорее пытается оправдать свое поведение.

«Прежде всего, Шопенгауэр не стал цокать языком и сокрушаться, как недостойно ведут себя мужчины. Вместо этого уже двести лет назад он понял, что в основе нашего поведения лежит непреодолимая и могущественная сила полового влечения. Это основная движущая сила человечества — желание жить, производить потомство, — и ее невозможно остановить. Никакими доводами разума нельзя избавиться от нее... Шопенгауэр заставил меня понять, что каждый из нас обречен бесконечно вращаться на колесе желаний: сначала мы хотим, потом удовлетворяем свое желание, некоторое время испытываем удовлетворение, которое очень быстро перерастает в скуку, а та, в свою очередь, снова сменяется следующим «хочу» — и так без конца, до тех пор, пока мы потворствуем своим желаниям».

«Много лет назад мы с тобой вступили в контакт: мы оба испытывали возбуждение и сняли его. Я выполнил свою часть — сделал все, чтобы ты получила удовольствие, и проследил, чтобы с моей стороны не осталось никаких обязательств. Если честно, я получил нечто — и ты получила нечто. Я получил удовольствие и разрядку — ты тоже. Я абсолютно ничего тебе не должен» (Ялом, 2003, с. 450–451, 454).

Ялом-Джулиус оправдывает любые поступки участников своей группы также и потому, что в целом он все же стремится работать в гуманитарном ключе. Здесь самое время рассказать о том, как он работает. В этой работе два основных звена: группа и психотерапевт, ведущий группу. Свою задачу Джулиус формулирует так.

«Я всегда считал психотерапию скорее призванием, чем профессией... Настоящий врач стремится уменьшить страдания других, помочь им стать лучше... моя цель помочь каждому пациенту как можно лучше понять, в каких отношениях он или она находится с другими членами группы, в том числе и с руководителем... Психотерапевты ведь, как родители: хороший родитель делает все, чтобы его ребенок твердо стоял на ногах, чтобы однажды он смог распрощаться с родительским домом и начать собственную жизнь. Так и хороший психотерапевт: его задача — помочь пациенту однажды распрощаться с психотерапией» (там же, с. 97–98, 106, 482).

Распрощаться с психотерапией, в частности, за счет того, что пациент как бы станет сам для себя психотерапевтом. Члены группы Джулиуса постоянно демонстрируют, что

они усвоили приемы Джулиуса и могут их применять к себе. Джулиус стремится решать две разные задачи: с одной стороны, отвечает на прямые запросы пациентов, работая с их симптоматикой (например, если Пэм жалуется по поводу навязчивых мыслей о любовнике, то Джулиус вместе с группой стараются сделать так, чтобы эти мысли перестали посещать и беспокоить Пэм), с другой — как он говорит, старается «помочь пациенту стать лучше».

«Люди часто приходят в группу, имея в виду какое-нибудь одно четкое желание, например, улучшить сон, отделаться от кошмаров или преодолеть какую-нибудь фобию, а потом, через несколько месяцев, начинают формулировать свои задачи несколько иначе и уже нацеливаются на что-нибудь посерьезнее, вроде того, чтобы научиться любить, обрести интерес к жизни, справиться с одиночеством или повысить самооценку» (там же, с. 445).

Но вот что интересно, а можно ли научиться любить или обрести интерес к жизни в рамках психотерапии?

Значение группы Джулиус оценивает очень высоко, это, собственно, основной инструмент его работы. Как пишет Ялом, «группа — священный ковчег милосердия, без устали переправляющий толпы измученных людей к спасительным берегам душевного спокойствия» (там же, с. 148). Благоприятно группа влияет и на самого психотерапевта, поскольку позволяет ему на время забыть свои проблемы, почувствовать уважение к себе членов группы и удовольствие от того, что кому-то удалось помочь (там же, с. 150). Анализ книги показывает, что группа выполняет несколько

важных функций: поддерживает участников и, кстати, психотерапевта в их усилиях, создает условия для общения, позволяет увидеть то, что сам отдельный человек вне группы увидеть не может (вероятно, за счет групповой рефлексии и позиции «внеаходимости», см. М. Бахтина).

Роль же самого психотерапевта — это роль сталкера, ведущего группу и направляющего весь процесс. Но, как старается показать И. Ялом, только в рамках групповой работы; сами по себе усилия психотерапевта вряд ли привели бы к таким удивительным результатам. Теперь о том, почему я считаю, что, несмотря на «психоаналитические гири», Ялом-Джулиус все же реализует вторую стратегию — гуманитарную. Это видно из следующих установок и положений.

— Решает, как ему поступить и жить, не психотерапевт, а пациент; даже советовать психотерапевт должен в такой форме, чтобы совет не воспринимался как императив.

— Главное — не социальные роли человека, а человеческие отношения [*«...наша группа — мы все здесь, — говорит Гилл, — потому, что мы — люди, которые пытаются относиться друг к другу по-человечески, а не сравнивать свои роли в жизни, свое положение»* (там же, с. 247)].

— Стремление понять и простить другого человека, в частности, взглянув критически на себя [*когда Джулиус узнает от Пэм, что Филип вел список женщин, с которыми он переспал, он думает про себя: «А разве я сам в молодости не вел таких списков? Естественно, вел, как, впрочем, и большинство мужчин»* (там же, с. 280–281)].

— Установка на сопереживание с другими, даже с теми которых, ты не понимаешь, с которыми не согласен.

— Обнаружение своей ценности, ценности своего поступка [*Стюарт признается, что его постоянно раздражает собственный двенадцатилетний сын, поскольку он живет лучше, чем жил Стюарт. Тони советует: «А ты не пробовал почувствовать гордость за то, что это ты обеспечил своему сыну такую счастливую жизнь»* (там же, с. 442)].

— Предложение понимать критику в свой адрес как стремление помочь тебе [*«Самое главное, — говорит Джулиус Ребекке, — научиться воспринимать чужую критику как помощь, только сначала надо разобраться, справедлива ли она»* (там же, с. 254)].

— Принять себя таким, каким ты есть на самом деле; увидеть естественное и, может быть, даже ценное в том, что считаешь постыдным или греховным.

— Одновременно, тем не менее, нужно стыдиться поступков, которые, с твоей точки зрения, являются плохими, причиняют вред другим людям, делают им больно.

— Установки на открытость, веру в то, что говорит клиент, принятие любого признания [*Когда Гилл признается, что он алкоголик и каждый вечер напивается до потери сознания, все в группе поражены и, прежде всего, Джулиус. «Джулиус всегда безгранично верил своим клиентам, он был одним из тех неисправимых оптимистов, которых совершенно выводит из себя малейшее двуличие». Затем он думает: «Член группы никогда не должен страдать от собственных признаний. Наоборот, его смелость*

должна только вознаграждаться и под-
держиваться» (там же, с. 341–342)].

– Требование равноправных отношений между психотерапевтом и клиентом, стремление к диалогу.

– Установка на расширение сознания, стремление к духовной жизни.

– Обсуждение тем смерти, смысла жизни и экзистенциальных ситуаций, проявляющих «человеческое в человеке».

В целом думаю, читатель согласится, что перечисленные установки и положения задают гуманитарную направленность работы психотерапевта. Теперь о том, какие еще формы работы и принципы, помимо групповой работы, характерны для психотерапии И. Ялома. Ну, раз психотерапия, то имеет место использование различных психологических подходов, представлений и концепций. Главные из них следующие:

– составление психологических портретов пациентов, включающих их историю, черты характера, особенности личности;

– сексуальная трактовка поведения, понимание сексуальности как обуславливающей поступки человека;

– работа, направленная на осознание (репрезентацию) неосознаваемых полностью, неосознаваемых частично или сознательно скрываемых обстоятельств и поступков человека (*к последним, например, относилось признание Гилла о том, что он алкоголик, к двум первым — поступок Пэм, когда она, чтобы уязвить Филипа, переспала с Тони*);

– использование представлений коммуникативного подхода о «конгруэнтном и неконгруэнтном общении», «чтении мыслей», «сложном

равенстве» (см., например, работы Р. Бендлера, Д. Гриндера и В. Сатир);

– работа по *переосмыслению* себя, ситуации, других (этот момент присутствовал уже в ранних работах З. Фрейда, но тот не придавал ему значения в силу своего подхода, напротив, в рамках гуманитарного подхода работа с сознанием и переосмысление являются основными психотерапевтическими процедурами);

– реализация принципа «здесь и сейчас». [*Всегда полезней, подчеркивает Джулиус, перевести «основную проблему пациента в плоскость “здесь и сейчас”, чем пробиваться сквозь дебри прошлого или искать причины вовне*» (там же, с. 245)].

Таким образом, мы видим, что психотерапевт гуманитарной ориентации действительно использует психологические представления, причем очень разные. Последний момент сегодня отмечают многие исследователи. Однако, помимо психологических представлений, он широко использует также представления философии и гуманитарных наук. В данном случае И. Ялом и Джулиус прибегают к учению А. Шопенгауэра, который для них не только философ, но и предтеча психотерапевта. Другой пример — одна из первых работ П. Волкова. Его пациент страдал навязчивостью.

«Мы стали, — пишет Волков, — раздумывать о первоосновах бытия. Обратившись к дзенбуддизму, пациент несколько раз испытал чудесное, в словах малоописуемое состояние интуитивного проникновения в сущность бытия. Ему стало ясно, что в своем символично-магическом отношении к бытию он проходил мимо этих первооснов, что его склонность к Вере вырождалась в суеверие. Такая

философски-аналитическая прояснительная работа и оказалась психотерапевтически целебной. В новом состоянии сознания, в новом мировоззрении, к которому пациент бессознательно тянулся и которое искал, уже легко было отказаться от символично-магических ритуальных заклинаний, как им противопоставлялось отношение глубинно-проникновенного доверия к жизненным первоосновам. В итоге пациент нашел в себе духовную решимость отставить в сторону ритуалы. Вместо них в душе жило другое, более подлинное, глубокое, сложное и проникновенное религиозное отношение. Ощущая свою свободу от навязчивостей, он испытывал радость избавления от пут, радость, что оказался способным к духовному освободительному повороту, и это только усиливало новое состояние сознания... Тревожность, как психофизиологическая особенность пациента, осталась, но теперь она будет побуждать его не к навязчивостям, а к философическому чтению, медитативным занятиям, религиозному поиску, а это ему глубоко созвучно и не вызывает ощущения патологичности, а, напротив, просветляет и укрепляет» (Волков, 1992, с. 68–70).

Как мы видим, П. Волков прибегает не только к психологическим, но и к философским представлениям; его дискурс включает и ряд других знаний, например, из семиотики и аксиологии, наконец, просто житейские представления, определяемые его личным жизненным опытом, прочитанной П. Волковым литературой, возможно, его окружением. С этой точки зрения, психологическая помощь в варианте П. Волкова, как, кстати, и В. Франкла, действительно обращена не к психике, а к

душе или личности человека, к человеку в целом. И весьма существенны поэтому, как пишет П. Волков, требования «целостного изменения, затрагивающего всю душу», «изменения мировоззрения и мироощущения».

Здесь может возникнуть вопрос: не утверждает ли автор, что психотерапевт должен стать философом? Нет, естественно, хотя мудрость никому не помешает. Понятно, что психотерапевт не занимается решением собственно философских проблем, он использует философские и, кстати, другие внепсихологические представления (культурологические, филологические, социологические и т. д.), как средства своей работы. В этом плане можно утверждать, что в психиатрии используются не только психологические «инструменты», но и внепсихологические. Последние обычно оформлены как своеобразная мудрость или «опыт жизни». Конкретно у И. Ялома это учение А. Шопенгауэра (с добавлением Ф. Ницше, И. Канта и некоторых других мыслителей), преломленное, истолкованное, адаптированное применительно к задачам психотерапии. Последнее принципиально, концепция А. Шопенгауэра в данном случае берется не так, как, например, с ней работают философы, а прагматически, для нужд психотерапии. Вот примеры.

«Между знанием и лечением,— говорит Филип,— нет четкой грани. Греки — Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы — все они считали образование и размышление лучшими средствами борьбы с человеческими страданиями. Большинство философов-консультантов считают образование основой терапии» (Ялом, 2003, с. 406).

— Ты услышала много отзывов о себе, Ребекка,— сказал Джулиус. — Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя великолепно — это здорово. Мне кажется, все начали относиться ко мне по-другому.

— Это не мы — это ты сама, — сказал Тони. — Больше дал — больше взял» (с. 425).

Размышляя об отношениях между Пэм и Филипом, Джулиус вспомнил фразу из Талмуда: «Спаси одного человека — значит спасти целый мир». Постепенно желание спасти их отношения начало вытеснять все остальное, сделалось его *идеей фикс*» (Ялом, 1993, с. 443).

Интересно, что почти в каждой серьезной практике можно найти тексты, в которых аккумулирован соответствующий «опыт жизни», но преломленный применительно к особенностям этой практики. Один из таких примеров — подаренная мне на юбилей книга «Обретение Неба на Земле: 365 размышлений Ребе Иенахема-Мендла Шнеерсона», где представлены мудрость и опыт жизни еврея-хасида.

Чтобы проиллюстрировать работу Ялома-Джулиуса и получить дополнительный материал для ответа на интересующие меня вопросы, рассмотрим, как он помог Филипу. Сначала Джулиус работал с Филипом индивидуально. Он применяет весь спектр своих приемов и «инструментов», но это ничего не дает. Вспоминая этот период пятнадцатилетней давности, Филип говорит.

«Сейчас я точно не помню, что мы делали,— кажется, все время пытались как-то связать мою проблему с моей прежней жизнью. Выводили, выводили — мы все время пытались что-то вывести... А проблема была серьезная.

Я знал это. И еще я знал, что обязан во что бы то ни стало с ней завязать... Помню, вы тратили кучу времени на то, чтобы исследовать мои взаимоотношения с другими людьми — и, в особенности, лично с вами. Я не видел в этом никакого смысла — не видел тогда, не вижу и сейчас» (там же, с. 49).

Тем не менее, признавался Филип задним числом, какое-то положительное значение работа Джулиуса имела, особенно ему запомнились два случая.

«— Первый произошел, когда я описывал Джулиусу свой обычный вечер: как я выхожу на поиски, снимаю девицу, приглашаю на ужин, соблазняю и так далее — и потом спросил его, что он чувствует — удивление или отвращение? И он ответил, что ни то ни другое — это просто кажется ему скучным. Этот ответ меня потряс. Он заставил меня понять, какую мелкую и ничтожную жизнь я веду.

— А второй? — спросил Тони.

— Однажды Джулиус спросил меня, какую эпитафию я хотел бы заказать. Я не нашелся, что ответить, и он предложил мне написать “он много трахался” и добавил, что мы с моей собакой вполне могли бы использовать одну плиту на двоих... И это действительно сработало» (там же, с. 457).

Может быть, это частично и сработало, но, как видно из рассказов Филипа, на самом деле психотерапевты ему в тот период не помогли. По совету одного из них Филип обратился к духовной работе, к философии, и здесь он нашел родственную душу с теми же проблемами — вы правильно догадались — Артура Шопенгауэра.

«Влечение к противоположному полу будет доставлять ему немало беспокойства,

и уже в юном возрасте он будет тяжело переживать эту власть низменного инстинкта... Артур будет мечтать освободиться от бремени сексуальности, наслаждаясь краткими периодами безмятежного спокойствия, в которых он сможет всецело предаваться размышлениям» (там же, с. 433).

Следуя за А. Шопенгауэром, советовавшим, как буддисты, отказаться от всех желаний, Филип находит в себе силы порвать с прежним образом жизни, отказаться от женщин, жить исключительно духовными вещами.

«Единственный выход — соскочить с колеса. Именно так поступил Шопенгауэр, то же самое сделал я.

— Соскочить с колеса? Что это значит? — спросила Пэм.

— Это значит совершенно отказаться от желаний... Осознать, что в глубине нас живет неутолимая сила, что мы с самого начала запрограммированы и осуждены на страдания нашей собственной природой. Это значит, что мы прежде всего должны осознать ничтожность этого мира иллюзий, а затем найти способ отказаться от своих желаний. Мы должны стремиться, как это делали все великие мудрецы, жить в чистом мире платонических идей... С тех пор я четко следую этой схеме — я стараюсь общаться только с великими мыслителями, которых читаю ежедневно, я не забиваю свое сознание повседневностью, я упражняю свой мозг, играя в шахматы или слушаю музыку» (там же, с. 451–452).

Войдя в группу Джулиуса, Филип вынужден не только пойти на тесное общение с другими ее участниками (это условие работы в группе), но и выслушивать все их мнения по пово-

ду себя. Джулиус же вместе с группой начинают развернутую атаку на представление Филипа о себе, на культивируемое им буддистское мироощущение. Они говорят Филипу, что он только внешне выглядит спокойным, успешным и в ладу с самим собой, на самом деле Филип — одинокий человек, нуждающийся в общении и любви, и, чтобы ему стало лучше, ему необходимо расстаться с А. Шопенгауэром, хотя раньше тот ему помог.

«— То, что ты предлагаешь, — говорит Пэм Филипу, — что угодно, только не выход. Это бегство от жизни. Тупик. Ты не живешь. Ты даже не слушаешь. Когда я к тебе обращаюсь, у меня нет ощущения, что я говорю с живым человеком» (там же, с. 422).

«— Пойми же, Филип вовсе не злой и не плохой, — добавила Бонни. — Он просто несчастный. Разве ты не видишь разницы?» (там же, с. 456).

«— По-моему, ты ошибаешься, Филип, — сказал Стюарт. — Я имею в виду — когда говоришь о том, что “жил”.

— Я как раз собиралась сказать то же самое, — живо вмешалась Бонни. — Мне лично кажется, Филип, что ты еще не жил по-настоящему. Ты никогда не рассказывал, что любил кого-то или дружил, а женщины — ты сам говорил, что это была охота» (там же, с. 496).

«Жизнь от начала до конца, — говорит Филип, — страдание, и было бы лучше, если бы жизни — жизни как таковой — вообще не было.

— Лучше для кого? — спросила Пэм. — Для Шопенгауэра? Большинство в этой комнате против... Тебе когда-нибудь приходило в голову, что Шопенгауэр страдал хронической депрессией, а Будда жил в те времена, когда абсолютное большинство людей страдало от чумы и голода,

так что, естественно, жизнь казалась им сплошным и бесконечным страданием?» (там же, с. 511).

«— Все это непривычно для тебя,— возразил Джулиус,— ты годами жил в одиночку, а я взял и бросил тебя в самую гущу — в активную, энергичную группу... Ты стал старше, многое пережил, может быть, даже вступил на твердую почву гонимого спокойствия — добро пожаловать...»

— Знаешь, что я тебе скажу? — добавил Тони.— Шопенгауэр, конечно, вылечил тебя, но теперь тебе нужно вылечиться от Шопенгауэра» (там же, с. 516).

И вот под влиянием такого беспрецедентного для Филипа давления и общения он вдруг сдается, соглашается, более трезво смотрит на себя, начинает раскаиваться в совершенных прежде поступках. С Филипом происходит духовный переворот, он начинает меняться, двигаться к новому, более здоровому состоянию.

«Повернувшись к Пэм, Филип быстро ответил:

— Если бы я знал *тогда* то, что знаю *сейчас* о страданиях, которые ты испытала за все эти годы, *я бы никогда не сделал того, что сделал*» (там же, с. 517).

«Ты прав, Джулиус, Эпикур сказал бы, что я уподобился дикому волку...»

— Так кто же настоящий ты? — повторил Джулиус.

Филип посмотрел ему прямо в глаза:

— Чудовище. Хищник. Одиночка... — Его глаза наполнились слезами. — Слепленный злобой. Неприкасаемый. Никто никогда не любил меня. Никто *не мог* меня полюбить...

Все еще держа Филипа за руку и глядя ему прямо в глаза, из которых ручьями лились слезы, Пэм повторила:

— Я могла бы полюбить тебя, Филип. Ты был самым красивым, самым очаровательным мужчиной в моей жизни» (там же, с. 524).

На первый взгляд, кажется, что изменения с Филипом произошли только в результате групповой работы. Именно реализованная технология — *общение с группой, правильное осознание себя, помощь в переосмыслении* — сыграли решающую роль в его исцелении. Но если внимательнее присмотреться, можно заметить, что Джулиус выстроил всю работу индивидуально под случай Филипа. Здесь и атака на буддистское мироощущение и философию А. Шопенгауэра, и встреча с Пэм, поставившая Филипа перед самим собой, заставившая его увидеть себя во всей неприглядности, и критика его настоящей эгоистичной, одинокой жизни, и демонстрация альтернативного образа жизни, в котором общение, любовь и забота о ближнем играют огромную роль.

Другими словами, недостаточно одной психотерапевтической технологии, как это может показаться при чтении романа И. Ялома. На самом деле эффект психотерапевтических усилий достигается только при сочетании психотерапевтической технологии с верно найденной (изобретенной) стратегией индивидуального подхода к пациенту. И вот здесь как раз необходимы психологические портреты клиентов. Но не для того, чтобы, как в психоанализе, найти однозначную причину заболевания, а с целью коррекции своих действий и лучшего понимания своего пациента. Психологический портрет — это не модель клиента

и его истории, а одна из полезных для психотерапевтической работы версий его жизни и личности. Проиллюстрирую сказанное на примере еще одного случая работы Павла Волкова. Его пациентку звали Света.

«Семейное счастье, любимая работа, уважение людей,— начинает описание этого случая Волков,— все неожиданно исчезло для Светы. Четыре госпитализации в дома для умалишенных, одиночество, инвалидность второй группы без права работать — таковы обстоятельства жизни моей пациентки на момент нашей встречи в 1984 году» (Волков, 2000, с. 456, 478).

Характер событий ее деформированной реальности Волков характеризует так.

«Правда, порой у нее возникали разные “дикие” предположения, но серьезно верилось лишь в одно: какая-то группа людей, скорее всего не очень многочисленная, организовала своеобразную травлю. В нее вовлечены ее коллеги по работе и некоторые посторонние люди, распространяются сплетни, за ней подсматривают, даже каким-то образом временами подключая ко всему этому телевизор и прессу. Причем все организовано по мафиозному принципу, то есть простые исполнители ничего не знают и не имеют прямого выхода на центральную группу. Кто они и зачем ее травят — этого в точности она не знала» (там же, с. 468).

Теперь о том, как П. Волков видит генезис самого заболевания, какой психологический портрет Светы он создает. «Происшедшее с ней Света определила краткой формулой: “Мою жизнь сломали, впутав в невыносимую ситуацию”. При этом она

отмечает, что “ситуация” явилась лишь десятикратным усилением ее сложившихся отношений с окружающими».

«Уже в детстве отличалась своеобразием. Любимица матери, баловница, прелестная, с белокурыми красиво вьющимися волосами, милая, но с характером. Много читала, не стремилась в веселый и бездумный коллектив сверстников. Еще маленькая жила по своим принципам, требуя их признания у окружающих... С детства чувствовала свою исключительность, особенность...»

И вот она вышла из узкого семейного мирка в клокочущий большой мир. Хочется сказать свое слово, занять место в обществе в соответствии со своим “природным аристократизмом”. В душе все чаще возникает чувство неподатливости мира, некоего сопротивления ее мечтам и желаниям. В мире обнаруживается что-то бездушное, холодное. Мир оказывается конъюнктурным, пошлым, безразличным к ее тонкости и богатству самовыражения...

(Света пытается понять происходящее и постепенно открывает для себя, что существуют два типа людей — “удачники” и “неудачники”, и в этом вся суть. — В.Р.). Неудачник отличается патологической неспособностью приспособить свое “я” к чему-то выгодному, но антипатичному духовно. Удачник же, как раз наоборот, обладает этим наиважнейшим для жизни “талантом”. Жизнеспособные приспособленцы добиваются успеха, а тот, кто ищет истину, должен уступить им место. Постепенно к людям, достигшим успеха, у Светы начинает формироваться воинственно-отрицательное отношение: ведь их успех стоит на костях неудачников, людей истинных...

Внутреннее отношение Светы к удачнику становится все агрессивней.

Все больше и больше в отношениях с людьми дают о себе знать спрятанные, но готовые к нападению клыки... Больная до сих пор не знает, кто конкретно ее преследователи, многое неясно, но все-таки ей кажется, что “ситуация” связана с ее отношениями с удачниками. Наверное, им стало неприятно, когда она, неудачник по духу, вдруг добилась успехов и при этом не утратила своей индивидуальности, свободы. Видя, что неудачник выбился в удачники, кто-то не смог этого допустить и нанес ей сокрушительный удар» (там же, с. 470–473).

Получается, что свое *неблагополучие*, состоявшее в конфликте с окружающими (удачниками), Света поняла и объяснила таким образом, что удачники составили против нее заговор [в статье «Миф психотерапии» В. Руднев пишет: «Язык истеричен. Что определяет истерию? Конверсия, вытеснение, демонстративность, иконизация» (Руднев, 2006, с. 100)]. Но думаю, дело не столько в языке, сколько в концептуализации, которая, конечно, предполагает язык, но к нему не сводится.

В ответ на заговор удачников Света принимает контрмеры: начинает скрывать свои чувства и мысли, перестает общаться с окружающими. В свете нового понимания событий она пересматривает свою жизнь и убеждается, что да, действительно, ей всегда завидовали удачники, а все ее проблемы на самом деле были связаны не с нею, а с кознями удачников. С каждым днем Света все яснее ощущала заговор, видела, как он растет, становится все более изощренным, уже включает близких людей, и поэтому все активнее она возводила стену между собой и людьми.

Она принимает решение уйти с работы, перестает доверять своим близким. Заговорщики все больше лишают ее свободы, Света все больше изолирует от людей свою жизнь. Тогда удачники наносят ей окончательный удар: ее помещают в психиатрическую больницу. Света отчаянно сопротивляется, но снова и снова попадает в психушку.

Как же П. Волков сумел ее убедить, что нужно перестать бороться против удачников и начать действовать, сообразуясь с социальными обычаями? Во-первых, он сыграл на ее безумном страхе перед госпитализациями, во-вторых, воспользовался тем, что в своей основе Света была рациональной личностью, и поэтому рациональные соображения, если они не противоречили ее деформированной реальности, принимались как весомые доводы. В-третьих, он учел профессиональный талант Светы симулировать ситуации, которых на самом деле не было. Например, чтобы убедить председателя ВТЭКа разрешить Свете работать, П. Волков сказал ей: «Света, если хотите работать, нужно сыграть». Света все поняла и, включив диссимуляцию, убедила председателя. Ей поверили на ВТЭКе, что вся болезнь позади, хотя на самом деле больная была такой же, как и раньше, только научилась благодаря нашим беседам диссимулировать» (там же, с. 478).

«С началом нашей работы,— пишет П. Волков,— больная уже не попадает в больницы, через год снимает инвалидность и возобновляет работу по специальности ассистента режиссера, резко сокращает прием психотропных средств. В дальнейшем отмечается несколько тяжелых психотических обострений, но

благодаря нашему контакту даже в эти периоды удастся обойтись без госпитализаций и, продолжая работу, переносить обострения при минимуме лекарств... Успех психотерапии, быстро приведший к неожиданной социальной реабилитации, удивил всех, кто близко знал больную. Да и как не удивляться, если психиатры считали Свету безнадежной. Например, председатель ВТЭКа по поводу нее сказал буквально: «Да она же в доску сумасшедшая! Я ее отлично помню по предыдущему ВТЭКу, она там такое несла» (там же, с. 456, 458).

Мы рассматриваем, безусловно, такой пример психологической помощи, которую можно считать получившейся и эффективной. В работе П. Волкова стоит отметить два разных момента: собственно гуманитарную стратегию мысли (идея неповторимой, под конкретного человека, психотерапии, совместного движения психотерапевта и больного, удерживание одновременно двух планов: понимание человека через живое общение и взаимодействие, а также как заданного теоретическими психологическими представлениями) и стратегию, которую можно было бы назвать «тройным конем». Эта стратегия состоит в том, чтобы, установив контакт с пациентом, повести его, способствовать формированию у него поведения, которое с объективной точки зрения выглядит абсолютно нормальным, а затем и на самом деле становится нормальным. Для этого, во-первых, переинтерпретировались события деформированной реальности (да, преследования, но понятные по своим мотивам и логике), во-вторых, вводился новый уровень управления поведе-

нием, состоящий в имитации для остальных людей нормального поведения. Когда Света научилась вести себя и жить нормально, деформированная реальность стала ненужной, мешающей, именно поэтому от нее можно было отказаться.

«В обобщенном виде то, что я пытался донести до Светы, звучит примерно так: я знаю, что ваши действия понятны, но кому? Вам и мне. А окружающим? Согласитесь, что окружающие видят лишь ваше внешнее поведение, оценивают его стандартной меркой, по которой оно получается ненормальным... Для госпитализации нужен повод, и вы его давали... у вас есть выбор: либо продолжать жить по-прежнему и с прежними последствиями, либо вести себя, не нарушая писанных и неписанных договоров, тем самым избегая больниц...

Нельзя обменяться душами и личным опытом. У нас есть вариант. Первый: каждый старается доказать свою правоту, при этом никакая правда не торжествует, и между нами конфликт. Второй: каждый соглашается, что все имеют право на свою правду и свой миф, при этом в глубине души считает правым себя, но в реальных отношениях корректен и строит эти отношения не на расхождении, а на сходстве. Если люди не хотят конфликта, они должны *строить свои отношения на общих или нейтральных точках соприкосновения*, не претендуя на общепринятость своих мифов» (там же, с. 492–496).

Важными моментами помощи в исцеления Светы были также общение, поддержка, культивирование всех положительных аспектов жизни. Чтобы пройти сквозь психоз, — отмечает П. Волков, — «нужно иметь направление и ориентир, нужно иметь

непсихотические ценности и смыслы, которые сохраняются даже на высоте психоза. У моей больной такие ценности есть. Дочь Оля, работа, собственное творчество. Смысл, освещающая жизнь, гонит вместе с душевным мраком все привидения» (там же, с. 498).

Хотя П. Волков использовал в своей работе со Светой разнообразные психологические представления, в частности, разработанную им характерологию и типологию психических заболеваний, он не редуцирует Свету к этим представлениям, а использует их для определения стратегии сближающих и более отдаленных гипотетических действий. Эти действия составляют только один план его работы, другой — совместное движение со Светой, анализ того, что реально получается из этого движения, даже пересмотр собственных представлений. Например, вынужденный использовать ее способность к диссимуляции, П. Волков пишет следующее.

«Возникает этическая проблема: что же, моя позиция лицемерная, неискренняя?... суть в том, что подыгрываешь и лицемеришь с болезнью, а общаешься с человеком, более того — *до человека в данной ситуации можно добраться лишь ценой подыгрывания болезни.* Другого пути нет» (там же, с. 488–489).

Можно говорить, что в жизни Светы три раза складывалась личность. Первую личность мы наблюдаем до болезни, вторые две (шизофреническую и нормальную, но полуобморочную, подавленную) во время болезни, третью — после выздоровления. Наиболее интересно, как складывается новая здоровая

личность. Она формируется, когда Света пошла на компромисс относительно своих представлений, выбрав путь имитации здорового поведения, когда она учится новому поведению, когда с кровью смиряет свою прежнюю личность.

«Сама в целях защиты,— пишет П. Волков,— стала тянуться к простой тихой жизни, в которой нет конфронтации и борьбы... Почему это служит цели защиты? Потому что и мир, соответственно, оказывает меньше противодействия. Но отказ от прежней духовно-психологической ориентации с высокими претензиями, в которые было вложено много эмоциональной энергии, очень непросто. Переход в иную манеру существования, более бедную с точки зрения Светы, может быть совершен лишь через слезы, боль, нравственный протест, lamentации и истерики (*и добавим: через переосмысление собственной жизни и личности, через формирование нового скрипта, в котором роль конфликтных отношений была уже другая.— В.Р.*)» (там же, с. 502–503).

Андрей Пузырей обратил мое внимание на то, что в рамках подобной стратегии можно, в свою очередь, реализовать два разных подхода: один можно назвать «адаптационным», другой — «преобразующим», или собственно «развивающим». Адаптационный подход ориентирует пациента именно на адаптацию, на «блестящее приспособление к дефекту», как удачно выразился однажды психотерапевт прошлого века С. Консторум. Этот случай мы имеем как раз на той стадии лечения, когда Света училась имитировать нормальную жизнь, *сохраняя при этом в неизменности все свои болезненные*

представления, т. е. оставаясь в рамках деформированной реальности. В развивающем варианте происходит, так сказать, настоящее преобразование пациента. Он, естественно, не без помощи психотерапевта, проходит через экзистенциальный кризис, переосмысляет свои представления и ценности, часто кардинально меняет образ жизни. Как правило, в этом случае и психотерапевт вынужден пересматривать определенные свои представления, ведь он должен не просто направить человека на путь выздоровления, а помочь ему стать человеком.

Работа Ялома-Джулиуса целиком относится к адаптационному подходу. Здесь показательны два примера. Пэм, соглашаясь с тем, что переспала с Тони, чтобы насолить Филипу, не делает из этого никаких выводов, ограничиваясь формальным извинением. А ведь ее поступок серьезный: она использовала близкого человека как средство; если она уже чувствовала, что любит Филипа, то ее действия безнравственны. Но не лучше ведет себя Джулиус. Он настаивает на том, что любит свою жену Мириам, и в то же время, когда она погибает, спит с кем попало, включая ее родственников. Не означает ли это, что Джулиус на самом деле свою жену не любит, а только считает, что очень любит? Если бы речь шла о серьезном, гуманитарном развивающем подходе, такой вывод пришлось бы сделать обязательно. Но группы типа тех, которые описаны в романе, не ориентированы на серьезную духовную работу, заставляющую человека пересматривать свою жизнь и переоценивать себя, они ориентированы на общение

и помощь, не предполагающие кардинальных изменений личности. Всем нам недостает общения, у многих проблемы, вот и пожалуйста — группа, где можно высказаться, общаться, говорить о самом себе, любимом. Конечно, такая работа нужна и полезна, но она целиком относится к той форме жизни и бытия, где всего лишь воспроизводятся уже сложившиеся формы жизни и отношения со всеми присущими им недостатками и проблемами.

В рамках такого подхода отчасти понятно и отношение к сексу. Если считать, что секс — это бессознательное начало, равноценное сознательной личности и даже более сильное, то простительны сексуальные влечения, перебарывающие разум и рассудок. В человеке, по Фрейду, два начала — разумная личность и биологическая, которые находятся в антагонистических отношениях. Кто победит, так человек и действует; чаще, считают фрейдисты, побеждает вторая личность. Этот подход в корне отличается от того, который еще в Средние века намечает Св. Августин. Действительно, сравним высказывания Августина и Фрейда.

«О, как желал и я,— писал Августин в «Исповеди»,— достигнуть этого счастья, только не по сторонним побуждениям, а по собственной воле. А воля моя, к несчастью, была в то время не столько во власти моей, сколько во власти врага моего... Между тем во мне родилась новая воля — служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобою, Боже мой, как единственным источником истинных наслаждений. Но эта воля была еще так слаба, что не могла победить той воли, которая уже господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во

мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... По своей же воле дошел я до того, что делал то, чего не хотелось делать... У меня не было никаких извинений. Я не мог сказать, что потому именно доселе не отрешился от мира и последовал Тебе, что не знаю истины; нет, истину я познал, но, привязанный к земле, отказывался воинствовать для Тебя... Я одобрял одно, а следовал другому» (Августин, 1992, с. 103–108).

Если античный человек почти ничего не знал о своей внутренней, душевной жизни, главным образом потому, что не имел образца и устремлений, относительно которых внутреннюю жизнь можно было увидеть и описать, то с появлением Творца, особенно в лице Сына, средневековый человек, стремящийся уподобиться Богу, вдруг обнаруживает, что он не такой, каким должен быть «во Христе», что в нем действуют силы и стихии, противоположные Творцу. Обратим внимание: Августин, сравнивая свое поведение с тем, которое предписывалось Священным писанием, не только обнаруживает, как пишет П. Гайденко, «неподчинение души самой себе», т. е. *естественный* ее план, но и в духе античного мышления пытается объяснить, почему он так себя ведет (поскольку был «привязан к земле»), а также собирает силы для правильной жизни, для делания себя человеком, приближающимся к человеку «внутреннему» (поэтому и отрицает манихеев, утверждавших существование в человеке двух начал — добра и зла). Конституирование и форми-

рование внутренней жизни предполагало, таким образом, не только установку средневекового человека на переделку себя из человека «ветхого» в «нового» (внутреннего), отсюда, кстати, и средневековое значение воли, но и рациональное объяснение уклонений (грехопадений) на правильном пути, и мобилизацию сил, чтобы снова идти правильным путем. Теперь З. Фрейд.

«Благодаря изучению гипнотических явлений,— пишет З. Фрейд в одной из ранних работ «История болезни фрейлейн Элизабет фон Р», — мы привыкли к тому пониманию, которое сначала казалось нам крайне чуждым, а именно, что в одном и том же индивидууме возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые, изменяя сознание, отрываются одна от другой. Если при таком расщеплении личности сознание постоянно присуще одной из личностей, то эту последнюю называют сознательным душевным состоянием, а отделенную от нее личность — бессознательным... мы имеем прекрасный пример того влияния, которое сознательное состояние может испытать со стороны бессознательного» (Фрейд, 1923, с. 17).

Почему же Августин и З. Фрейд, выйдя на сходную антропологическую картину (двух антагонистических личностей в одном человеке), затем кардинально расходятся (первый говорит: пусть сгинут «те, которые, видя две воли в борьбе духа нашего, утверждают, что в нем существуют два духовных начала противоположного естества, одно доброе, а другое злое», а второй утверждает,

что «в одном и том же индивидууме возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые, изменяя сознание, отрываются одна от другой»; известно, что сознание и бессознательное З. Фрейд трактует как антагонистические силы и начала)?

А потому, что Августин и З. Фрейд имеют разные ценности (первый доверяет доброму началу в человеке, а второй нет) и, кроме того, включены в разную «практику». Если Августин погружен в среду, где многие приходят к христианству (его мать, друзья, различные люди), и поэтому он тоже стремится поверить и снова и снова собирает силы, когда терпит неудачу на этом пути, то З. Фрейд, прежде всего, старается реализовать свои принципы и, как сильная личность, преодолевает сопротивление Элизабет, внушая ей свою версию ее заболевания; параллельно он смог осмыслить это сопротивление в естественнонаучном плане. В результате Августин, обосновывая и осмысляя свою работу, настаивает на том, что человек целостен и изначально духовен (Бог всегда с ним и готов ему помочь), а отклонения на пути к вере — это временные ослабления его усилий и личности; в то же время З. Фрейд, осмысляя и оправдывая свою индивидуальную практику, утверждает, что в самой природе человека заложен конфликт и расщепление личности.

Спроецируем эту оппозицию на интересующую нас проблему. Что в этом случае может означать сексуальная слабость, победа сексуальных

влечений, например, как в случае с Джулиусом? А то, что он концептуализирует себя с помощью фрейдистской теории (например, считает, что его бессознательное сильнее его сознания), кроме того, не отдает себе отчета, что его любовь к Мириам на самом деле эфемерная. В рамках той же теории Джулиус концептуализирует и поведение членов своей группы, поэтому все они выглядят немножко как сексуальные маньяки или сексуально озабоченные люди. Теперь другая концептуализация, по Августину. Если я считаю себя нравственным, духовным человеком, но при этом повел себя низко в сексуальном отношении, то это означает лишь одно — я еще недостаточно состоялся как человек, мне нужно собрать все свои силы и работать над собой, и тогда рано или поздно я смогу вести себя по-человечески.

Теперь вопрос о том, нужно ли, как это делают многие психотерапевты, а не только И. Ялом, вытаскивать на свет все, что скрыто (сознательно или бессознательно) и неосознаваемо? Психологи утверждают, что это необходимо, чтобы помочь человеку. Однако наблюдения показывают, что только в некоторых случаях осознание скрываемого или неосознаваемого помогает в решении наших проблем. Чтобы понять это, учтем такое обстоятельство. Начиная с античности, складывается личность, т. е. человек, действующий самостоятельно, сам выстраивающий свою жизнь. Появление личности влечет за собой как формирование внутреннего мира человека, так и стремление закрыть от общества какие-то стороны жизни личности. Действительно, поскольку личность выстраивает свою жизнь

сама и ее внутренний мир не совпадает с тем, который контролирует социум, личность вынуждена защищать свой мир и поведение от экспансии и нормирования со стороны социальных институтов. В этом отношении закрытые зоны и области сознания и личной жизни являются необходимым условием культурного существования современного человека как личности.

Другое дело, если личность развивается в таком направлении, что или становится опасной для общества, или страдает сама. В этом случае, безусловно, выявление внутренних структур, ответственных за асоциальное или неэффективное поведение, является совершенно необходимым. Однако здесь есть проблема: как узнать, какие, собственно говоря, скрывающиеся или неосознаваемые структуры обуславливают асоциальное или неэффективное поведение, как их опознать и выявить, всегда ли их можно выявить вообще? Конечно, каждая психологическая школа или направление отвечают на эти вопросы, но все по-разному; к тому же убедить других психологов в своей точке зрения и подходе никому не удастся.

Поэтому психологи-практики пошли другим путем: утверждают, что нужно выявлять и описывать все возможные неосознаваемые и скрывающиеся человеком структуры сознания, что это всегда полезно и много дает. На мой взгляд, подобный подход весьма сомнителен и дает (создает), прежде всего, новые проблемы. Зачем, спрашивается, раскрывать внутренний мир человека в надежде найти и те структуры, которые создали какие-то проблемы, если при этом обна-

жаются и травмируются структуры сознания, которые как раз должны быть закрытыми? Например, человек стыдится открывать свою интимную жизнь, прячет ее от чужих глаз. Современные культурологические исследования показывают, что это совершенно необходимо для нормальной жизни личности, например, для возникновения любви, в отличие, скажем, от секса. Если же интимная жизнь человека выставляется на публичное обозрение (неважно где: на телеэкране или в психотерапевтической группе), то возникновение фрустраций и других проблем обеспечено. Другой вариант: личность деформируется и фактически распадается, человек превращается в субъекта массовой культуры.

П. Волков, как это видно из анализа, не знает, какие структуры ответственны за деформацию личности и психики. Его подход строится на другом: он ищет средства и формы жизни, позволяющие человеку приступить к целительному действию, старается направить начавшиеся изменения и трансформации в сторону здоровой нормальной жизни, работает над тем, чтобы придать человеку силы, расширить его видение и понимание. Примерно также действуют и другие психотерапевты, последовательно реализующие в своей работе гуманитарный подход. Да, они не знают, какой эффект дадут их усилия, исчезнет ли симптоматика болезни, но знают, что другого пути нет, если мы хотим работать с человеком, не создавая для него новых проблем и не превращая его только в объект очередной психологической теории. Зато они уверены, что их усилия не пропадут даром, ведь

психотерапевтическая помощь в рамках гуманитарного подхода — это одновременно работа, способствующая

жизни человека, становлению, а если повезет, то и духовному преобразению личности.

Литература

- Августин А.* Исповедь. М., 1992.
- Бэндлер Р., Гриндер Д., Сатир В.* Семейная терапия. Воронеж, 1993.
- Василюк Ф.Е.* К психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. М., 1992. № 1.
- Волков П.В.* Навязчивости и «падшая вера» // Московский психотерапевтический журнал. М., 1992. № 1.
- Волков П.* Разнообразие человеческих миров. М., 2000.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. М., 1982. Т. 1.
- Розин В.М.* Психология: наука и практика. М., 2005.
- Руднев В.П.* Миф психотерапии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 97–102.
- Сосланд А.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М., 1999. С. 233, 234, 258.
- Сосланд А.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 46–67.
- Тхостов А.Ш.* Психотерапевт и его магия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 103–109.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. М.- Л. Харьков, 1997.
- Уотсон Д.* Бихевиоризм: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1923. Т. 1, 2.
- Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2.
- Ялом И.* Шопенгауэр как лекарство. М., 2003.

Теоретико-эмпирические исследования

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ О ВОЗМОЖНОМ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Г.В. ИВАНЧЕНКО

Иванченко Галина Владимировна — заместитель декана факультета социологии Государственного университета — Высшая школа экономики, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве» (1999), «Психология восприятия музыки: проблемы, подходы, перспективы» (2001), «Совершенство в искусстве и в жизни» (2006), «Логос любви» (2007), «Идея совершенства в психологии и культуре» (2007).

Контакты: galina-iv@yandex.ru

Резюме

Профессиональное самоопределение личности традиционно рассматривается почти исключительно как процесс выбора на этапе окончания средней школы. Однако можно говорить о не меньшей личностной значимости выбора выпускников вуза в сравнении с тем, перед которым оказываются выпускники средней школы. Дополнительную напряженность профессиональному выбору студентов выпускных курсов сообщает его «увязанность» с задачами жизненного выбора (жизненных выборов). Вследствие этого теоретический анализ профессионального самоопределения требует обращения к понятиям и конструктам, используемым в социологии и психологии для отражения рефлексивной и мотивационной составляющих самоопределения. В статье приводятся и анализируются результаты исследования представлений о возможном выпускников столичных и региональных вузов.

Введение

Современная социокультурная ситуация весьма противоречива: с одной стороны, жизнь в развитых обществах все более насыщается возможностями: так, всеобъемлющие системы кредита и страхования переводят повседневную жизнь в сослагательное наклонение. С другой стороны, экспоненциальный рост возможностей явно не соответствует динамике их использования. В России вполне очевидна неравномерность распределения возможностей и их использования. Исследователям в особенности важно понять, в какой степени существующий стереотип колоссального избытка возможностей в одних городах и регионах и огромного дефицита возможностей в других регионах отражает реальность.

Новизна исследования связана в первую очередь не с объектом исследования (к которому неоднократно обращались социологи, из последних масштабных исследований назовем «Мегаполис и провинция в современной России: образы и реальность», «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить»), но с глубинным планом анализа мотивации и стратегического планирования. Вместе с тем и глубинные пласты подвержены влиянию социокультурных тенденций.

Отметим здесь лишь некоторые из них. Как показали исследования выбора, в том числе потребительского выбора, расширение возможностей хорошо до определенного предела. При наличии более чем двадцати вариантов потребитель склонен

избегать выбора, бесконечно откладывать его либо выбрать первый подвернувшийся вариант (см. например: Шварц, 2005). Другая тенденция афористически сформулирована П. Брюкнером в «Вечной эйфории»: «Как только желанное становится возможным, оно причисляется к разряду необходимого» (Bruckner, 2000). И хотя объективно возможности как таковые остаются, сознание индивида наделяет их иным статусом. Все же ряд возможностей рассматривается, по крайней мере некоторыми индивидами, как «резервные», а часть, очевидно, будет отнесена ими к категории «лишнего» (которую можно выделить наряду с «необходимым», «должным» и «возможным»). «Совладание» с «избыточными» возможностями является деятельностью, которая, как мы предполагаем, в рамках развитых социумов становится типичной.

Вполне очевидно, что границы человеческой деятельности задаются и объективными условиями, и личностными особенностями, например, способностями, мотивацией достижения успеха или избегания неудач в той или иной сфере.

На наш взгляд, значительную прогностическую ценность представляют стратегии самоопределения личности в сфере возможного. Сферу возможного определим как относительно устойчивую систему взаимосвязанных целей-ценностей, достижимых при изменениях наличной ситуации субъекта вследствие ее собственной динамики развития или в результате деятельности субъекта либо прекращения деятельности (Иванченко, 2002). При наиболее благоприятных условиях и максимальной эффективности

и мотивированности субъекта результат его деятельности будет соответствовать пределу, или границе, возможного. Сфера невозможного лежит «по ту сторону» предела возможного и определяет человека отрицательно (как то, чем он не был, не стал, не будет). Хотя в общем виде развитие личности можно представить как расширение сферы возможного, рост достигнутого влечет за собой умножение неосуществившихся вариантов развития и расширение сферы невозможного. В широком смысле любой процесс развития состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка (такой взгляд утвердился, в частности, во всевозрастном подходе в психологии развития — Балтес, 1994). Одной из нерешенных проблем в исследовании мотивации является выявление масштабов и характера разрыва между наличными возможностями и намерениями субъекта реализовать их, выявление типичных способов — идеальных или деятельностных — преодоления этого разрыва.

Шаги, предпринимаемые личностью для устранения либо минимизации указанного разрыва, в широкой временной перспективе образуют жизненные программы, сценарии, жизненные планы, жизненный путь. Социология жизненного пути — одна из областей, на протяжении ряда лет разрабатываемая в российской, а ранее советской социологии, прежде всего исследовательскими группами М.Х. Титмы (1985, 1992), Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкина (1985), в последние годы — Д.Л. Константиновского (1997). Несколько иная перспектива задается еще

одним, существенно менее, нежели «жизненный путь», разработанным конструктом — «жизненные стратегии личности». В отечественной науке это, прежде всего, работы К.А. Абульхановой-Славской (1991, 2000), Н.Ф. Наумовой (1995), Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова (2002).

Объективные изменения условий жизнедеятельности в тех или иных регионах, областях, городах России отражаются в сознании, в частности, как расширение-сужение сферы возможного. В более общем плане само социальное пространство может определяться как «набор возможностей действия» (Левада, 1993, с. 41). Социокультурные способы реализации деятельности, институализирующие содержащиеся в поведенческом поле возможности и шансы, играют важную роль в социальной дифференциации и стратификации. Питирим Сорокин говорил в этой связи о «селекционирующих институтах» и подчеркивал значение характера препятствий, которые эти институты устанавливают для индивидов. Если эти препятствия «злонакачественны» и «неадекватны», это ведет к печальным последствиям для всего общества. Если же они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества (Сорокин, 1992).

Взаимодействие личностных диспозиций и ситуационных детерминант описывается в классических теориях «ожидаемой ценности» (Feather, 1959), «выбора риска» (Atkinson, 1964) и в более совершенной модели Ю. Куля, связывающей вероятность успеха и привлекательность цели через понятие «личностного

стандарта» — так, для индивидов с заниженным стандартом привлекательность избегания трудных задач позитивна (Kuhl, 1978). Вместе с тем вполне очевидно и то, что одни и те же возможности могут выглядеть избыточными для одного субъекта и совершенно недостаточными в глазах другого.

Нельзя не заметить, что объяснительный потенциал категорий «возможности» и «потенциал» (человеческий, личностный, профессиональный и т. п.) реализован явно недостаточно. Впрочем, насколько маргинальным, неинтегрированным в систему психологической терминологии остается термин «возможности», настолько в последние годы легитимизировалось положение «человеческого потенциала» — ныне одной из наиболее актуальных междисциплинарных проблем, получивших к тому же «мировое признание», отчасти благодаря интеграции с проблематикой «устойчивого развития». В России разработка этой проблемы ведется в рамках концепции человеческого потенциала в Институте человека РАН (Генисаретский, Носов, Юдин, 1996; Келле, 1997; Авдеева, Ашмарин, Степанова, 1997; и др.). Понятие человеческого потенциала «переопределяется», конкретизируется в различных аспектах его изучения: социально-организационном, экономическом, социально-экологическом и экзистенциальном. Сформулированы понятия базового, деятельностного, психологического потенциала, как индивидуального, так и популяционного (Зараковский, Степанова, 1998), психофизиологического потенциала (Медведев, Зараковский, 1994), профессиональ-

ного потенциала личности (Маноха, 1995).

В последние годы в российской психологии начат цикл исследований «личностного потенциала» как «системной характеристики индивидуально-психологических особенностей личности, лежащей в основе способности личности исходить в своей жизнедеятельности из устойчивых внутренних критериев и ориентиров и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» (Леонтьев, 2007. с. 4–5). В русле данного направления личностный потенциал рассматривается как единство двух регуляторных функций, дополняющих друг друга: функции самоопределения и функции реализации. Если содержанием первой выступает расширение спектра возможностей действия, спектра потенциальных смыслов ситуации, то содержанием второй — сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью, преодоление неопределенности.

Эти новейшие достижения опираются на богатую психологическую традицию. Еще в 1960-е годы развитие идей экзистенциальной и гуманистической психологии привело к созданию движения «Человеческий потенциал» (Эсаленский институт, США). Многомерный процесс развития личности описывался через понятия «стремление к смыслу» (В. Франкл), «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «самоактуализации», «самореализации» (Ш. Бюлер, А. Маслоу). В российской психологии также накоплен опыт изучения человеческого потенциала,

проявляющегося как личностный и творческий: психология творчества (Д.Б. Богоявленская, Я.А. Пономарев), психология субъективности (В.И. Слободчиков), психологическая антропология (В.П. Зинченко), психология жизненного пути (Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник), психология неадаптивной активности (В.А. Петровский), концепции жизненных миров личности (Ф.Е. Василюк) и метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман), психология смысловой сферы личности (Д.А. Леонтьев).

Возможностям повезло гораздо меньше. Ни один из советских и российских психологических словарей не содержит этого термина (как, впрочем, нет и статей, посвященных потенциалу личности). Этот термин преимущественно употребляется, когда нужно уточнить, оттенить ту или иную грань связанных с личностью и мотивацией понятий. Так, характеризуя процесс саморегуляции, К.А. Абульханова-Славская (1991, с. 97) указывает, что в нем «личность “принимает в расчет” не только “нужное количество, меру активности”, но и учитывает свое состояние, возможности, всю совокупность мотивов, социально-психологических ориентаций и т. д.». А.А. Ершов (1991, с. 15–16) мотивообразующий эффект саморегуляции определяет через соизмерение человеком своих возможностей и «духовных, интеллектуальных, волевых, физических потенциалов» с требованиями среды, условиями и целями деятельности, с объективно необходимыми затратами. В монографии А.А. Ершова определения понятий

«возможности» и «потенциалы» не сформулированы; К.А. Абульханова-Славская, раскрывая свое понимание возможностей субъекта (от которых зависит регуляция деятельности), специально оговаривает ограниченность этого определения контекстом: «В данном случае мы имеем в виду его способности, навыки и особенности реакции на неожиданность и т. д.» (Абульханова-Славская, 1980, с. 270).

В философии с помощью парных категорий возможности и действительности описываются процессы развития материального мира. Возможность как объективная тенденция развития при определенных условиях переходит в действительность, существующую как реализация некоторой возможности. Взаимопереходы реальной и абстрактной возможностей, количественное их соотношение составляет основу вероятностного прогнозирования субъектом последствий своих действий и независимо от него существующих тенденций.

Практически все вопросы, поставленные в философии применительно к проблемам возможного и действительного, имеют тесную связь со сферой психологии, например, соотношение «актуального» и «потенциального». Еще Аристотель в «Метафизике» предупреждал о невозможности строго определить «потенцию», «акт» и связывающую их «энергию». Возможность перевода потенциального в действительное, считал Г.-Ф. Гегель, содержится в человеческом действии: «Истинное бытие человека есть его действие: в нем индивидуальность действительна» (Гегель, 1959, с. 172). Достаточно близкие

положения высказывались и С.Л. Рубинштейном, и А.Н. Леонтьевым: сознание только опосредует изменения, производимые действиями субъекта.

Другой аспект связан с проблемой соотношения свободы и детерминированности в человеческой деятельности (обзор психологических подходов к этой проблеме см.: Леонтьев, 2000). Оппозиция «свобода—детерминизм» издавна служит эвристическим основанием в классификациях психологических теорий и подходов. Разные степени свободы, вероятно, не образуют однородный континуум, поскольку свобода и необходимость могут представлять одну и ту же сущность, что отражено, например, в следующем высказывании Ф. Шеллинга: «Именно сама внутренняя необходимость умопостигаемой сущности и есть свобода... необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с разных сторон и потому являющаяся то одним, то другим» (Шеллинг, 1908, с. 127).

Еще одна грань проблемы возможного в философии — проблема потенциальной бесконечности. Трактатка самосознания как бесконечного стремления восходит к Платону, проходит через всю платоническую традицию христианской философии к утверждению И. Фихте о том, что сущность человеческого «Я» есть бесконечное стремление. В своих желаниях и действиях «Я» всегда встречает границу, препятствие: без такого ограничения, такого чувства конечности не было бы стремления. Но вместе с тем «стремление есть отрицание ограничений, выход за пределы каждой вновь полагаемой

границы: и без такого чувства от всякой данной конечности тоже не было бы стремления» (цит. по: Вышеславец, 1994, с. 139). Вряд ли возможно определить, когда в историческом масштабе человеческое «Я» приобретает импульс такого рода, стремясь не к чему-то определенному, но к пределу возможного. Карл Ясперс, один из проницательнейших мыслителей XX в., само появление человека современного типа связывал с возникающей в «осевое время» рефлексией человека относительно границ и пределов своих возможностей. К. Ясперс полагал, что в те времена разрыв между возможностями большинства людей и возможностями отдельных личностей был существенно выше, нежели сейчас (Ясперс, 1994).

Границы возможного не существуют вне осознающего их человеческого сознания; вместе с тем, будучи осознанными однажды, они становятся неотъемлемым элементом жизненного мира человека — «организованной совокупности всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями» (Леонтьев, 1990, с. 51). Сфера возможного по отношению к жизненному миру выступает как его идеальный, предвосхищаемый прообраз. В процессе целеполагания субъект выходит за пределы требований наличной ситуации и стремится практически определить границы своих возможностей. Но еще до этого он обладает «представлениями о возможном», присущими тем или иным социальным общностям или группам и в совокупности образующими «пространство возможностей» индивида. Поскольку представления о возможном являются

одним из видов «социальных представлений» (история этого понятия прослежена в обзоре С. Московичи, 1992), к ним также можно отнести следующие характеристики: способность предопределять и предписывать поведение индивида (М. Вебер), определенная устойчивость и объективность (Э. Дюркгейм), функция преодоления дистанцированности от других членов общности (Г. Зиммель).

Но можно ли приравнивать возможности к объективно существующим обстоятельствам, благоприятствующим либо препятствующим деятельности субъекта? Наша жизнь, утверждал Х. Ортега-и-Гассет, состоит прежде всего в сознании наших возможностей. «Жить — это значит пребывать в кругу определенных возможностей, которые зовутся “обстоятельствами”. Жизнь в том и заключается, что мы — внутри “обстоятельств”, или “мира”. Иначе говоря, это и есть “наш мир” в подлинном значении этого слова. “Мир” не что-то чуждое нам, вне нас лежащее; он неотделим от нас самих, он — наша собственная периферия, он — совокупность наших житейских возможностей... Мир, то есть наша возможная жизнь, всегда больше, чем наша судьба, то есть жизнь действительная» (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 131). Отдельно взятыми возможностями сфера возможного не исчерпывается, поскольку принадлежность этих возможностей уникальной личности создает системное единство (при всей возможной дисгармоничности и противоречивости) сферы возможного субъекта.

Изменения сферы возможного на больших временных отрезках также задают основу жизненных стратегий. Основным критерием оптимально-

сти жизненных стратегий, видимо, является усложнение и обогащение жизненного мира и расширение границ возможного. Противоположный результат — упрощение — может быть достигнут различными способами: минимизацией притязаний, «свертыванием» жизненных отношений, в первую очередь потенциально выводящих за границы сферы возможного, ориентацией на постоянно меняющиеся сиюминутные требования жизненной ситуации или на устоявшиеся, общепринятые образцы жизненных стратегий.

Итак, основную **проблему исследования** можно сформулировать следующим образом: что мешает людям использовать открывающиеся перед ними возможности? Каким образом люди отказываются от одних возможностей и всемерно используют другие, как «урезают» количество возможностей, подлежащих тщательному рассмотрению? Если можно говорить о некотором «фильтре», ограничивающем «цветущую сложность» возможностей, то в какой мере ограничения определяются объективным наличием (избытком или недостатком) возможностей, а в какой степени — личностными детерминантами? А также: как представления о своих возможностях влияют на профессиональные планы студентов выпускных курсов, на выбор ими тех или иных целей, профессиональной карьеры в целом и на деятельность, направленную на их достижение?

Эмпирическое исследование 1

В пилотажном исследовании (апрель 2004 г.) объектом нашего

исследования были психологические особенности и мотивационные ожидания выпускниц высшей школы, планирующих сразу же по окончании вуза поступать в аспирантуру либо продолжать работать по специальности, получаемой в вузе; предметом исследования — стратегии самоопределения.

В исследовании использовалась разработанная нами социологическая анкета, а также методики:

1. Методика оценки личностных стремлений Р. Эммонса.

Исследование личных стремлений начинается с заполнения опрашиваемыми серии из 15 утверждений с открытым окончанием, основой которых является «Я обычно пытаюсь _____». После составления этого списка стремлений испытуемые заполняют матрицу (матрица взаимосогласованности стремлений), в которой строки и столбцы содержат стремления испытуемого. Для каждой пары стремлений испытуемый оценивает степень взаимной согласованности или несовместимости, вплоть до полного заполнения матрицы. Каждая цель оценивается дважды: по тому, как она воздействует на другие цели, и как другие цели воздействуют на нее. Для матрицы в целом определяется средний показатель конфликта или взаимосогласованности в целевой системе человека, который используется как переменная в сравнительном анализе испытуемых.

2. Тест на оптимизм Л.М. Рудиной (адаптированная версия опросника «ATTRIBUTIONAL STYLE QUESTIONNAIRE» М.Э. Селигмана).

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

4. Методика диагностики стремления к изменениям (Д.А. Леонтьев, Д.В. Сапронов).

5. Методика измерения гендерной идентичности личности (МИГИ) С.Л. Бем, адаптированная М.В. Бураковой и В.А. Лабунской.

Исследование проводилось в апреле-мае 2004 г. на базе Московского областного педагогического университета, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Таганрогского радиотехнического университета, Таганрогского государственного педагогического университета. Всего в нем приняла участие 51 студентка выпускных курсов. В исследовании участвовали только те студентки, которые давали положительный ответ на вопрос анкеты: «Собираетесь ли Вы далее работать по специальности, полученной в вузе?» Далее выделилось три подгруппы: планирующие поступать в аспирантуру по своей специальности (15 человек), работавшие хотя бы какое-то время по своей специальности (26 человек) и собирающиеся работать по своей специальности, но еще не работавшие и не имеющие четких представлений о своей будущей профессии (10 человек).

Результаты

На первом этапе с помощью критерия Манна–Уитни сравнивались показатели респондентов, получающих педагогическое либо техническое образование (табл. 1).

Как видно из табл. 1, студентки педагогического вуза отличаются более высоким уровнем сформированности смысложизненных ориентаций

Табл. 1

Сравнение показателей студентов педагогических (N=20) и инженерно-технических (N=31) специальностей ($p < 0.05$)

Показатель	Педагогические вузы	Технические вузы
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	3.45	2
Параметр широты беспомощности (опросник оптимизма)	4.45	3.55
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	6.15	4.61
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	12.1	9.32
Осмысленность жизни (СЖО)	104.95	96.35
Локус контроля – Я (СЖО)	20.75	18.84

в целом и большей интернальностью локуса контроля в объяснении собственного поведения, в сочетании с более высоким итоговым уровнем оптимизма (о других различиях, в том числе качественных, см.: Иванченко, 2005).

Для выборки такого объема некорректно было бы делать выводы о региональных различиях. Тем не менее показательно, что ни одного значимого различия не было получено: проживание и обучение в мегаполисе (Москва) либо трехсоттысячном городе (Таганрог) не оказывало систематического влияния на стремления и личностные характеристики выпускниц. Здесь можно провести параллель с результатами исследований Ю.У. Фохт-Бабушкина (Художественная жизнь современного общества, 1997) «духовного потенциала» горожан и сельских жителей: более многосторонние и более развитые в духовном плане личности очень

близки между собой независимо от типа поселения, региона, социально-демографических характеристик группы, а различия между территориями, социальными слоями порождаются как раз качествами не стремящейся к личностному росту частью населения, именно она служит источником или базой социальной разобщенности.

Анализ корреляционных связей показателя сформированности смысло-жизненных ориентаций с показателями оптимизма, маскулинности/фемининности и готовности к изменениям выявил значимые корреляции с постоянством в объяснении хороших событий, персонализацией в плохих условиях, общим показателем оптимизма, маскулинностью, готовностью к изменениям (положительный характер связей) и индексом надежды (отрицательный характер связи) — объяснимо тем, что по данному показателю высокие

баллы отражают безнадежность (табл. 2).

Краткое обсуждение результатов пилотажного исследования

Таким образом, как результаты корреляционного анализа, так и выявленные межгрупповые различия демонстрируют рост оптимизма при большей сформированности смысло-жизненных ориентаций и повышении интернальности. Это вполне объяснимо: представления о себе как хозяине собственной судьбы при любых, даже пока весьма скромных, достижениях формируют более позитивную и более уверенно прочерчиваемую в будущее перспективу.

По результатам исследования нами были выделены четыре стратегии (выжидательная, эскапистская, или гедонистически-ориентированная, кумулятивная, собственно достижительная), за которыми могут стоять относительно устойчивые способы принятия решений в жизненных ситуациях, причем эти способы лишь отчасти осознаются личностью. Первые две стратегии предполагают

довольно высокий уровень психологической защиты — надо ведь уметь «не замечать» существующие вокруг тебя возможности. Две последние стратегии в большей степени доступны сознательному анализу и контролю. Достижительным стратегиям, пожалуй, не хватает концентрации, но и кумулятивная стратегия не предполагает узкой направленности стремлений и желаний. Эти две последние стратегии также представляются нам сходными с выделяемыми Ю.М. Резником и Е.А. Смирновым (Резник, Смирнов, 2002) стратегиями успеха («жизнестроительство») и самореализации («жизнетворчество»). Третью же стратегию, стратегию благополучия («жизнеобеспечение»), направленную на достижение и сохранение здоровья, благополучия, хороших отношений, сложно соотнести с эскапистской и выжидательной, скорее, две последние стратегии со временем могут развиваться в достижительную либо в кумулятивную. Эскапистская и выжидательная стратегии могут перерасти в «стратегию выживания», противопоставляемую «стратегии

Табл. 2

Результаты корреляционного анализа (N=51)

	ОЖ
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	0.44
Коэффициент надежды (опросник оптимизма)	-0.39
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	0.28
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	0.34
Общий показатель оптимизма (опросник оптимизма)	0.32
Маскулинность (МИГИ)	0.34
Готовность к изменениям (опросник стремления к изменениям)	0.43

развития» (см.: Хасбулатова и др., 2000). Помимо высокой степени зависимости личности от государства, отмечают О.С. Хасбулатова, Л.С. Егорова, Н.В. Досина, стратегия выживания предполагает технологическую неготовность к новому самоопределению, выбор таких средств адаптации, которые ориентируются на решение не перспективных, а жизненных сиюминутных проблем.

Иной ракурс анализа представлен в работе Д.А. Леонтьева и Е.В. Шелобановой (Леонтьев, Шелобанова, 2001), описывающих стратегию, ориентированную на настоящее, и стратегию, ориентированную на будущее. Первая сочетается с показателями высокой удовлетворенности настоящим, его высокой эмоциональной насыщенности. Вторая стратегия сочетается с низкой удовлетворенностью настоящим, низкой эмоциональной насыщенностью настоящим. Такие люди не самодостаточны, они открыты в будущее, устремлены к нему. Легко представить, как эти две стратегии профессионального выбора старшеклассников развиваются и трансформируются в любую из обозначенных нами стратегий, но, конечно, это предмет специального исследования. Требуется более глубокого изучения и положение о том, что личностные особенности можно рассматривать в качестве ресурсов совладающего поведения и преодоления трудностей, в первую очередь, те личностные особенности, которые свидетельствуют о достижении опре-

деленной степени личностной зрелости.

Итак, результаты пилотажного исследования позволили нам выдвинуть ряд гипотез.

Эмпирическое исследование 2

Гипотезы и методология¹

Конкретизируя проблематику основного исследования, мы сформулировали следующие рабочие гипотезы.

1. Влияние образа жизни на стратегии самоопределения в сфере возможного опосредуется ценностно-смысловыми констелляциями, составляющими стиль жизни (или стили-образующие ценности). Это будет проявляться в индивидуальных различиях, вариативность которых будет выше у студентов больших городов.

2. Внутри региональных и гендерных групп индивидуальные различия могут быть сгруппированы в соответствии с содержанием ведущего противоречия личности. Это противоречие может выражаться в несовпадении возрастающих возможностей личности и ограниченных наличных условий их реализации, или, наоборот, широких социальных возможностей при неспособности личности их реализовать.

3. Личностными ресурсами, обеспечивающими выбор респондентами продуктивных стратегий самоопределения в сфере возможного, являются характеристики позитивного

¹Автор выражает признательность за помощь в организации исследования проф. И.В. Федорову и проф. Е.Б. Весне, за помощь в сборе и обработке материалов исследования А.В. Груниной, Д. Замятину, С.В. Карabanовой, Е.Н. Осину, Ю.В. Рыжову, К. Смольниковой.

личностного развития (высокий уровень личностного динамизма, осмысленность и ощущение результативности жизни, умеренный уровень оптимизма, умеренный и выше уровень толерантности к неопределенности).

Помимо социологической анкеты, выявляющей социально-демографические характеристики и различные аспекты «представлений о возможном» респондента, использовались следующие методики:

- методика диагностики личностного динамизма Д.А. Леонтьева и Д.В. Сапронова;
- шкала удовлетворенности жизнью и счастья Э. Динера;
- шкала субъективного счастья С. Любомирски;
- тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (русскоязычная модификация методики «Purpose-in-Life» Дж. Крамбо, Л. Махолик) (Леонтьев, 1992);
- методика Ф. Зимбардо по временной перспективе, в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной;
- опросник атрибутивных стилей (оптимизма-пессимизма) М. Селигмана, в адаптации Т.О. Гордеевой и В.Ю. Шевяховой;
- опросник BIDR – Balanced Inventory of Desirable Responding (русскоязычная адаптация Е.Н. Осина);
- методика «Поток в профессиональной деятельности» Д.А. Леонтьева;
- опросник толерантности к неопределенности (MSTAT) Д. Маклейна, в адаптации Е.Г. Луковицкой (Луковицкая, 1998).

Фактически указанные методики позволяли выявить своего рода ин-

дикаторы качества жизни (удовлетворенность жизнью как в целом, так и в отдельных ее сферах и аспектах).

Итак, **основными параметрами анализа** были:

- представления о возможностях, в первую очередь относящихся к выбору будущей работы выпускниками, но также и в более широкой сфере;
- удовлетворенность жизнью;
- осмысленность жизни (в аспектах будущего, настоящего и прошлого);
- стремление к изменениям, источник которых лежит внутри самой личности (личностный динамизм);
- уровень оптимизма и личностного динамизма;
- характеристики временной перспективы;
- уровень толерантности к неопределенности.

Эмпирическая база исследования

Исследование проводилось в январе-марте 2007 г. на базе Государственного университета – Высшей школы экономики (социологический факультет), Московского инженерно-физического института, Московского автомобильного института (экономический факультет), Таганрогского радиотехнического университета (с февраля 2007 г. входит в Южный федеральный университет), Таганрогского государственного педагогического университета, Таганрогского института управления и экономики, Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатского высшего мореходного училища.

В рамках основного исследования было опрошено 289 респондентов в Москве, Таганроге и Петропавловске-Камчатском. После отсека всех, кто родился в 1982 г. или раньше (19 человек), распределение по годам рождения, по году и по возрасту поступления в вуз приобрело практически симметричный харак-

тер. Средний возраст оставшихся 270 человек — 21.65. Из них только 12 человек поступили не с первой попытки, поэтому эту переменную мы не учитываем. Все опрошенные были студентами выпускного курса (4-го или 5-го).

По полу респондентов распределение оказалось следующим (табл. 3):

Табл. 3

Разбивка выборок по полу

	Таганрог	Москва	Петропавловск-Камчатский	Всего
М	38	41	42	121
Ж	44	57	48	149
Всего	82	98	90	270

Результаты

Рамки данной статьи позволят нам проанализировать только некоторые из полученных результатов. В первую очередь, нас будут интересовать региональные и гендерные особенности представлений респондентов о своих возможностях.

Большая часть вопросов анкеты была направлена на выявление степени активности и осознанности выпускником выбора работы после вуза. Это, прежде всего, вопрос 2.4: «Через несколько месяцев вы получаете диплом и вам предстоит устраиваться на работу. Выбор работы после вуза — это

1. Необходимость
2. Возможность
3. Случайность».

Опрошенные разделились практически пополам, определяя свой выбор как *Необходимость* либо как

Возможность. Значимых различий между этими подгруппами в целом выявлено не было; существенно отличалась практически по всем показателям группа выбравших вариант *Случайность*, но поскольку их оказалось всего 10 человек, эти отличия мы рассматривать здесь не будем.

Вопрос 2.6. «Успешность профессионального выбора главным образом зависит от...» предполагал три основных варианта ответа (четвертый вариант *Другое* практически никто не выбрал):

- 1) от того, как складывалась и складывается моя жизнь;
- 2) от ясности и продуманности моих жизненных целей и планов;
- 3) от благоприятного стечения обстоятельств, которые от меня не зависят.

На рис. 1 приведены результаты кластерного анализа по всей выборке

(здесь и далее в качестве метода иерархического кластерного анализа использовался метод Уорда, метрикой выступал процент совпадения ответов). Выбор вариантов 1 и 3 можно рассматривать как отражение внешней детерминированности выбора (в первом случае — скорее со стороны своего прошлого, во втором — в большей степени со стороны обстоятельств). Выбор варианта 2 свидетельствует о понимании респондентом внутренней детерминированности выбора и возможности влияния на «судьбу» своими усилиями.

На рис. 2 приведены данные, свидетельствующие о большей осмысленности жизни (по методике СЖО, интегральный показатель) у тех респондентов, которые выбрали «внутренне детерминированный» вариант в сравнении с выбравшими «внешне детерминированные» варианты. Здесь, безусловно, нет неожиданности, поскольку осмысленность — синоним если не «ясности жизнен-

ных планов», то уж точно их продуманности.

Выявились и другие различия «внешне детерминированных» и «внутренне детерминированных». У последних выше готовность к изменениям ($p=0.0015$), ощущение счастья ($p=0.003$) и удовлетворенности жизнью ($p=0.002$), существенно ниже представленность негативного прошлого во временной перспективе ($p=0.0005$), выше ориентированность на будущее ($p=0.0004$), ниже фатализм ($p=0.00001$), выше уровень оптимизма.

Были и такие респонденты, которые выбрали оба варианта — и внешней, и внутренней детерминации. Их показатели почти не отличаются от «внутренне детерминированных», но весьма отличны от «внешне детерминированных». Этот результат можно, на наш взгляд, объяснить тем, что внешняя детерминированность выбора в ряде жизненных ситуаций может существовать и

Рис. 1

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 2.6)

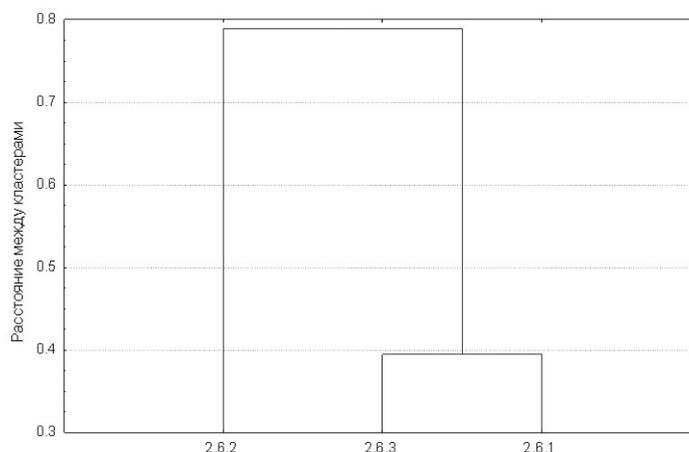
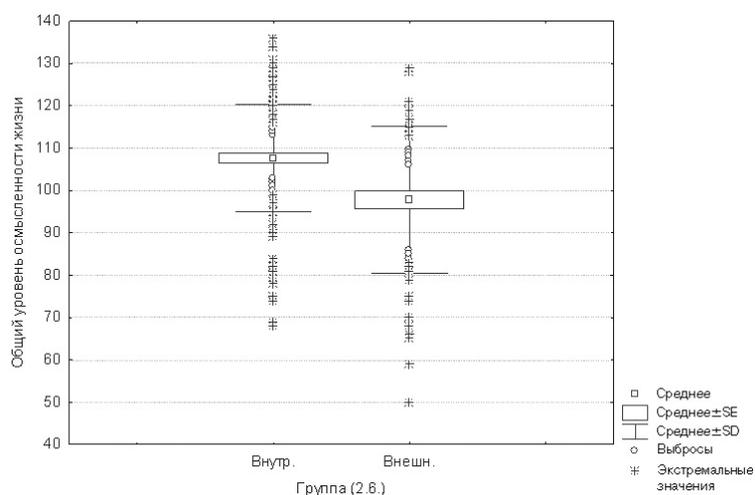

Рис. 2

Распределение по общему показателю осмысленности жизни для группы внутренне детерминированных и внешне детерминированных испытуемых

осознаваться и «внутренне детерминированными» респондентами (так, даже при поступлении в вуз в ряде случаев состояние здоровья «закрывает» некоторые варианты). Однако более показательным является выбор именно «внутренне детерминированных» вариантов: видимо, требуется либо определенный жизненный опыт, либо определенные личностные качества для того, чтобы

признать возможность самому определять свои выборы и свою жизнь.

В табл. 4 приведено распределение выборки в соответствии с ответами на вопрос 2.5 «Определились ли вы с выбором места работы?»

2.5.1. Практически определился (-лась).

2.5.2. Я всерьез работаю над этим вопросом и успею определиться вовремя.

Табл. 4

Распределение выборки в соответствии с ответами на вопрос «Определились ли вы с выбором места работы?»

		2.5.1	2.5.2	2.5.3	2.5.4	2.5.5	Всего
Внутренне детерминир.	1	43	47	13	13	19	135
Внешне детерминир.	2	24	19	9	19	2	73
Оба варианта	3	16	18	6	4	7	51
	Всего	83	84	28	36	28	259

2.5.3. Чем больше я думаю над этим, тем больше я испытываю сомнений и неуверенности.

2.5.4. Я не очень раздумываю над этим и надеюсь, что все решится само собой.

2.5.5. Другое _____.

Следует отметить, что большая часть выпускников настроены весьма оптимистично, о чем свидетельствует выбор более чем половиной опрошенных вариантов *Практически определился* и *Я успею определиться вовремя*. Наиболее показательным результатом в ответах на данный вопрос является высокая доля выбирающих ответ *Чем больше я думаю над этим, тем больше я испытываю сомнений и неуверенности* среди тех, кто связывал успешность профессионального выбора с внешними детерминантами.

С помощью следующего вопроса выяснялись критерии выбора будущей работы, был предложен следующий список:

2.7.1. Уровень и перспективы роста зарплаты.

2.7.2. Гарантии стабильности.

2.7.3. Комфортные условия труда.

2.7.4. Творческий характер работы, возможность самореализации.

2.7.5. Престижность работы.

2.7.6. Удобное место работы.

2.7.7. Хороший коллектив и отношения в нем.

2.7.8. Богатство и разнообразие перспектив.

2.7.9. Заинтересованность и уважение работодателей.

2.7.10. Общественная значимость работы.

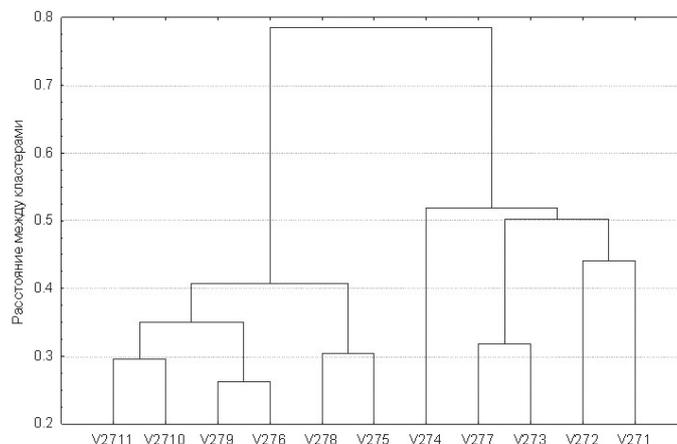
2.7.11. Возможности интересных знакомств.

2.7.12. Другое _____.

Выбирать можно было несколько вариантов. На рис. 3 приводятся результаты кластерного анализа по всей выборке. В первый большой кластер вошли попарно следующие критерии: *Общественная значимость работы* и *Возможности интересных знакомств*

Рис. 3

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 2.7)

знакомств (этот кластер можно назвать «Социальное самоутверждение»), *Удобное место работы* и *Заинтересованность и уважение работодателей (Удобство во всех отношениях)*, *Престижность работы* и *Богатство и разнообразие перспектив (Карьера)*. Второй кластер образован парами *Комфортные условия труда* и *Хороший коллектив и отношения в нем (Комфорт)* и *Уровень и перспективы роста зарплаты* и *Гарантии стабильности (Материальная стабильность)*, в этот же кластер на некотором отдалении вошел вариант *Творческий характер работы*.

Кажущаяся парадоксальность объединения творчества с комфортом и стабильностью, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь, тем, что в условиях карьерной гонки (кластер 1) заниматься творческой самореализацией непросто. Поэтому *Неэкспансивная стабильность* (кластер 2) и оказывается ближе самореализации, нежели *Достижительная стабильность* (кластер 1).

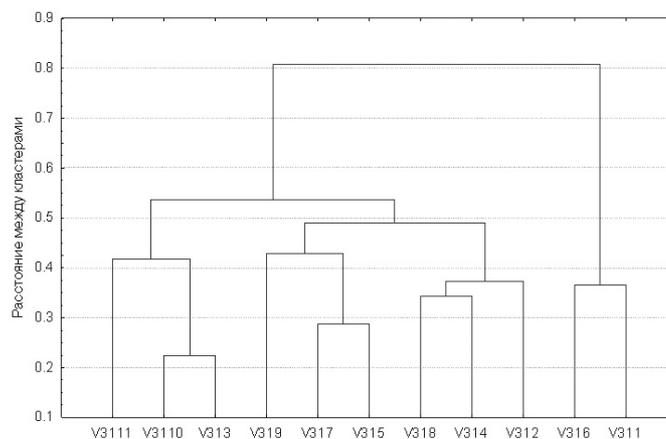
Вопрос «Чего вы стремитесь добиться в жизни?» предполагал выбор из следующих вариантов (здесь также можно было выбрать несколько):

- 3.1.1. Экономическая самостоятельность.
- 3.1.2. Внутренний рост.
- 3.1.3. Достижение высокого общественного статуса.
- 3.1.4. Творческая самореализация.
- 3.1.5. Интересные знакомства.
- 3.1.6. Счастливая семья.
- 3.1.7. Возможность посмотреть мир.
- 3.1.8. Душевная гармония.
- 3.1.9. Свобода, независимость от других.
- 3.1.10. Общественное признание.
- 3.1.11. Достижение высот профессионализма.
- 3.1.12. Другое _____.

Кластерный анализ приведен на рис. 4 В отдельный кластер выделились *Экономическая самостоятельность* и *Счастливая семья (Материальное и социальное благополучие)*.

Рис. 4

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 3.1)

Другой, ббльший, кластер образован тремя самостоятельными кластерами. В первом из них представлены *Достижение высокого общественного статуса*, *Общественное признание* и *Достижение высот профессионализма (Социальное самоутверждение)*. Следующий кластер можно обозначить как *Внутреннее развитие* (сюда вошли *Внутренний рост*, *Творческая самореализация* и *Душевная гармония*). И, наконец, последний может быть назван *Внешнее развитие (Интересные знакомства, Возможность посмотреть мир, Свобода, независимость от других)*. По сравнению с вопросом 2.7 речь идет о более глубоких ценностных основаниях выбора, что, на наш взгляд, отчасти объясняет существенно иную связь ценностей. Показательно, что респонденты не связывают достижение высот профессионализма ни с материальным благополучием, ни с творческой самореализацией, ни с независимостью от других.

В следующем вопросе респондентам предлагалось оценить число открывающихся перед ними возможностей:

- 3.3.1. Их почти нет
- 3.3.2. Несколько
- 3.3.3. Около десяти
- 3.3.4. Множество

Два первых и два последних варианта были объединены, и было проведено сравнение показателей методик для двух групп, указавших на меньшее или большее число открывающихся возможностей.

Те, кто видит больше возможностей, более интенсивно переживают счастье, значимо отличаются личностным динамизмом (готовностью

к изменениям; $p < 0.001$), удовлетворенностью жизнью, низким фатализмом, более высоким уровнем осмысленности жизни, оптимизмом в области достижений, более высоким самообманом (но не социальной желательностью), ориентацией на призвание и толерантностью к неопределенности.

В этой группе больше тех, кто предпринимал не одну, а более попыток поступить в вуз, и больше тех, кто отмечает, что уже сталкивался с конкуренцией привлекательных вариантов. Эти и другие значимые различия групп с низким и высоким числом открывающихся возможностей приведены в табл. 5.

Отдельно остановимся на некоторых из вышеприведенных различий. Одним из самых существенных оказалось различие по параметру личностного динамизма. Вполне объяснимо то, что респонденты, видящие больше возможностей, чаще оказываются стремящимися к изменениям. Но, как отмечают создатели данной методики Д.В. Сапронов и Д.А. Леонтьев (2007, с. 69–70), при односторонней мотивационной сфере, если потребность в новизне выходит на первый план, то для субъекта велика вероятность вступления на путь «дурной бесконечности», ведущей к состоянию неудовлетворенности и к необходимости подпитывать эту зависимость. Тем самым потребность в новизне ограничивает реальный выбор. Сам по себе личностный динамизм, видимо, не является достаточным условием ориентации на многочисленные возможности и на уверенность в реализации хотя бы каких-то из них.

То, что в группе с высоким числом открывающихся возможностей выше

Табл. 5

Значимость различий (p) между группами с низким (НГ) и высоким (ВГ) числом открывающихся возможностей по t -критерию

	Среднее		Станд. отклонение		p
	НГ	ВГ	НГ	ВГ	
Личностный динамизм	56.41	59.68	5.67	7.38	0.0001
Удовлетворенность жизнью	21.23	22.82	5.44	5.43	0.0237
Субъективное счастье	19.14	20.62	3.83	3.77	0.0028
Цели	31.10	33.01	5.93	6.48	0.0165
Процесс	30.72	32.43	5.35	5.27	0.0134
Результат	25.39	27.71	4.36	3.68	0.0000
ЛК-Я	20.88	21.88	3.47	4.08	0.0378
ЛК-Жизнь	30.62	32.53	5.58	5.62	0.0085
Осмысленность жизни	102.37	108.18	14.82	15.22	0.0029
Негативное прошлое	26.53	25.66	6.29	7.29	0.3087
Гедонистическое настоящее	51.46	53.10	8.41	7.39	0.1110
Будущее	45.05	45.99	8.26	7.15	0.3540
Позитивное прошлое	33.44	33.23	5.53	5.78	0.7751
Фаталистическое настоящее	23.99	22.51	4.95	5.26	0.0226
Оптимизм: постоянство	65.98	67.38	7.65	8.68	0.1779
Оптимизм: широта	71.08	72.85	8.98	10.89	0.1579
Оптимизм: контроль	73.08	75.16	11.32	11.61	0.1599
Оптимизм в ситуации успеха	99.27	104.04	13.88	15.60	0.0114
Оптимизм в ситуации неудач	110.87	111.35	14.07	14.66	0.7956
Оптимизм в области достижений	137.17	141.91	15.22	16.16	0.0188
Оптимизм в области межличностных отношений	72.98	73.48	8.70	9.95	0.6713
Общий показатель оптимизма	210.14	215.39	21.16	23.92	0.0678
Общая самооэффективность	30.44	31.49	3.58	5.38	0.0570
Самообман (приукрашивание)	100.14	105.59	14.04	18.43	0.0078

Табл. 5 (Продолжение)

	Среднее		Станд. отклонение		<i>p</i>
	НГ	ВГ	НГ	ВГ	
Управление впечатлениями	86.64	88.73	16.73	18.43	0.3526
Самообман (отрицание)	76.18	75.63	15.81	18.69	0.8034
Социальная желательность	262.96	269.96	36.15	43.60	0.1658
Карьера	41.42	43.86	24.93	25.77	0.4688
Призвание	35.60	46.22	24.48	29.09	0.0025
Труд	42.92	42.43	26.76	29.08	0.8927
Поток в проф. деятельности	41.86	43.15	5.32	5.70	0.0666
Толерантность к неопределенности	93.49	103.30	17.16	20.50	0.0000

показатели оптимизма в ситуациях успеха и в области достижений, выявляет их общий с «видением» многочисленных возможностей источник — веру индивида в роль усилий как в основной фактор, обеспечивающий достижение успеха. Т.О. Гордеева (2007, с. 35) отмечает в этой связи важность веры субъекта в доступность ему средств достижения цели. Доступность цели и контроль результата являются центральными характеристиками в теории воспринимаемого контроля Э. Скиннера (Skinner, 1995). Человек, обладающий высокой самоэффективностью (верой в то, что он сможет справиться с определенной проблемой), склонен ставить перед собой цели достаточно высокого уровня сложности, быть настойчивым в их достижении и достигать эффективных результатов.

В последнем вопросе анкеты мы попытались определить «круги сравнения» респондентов: в сравнении с

кем они ощущают множественность или малочисленность своих возможностей, со своими родителями или однокурсниками, одноклассниками или теми сверстниками, у кого нет высшего образования, со сверстниками своего или противоположного пола?

В табл. 6 представлены результаты факторного анализа ответов на данные вопросы. Первый, ближайший круг сравнения (фактор 3) составляют родители респондентов — более широкие в сравнении с ними возможности отмечаются в особенности студентами Таганрога и Петропавловска-Камчатского. Второй, несколько более отдаленный, круг сравнения образуют те, на фоне которых респонденты также выглядят благополучными и имеющими больше возможностей. Это не имеющие высшего образования сверстники и одноклассники (фактор 2). И, наконец, третий круг сравнения (фактор 1) образованы теми, у кого возможности примерно

Табл. 6

Факторный анализ «кругов сравнения» возможностей

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
3.4.1. Родители	0.06	0.01	0.98
3.4.2. Однокурсники	0.79	0.03	0.02
3.4.3. Сверстники без в/о	0.02	0.95	-0.05
3.4.4. Одноклассники	0.54	0.53	0.27
3.4.5. Сверстники своего пола	0.76	0.05	-0.05
3.4.6. Сверстники противоположного пола	0.71	0.12	0.17
Собственное значение	1.99	1.21	1.07
Объясняемая дисперсия	0.33	0.20	0.18

равны с респондентом (вошли все группы в примерно равных пропорциях). Отметим, что те, кто видит больше возможностей, видит их больше по отношению практически ко всем кругам сравнения.

Региональные различия

Начнем анализ различий в представлениях о возможностях выпускников трех регионов с вопроса о

том, чем является выбор работы после вуза — необходимостью/возможностью/случайностью (вопрос 2.4). Из табл. 7 видно, что на уровне $p = 0.08$ (по критерию χ^2) различия значимы: если для московских выпускников выбор является скорее возможностью, то для таганрогских и камчатских — необходимостью. Здесь, конечно, могла сыграть свою роль широта возможной трактовки респондентами «необходимости», «возможности» и «случайности».

Табл. 7

Результаты сравнения по критерию χ^2

	Необходимость	Возможность	Случайность	Всего	df	p
Таганрог	53	26	3	82	4	0.008
Москва	43	48	5	96	4	0.008
Петропавловск-Камчатский	63	25	2	90		
Всего	159	99	10	268		

Далее, по критерию Краскала-Уоллиса были найдены следующие значимые различия: по количеству попыток поступления ($p < 0.001$) Москва на первом месте с отрывом, Таганрог на последнем. Здесь, правда, стоит заметить, что и количество вузов для выбора в столице почти на два порядка больше. Гарантии стабильности как критерии выбора будущей работы важнее всего на Камчатке, наименее важны — в Москве ($p = 0.0132$). То же самое — с материальной стабильностью ($p = 0.0418$). Критерии, вошедшие в кластер «внутреннее развитие», важнее всего в Москве, в Таганроге и на Камчатке — практически одинаковы ($p = 0.0138$). Та же картина — с кластером «внешнее развитие» ($p = 0.06$). По числу открывающихся возможностей Москва, что ничуть не удивительно, лидирует ($p = 0.0084$); Таганрог и Петропавловск-Камчатский существенно не различаются. Московские выпускники также отмечают наибольшее отличие от родителей в плане открывающихся возможностей, на Камчатке эти отличия минимальны ($p = 0.0335$). То же — при сравнении с одноклассниками ($p = 0.0289$). По сравнению со сверстниками противоположного пола большее число возможностей отмечается респондентами Петропавловска-Камчатского ($p = 0.0044$), в Таганроге — меньше всего.

Рассмотрим различия по количественным переменным. Однофакторная ANOVA дает следующую картину: в Таганроге более других городов выражена «Забота о будущем» и наиболее высоки показатели оптимизма; то же с социальной желательностью. Ценность призвания значимо чаще

выявляется на Камчатке, менее всего — в Москве; ценность труда — в Таганроге, менее всего — в Москве. Переживания потока в профессиональной деятельности реже всего отмечается московскими студентами ($p = 0.0004$), значительно чаще — провинциальными. Несколько неожиданно, что высокий уровень оптимизма в области достижений (Таганрог) наблюдается наряду с относительно небольшим числом возможностей, «усматриваемым» респондентами. Одно из возможных объяснений — таганрогские выпускники и немногие имеющиеся возможности планируют использовать максимально эффективно, что и служит источником оптимизма. Другое — известный социальным психологам феномен «нереалистического оптимизма», обычно связываемый с юношеским возрастом.

Гендерные различия

По вопросу о выборе работы как необходимости/возможности/случайности, если убрать 10 человек, выбравших случайность, различия между мужчинами и женщинами оказываются значимыми (по критерию $\chi^2 p = 0.0459$). В табл. 9 приведено распределение по полу выбравших те или иные варианты ответов: необходимость, возможность, случайность. Если вариант *Необходимость* выбирает примерно равное число мужчин и женщин, то вариант *Возможность* существенно чаще выбирается женщинами. Не исключено, что здесь срабатывают гендерные стереотипы «факультативности» работы для женщины, тем более

Табл. 8

Значимость различий между 3 регионами (ANOVA)

	F	p
Готовность к изменениям	0.45	0.6352
Удовлетворенность жизнью	1.36	0.2596
Субъективное счастье	0.13	0.8776
Цели	2.11	0.1239
Процесс	0.22	0.8067
Результат	0.11	0.8914
ЛК-Я	3.94	0.0205
ЛК-Жизнь	0.44	0.6435
Осмысленность жизни	0.67	0.5144
Негативное прошлое	0.33	0.7202
Гедонистическое настоящее	0.91	0.4036
Будущее	4.11	0.0174
Позитивное прошлое	0.42	0.6599
Фаталистическое настоящее	0.17	0.8464
Оптимизм: постоянство	1.29	0.2760
Оптимизм: широта	2.40	0.0932
Оптимизм: контроль	2.21	0.1118
Оптимизм в ситуации успеха	2.81	0.0620
Оптимизм в ситуации неудач	1.31	0.2706
Оптимизм в области достижений	4.52	0.0118
Оптимизм в области межличностных отношений	0.89	0.4133
Общий показатель оптимизма	3.33	0.0372
Общая самооффективность	1.93	0.1468
Самообман (приукрашивание)	8.30	0.0003
Управление впечатлениями	7.76	0.0005
Самообман (отрицание)	4.80	0.0089
Социальная желательность	7.96	0.0004
Карьера	2.91	0.0565
Призвание	3.51	0.0314
Труд	3.42	0.0343
Поток в профессиональной деятельности	7.89	0.0005
Толерантность к неопределенности	1.50	0.2254

Табл. 9

**Распределение выборки по полу: выбор ответов на вопрос
«Выбор работы после вуза – это для вас, в первую очередь...»**

	Необходимость	Возможность	Случайность	Всего
Мужчины	78	36	6	120
Женщины	81	63	4	148
Всего	159	99	10	268

замужней, и «мужчины—кормильца семьи». Еще одно объяснение можно связать с ббльшей значимостью для женщин творческой самореализации при выборе работы (и, соответственно, более «возможностным», креативным подходом к выбору).

Об этом отчасти свидетельствуют и следующие полученные результаты. Значимые различия по ранговым переменным были найдены для следующих вопросов: из критериев выбора будущей работы для женщин оказалась важнее творческая самореализация, для мужчин – уровень и перспективы роста зарплаты. Женщины существенно реже отмечают, что уже сталкивались с конкуренцией привлекательных вариантов. Как жизненная цель (вопрос 3.1) для

женщин важнее счастливая семья и внутреннее развитие (творческая самореализация, душевная гармония, внутренний рост). В целом юноши отмечают большее число открывающихся перед ними возможностей; так же воспринимают ситуацию девушки, отмечая более широкие возможности сверстников мужского пола и однокурсников в целом.

В табл. 10 приведены различия по количественным переменным между мужчинами и женщинами. В первую очередь нужно отметить значимо более высокий оптимизм девушек (межличностные ситуации и по параметрам широты и постоянства), а также более высокую социальную желательность по типу отрицания нежелательных переживаний и черт.

Табл. 10

Гендерные различия по количественным переменным

	Среднее		Станд. отклонение		p
	Ж	М	Ж	М	
Год рождения	1985.12	1985.62	0.91	1.03	0.0000
Год поступления	2002.33	2002.56	0.64	0.62	0.0054
Возраст поступления	17.17	16.87	0.71	0.72	0.0018
Личностный динамизм	57.77	57.28	5.68	7.52	0.5475
Удовлетворенность жизнью	22.52	20.92	5.29	5.56	0.0166
Субъективное счастье	20.15	19.02	3.45	4.24	0.0164

Табл. 10 (Продолжение)

	Среднее		Станд. отклонение		p
	Ж	М	Ж	М	
Цели	31.96	31.50	6.12	6.38	0.5536
Процесс	31.78	30.67	5.18	5.62	0.0961
Результат	26.31	25.92	4.11	4.58	0.4680
ЛК-Я	21.39	21.02	3.69	3.83	0.4216
ЛК-Жизнь	31.71	30.74	5.50	5.82	0.1657
Общий показатель ОЖ	105.61	102.68	14.68	15.95	0.1208
Негативное прошлое	25.78	26.92	6.70	6.62	0.1631
Гедонистическое настоящее	52.81	51.03	7.69	8.41	0.0711
Будущее	45.34	45.30	8.41	7.19	0.9636
Позитивное прошлое	33.77	32.83	5.42	5.82	0.1697
Фаталистическое настоящее	24.10	22.74	4.80	5.36	0.0295
Оптимизм: постоянство	67.61	65.04	6.63	9.30	0.0092
Оптимизм: широта	73.44	69.57	8.86	10.54	0.0013
Оптимизм: контроль	73.46	74.00	11.03	12.02	0.7033
Оптимизм в ситуациях успеха	102.50	98.88	13.98	15.46	0.0476
Оптимизм в ситуациях неудачи	112.02	109.72	12.68	15.86	0.1928
Оптимизм в ситуациях достижения	139.43	137.96	13.85	17.67	0.4478
Оптимизм в межличностных ситуациях	75.08	70.65	8.03	9.90	0.0001
Оптимизм: общий показатель	214.51	208.61	19.16	25.30	0.0319
Самоэффективность	30.64	30.94	3.73	5.04	0.5705
Самообман (приукрашивание)	100.53	103.79	15.05	16.97	0.1000
Управление впечатлениями	88.49	85.63	17.44	17.11	0.1840
Самообман (отрицание)	79.24	71.64	16.97	15.61	0.0002
Социальная желательность	268.26	261.06	39.76	37.84	0.1369
Карьера	40.43	45.04	23.99	26.93	0.1566
Призвание	40.96	37.82	26.77	26.58	0.3562
Труд	45.07	40.35	27.46	27.66	0.1772
Трудовой стаж	1.54	1.69	0.78	0.86	0.1474
Поток в проф. деятельности	42.10	42.56	5.34	5.65	0.4984
Толерантность к неопределенности	95.30	99.11	17.66	20.28	0.1045

Есть различия также по уровню субъективного счастья и удовлетворенности жизнью: девушки опережают по этому показателю юношей, что отмечается также обычно и в кросс-культурных исследованиях счастья. Впрочем, эти различия относительно невелики.

Обсуждение результатов

Остановимся вначале на проверке выдвинутых нами гипотез. Первая гипотеза подтвердилась частично: обнаружилось чуть менее половины переменных, для которых тест Ливена (о различии дисперсий) значим, т. е. существенной и систематической разницы не прослеживается, хотя есть сдвиг в сторону большей вариативности московской выборки, как ожидалось.

Ранее нами (Иванченко, 2005) было показано, что индивидуальная вариативность стратегий самоопределения ограничивается не только сходством условий жизни и деятельности поколения. Как и всякая система, сфера возможного имеет некоторый набор устойчивых состояний, которые как бы притягивают к себе множество ее траекторий, определяемых начальными условиями. Однако во всех сферах, не только в профессиональной, все более типичной становится ситуация, когда вновь и вновь приходится «довыбирать», «перевыбирать», переопределять критерии и взвешивать шансы, анализировать открывающиеся возможности.

Можно ли как-то попытаться оценить богатство возможностей в отдельных городах и регионах? Применительно к отдельным странам суще-

ствует известный «Индекс развития человеческого потенциала», ежегодно корректируемый. На наш взгляд, оценка и сравнение своих возможностей с возможностями, скажем, сверстников в других регионах редко происходит непосредственно. Важнее динамика возможностей «вчера» и «сегодня» — работы по специальности, получения приемлемой заработной платы, переквалификации и повышения квалификации, культурного досуга и т. п. Как показало наше исследование, сравнение является довольно сложным процессом: так, факторный анализ выявляет, по меньшей мере, три круга такого сравнения — ближайший (родители), благоприятный для субъекта (сверстники без высшего образования и частично одноклассники), реалистичный — однокурсники и все остальные.

Вместе с тем результаты демонстрируют весьма небольшие различия в осознании своих возможностей студентами Петропавловска-Камчатского и Таганрога. Мы предполагали, что удаленность первого от столицы и городов-миллионеров (до ближайшего, Новосибирска, самый дешевый билет стоит 8000 рублей, чуть меньше средней стоимости потребительской корзины, на январь 2007 г. — 9266.33 руб.) приведет респондентов к осознанию относительной ограниченности их возможностей. Для сравнения: от Таганрога до ближайшего города-миллионера, Ростова-на-Дону, можно добраться за полтора часа маршруткой за 60 рублей. Результаты же показывают, что как по числу возможностей, так и по переживанию предстоящего перехода от учебы к работе (возможность

либо необходимость) отличаются лишь московские студенты от остальных.

Вторая гипотеза о группировке индивидуальных различий вокруг ведущего противоречия (несовпадение возрастающих возможностей личности и ограниченных наличных условий их реализации или, наоборот, широких социальных возможностей при неспособности личности их реализовать) также подтвердилась лишь отчасти. Выше мы приводили и комментировали данные, свидетельствующие о большей осмысленности жизни (по методике СЖО, интегральный показатель) у тех респондентов, которые выбрали «внутренне детерминированный» вариант в сравнении с выбравшими «внешне детерминированные» варианты успешности профессионального выбора; а также о более высоких личностном динамизме, переживании счастья и удовлетворенности жизнью, уровне ориентированности на будущее, оптимизме. Возможности воспринимаются в качестве таковых, лишь когда они осознаны, и если они могут далее трансформироваться в наши цели и стремления. Возникает «эффект Матфея», известный в экзистенциальной психологии: «имущему добавится, у неимущего отнимется» — возможности влекут за собой новые возможности, отсутствие возможностей — еще большее их отсутствие.

Третья гипотеза связывала характеристики позитивного личностного развития с личностными ресурсами, обеспечивающими выбор респондентами продуктивных стратегий самоопределения в сфере возможного. Подтверждением этой гипотезы яв-

ляются большой личностный динамизм, удовлетворенность жизнью, низкий фатализм, более высокий уровень осмысленности жизни, оптимизм в области достижений, толерантность к неопределенности, обнаруженные у группы выпускников, отмечающих больше возможностей. Вместе с тем следует с осторожностью делать выводы о продуктивности тех или иных стратегий. Видеть больше возможностей не значит аутентичнее и полнее развиваться; вполне возможно, что выпускники, отмечающие «множество» возможностей вокруг, так и не приступят к их реализации. Хотя нам удалось выявить характеристики представлений о своих возможностях выпускников разных регионов и вузов, более тщательное изучение стратегий самоопределения в сфере возможного — задача последующих исследований.

Нелинейность зависимости настойчивости в реализации планов от результативности была продемонстрирована еще В. Врумом, показавшим, что чем выше результат деятельности, тем сильнее тенденция к действию (Vroom, 1964). В нашем исследовании «Образы возможного—невозможного в эпоху социальных изменений», проведенном в 1994–1995 гг., также подтвердилась отмеченная закономерность. Студентки и студенты, выше оценивающие свои достижения в тех или иных сферах деятельности, значимо выше оценивали и свои шансы и возможности в этой сфере. Еще более показательной является представленность в «сфере возможного» значимо большего числа целей-ценностей, относимых к этой сфере (Ivanchenko, 1996).

Гендерные различия в нашей выборке не оказались неожиданными: большую ориентированность юношей на материальные ценности и большую ориентированность девушек на ценности личностного роста отмечали многие социологи и психологи. То, что девушки отмечают относительно меньшее число открывающихся им возможностей, имеет под собой и объективные основания. Так, несмотря на практически равную доступность высшего образования для девушек и юношей, на более быстрый рост уровня образования женщин по сравнению с мужчинами, в последние годы динамика основных показателей, характеризующих качество занятости женщин, является негативной (см. например: Баскакова, 2002).

В отношении большего оптимизма девушек следует более детально проанализировать показатели, по которым значимое превышение наблюдалось. В первую очередь, это межличностные ситуации, где девушки имеют с первых лет жизни преимущества. Во-вторых, это параметры постоянства и широты, отражающие опять же больший опыт межличностных контактов с обратной связью и несколько более высокую личностную зрелость. Вообще считается, что эмоциональные реакции женщин на трудные жизненные ситуации негативнее и острее, нежели у мужчин, хотя ведут они себя более пассивно (см. например: Балабанова, 2002). И несколько больший оптимизм, в особенности в сочетании с отрицанием негативного опыта, может свидетельствовать о стремлении девушек избежать неприятных мыслей о ситуациях, с которыми они, может статься, и не встретятся.

Я.-Э. Нурми, проводивший масштабные экспериментальные исследования планирования и перспектив будущего у подростков, подчеркивает, что психологическая функция планирования продолжает развиваться даже после двадцатилетнего рубежа (Nurmi, 1991, 1992). Собственно, в этом нет ничего неожиданного, во всяком случае, для писателей: достаточно вспомнить «Ночь после выпуска» В. Тендрякова, а в романе М. Кундеры «Неведение» именно для двадцатилетнего возраста героини подыскивают определение и находят его — «возраст неведения»: «В этом возрасте выходят замуж, рожают первенца, выбирают профессию. И наступает день, когда узнаешь и постигаешь множество вещей, но уже слишком поздно, ибо вся жизнь была определена в ту пору, когда ни о чем не имеешь понятия» (Кундера, 2004, с. 154).

Помимо недостаточной сформированности психологических функций старшеклассника для зрелого, полноценного выбора, надо учитывать и склонность принять желаемое за действительное или вытеснить неприятные ожидания, отмечают Д.А. Леонтьев и Е.В. Шелобанова (Леонтьев, Шелобанова, 2001). Выпускник или выпускница еще на старших курсах выстраивает целую систему отфильтровывания информации об открывающихся возможностях, которые не только нужно реализовывать, но и осмысливать. Такая система «слепоты» к возможностям вполне адаптивна, с точки зрения состояния ожидания и неопределенности.

По сути существуют два возможных варианта несоответствия между

открывающимися возможностями и ресурсами для их освоения.

1. Возможности существенно превышают ресурсы. Приведение их в соответствие осуществляется: через уменьшение притязаний, разнообразия ресурсов, сужение сферы возможного; либо через поиск сфер, где можно максимизировать осуществление возможностей, расширение сферы поиска, увеличение интенсивности деятельности и т. д.

2. Возможности существенно меньше ресурсов. Приведение в соответствие через расширение сферы возможного, освоение новых сфер; либо через отрицание, игнорирование возможностей.

В рамках данного исследования нам не удалось выявить нескольких отдельных противоречий в развитии личности и ее мотивационной сферы, проявляющихся в профессиональном выборе при окончании вуза. С определенными оговорками можно говорить о противоречии между интеллектуальной, социальной готовностью к реализации возможностей и личностными барьерами, препятствующими осознанию возможностей в этом их качестве. Внутренняя противоречивость развития личности — это скорее норма. Так, Б.Г. Ананьев считал, что она проявляется в неравномерности и гетерохронности смены ее общественных функций, ролей и состояний, что наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская зрелость), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадают, и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях.

Заключение

Согласно принципу необходимого разнообразия У. Эшби (Ashby, 1956), чем более развитой является система, тем большее разнообразие должны содержать ее компоненты для поддержания существования и развития этой системы. С общесистемных позиций можно рассматривать возможности как средство поддержания разнообразия даже в самых безальтернативных жизненных ситуациях. Вместе с тем «существование в возможности» может так и не встретиться с ответственностью, прежде всего в деле обретения себя, в самореализации.

В данной работе мы рассматривали процесс самореализации на примере профессионального выбора выпускников вузов. Выбор профессии является практически неизбежным в современном обществе, но какое-то время можно откладывать решение, рассматривая обучение в вузе как временное и ни к чему ни обязывающее состояние. Можно ли помочь тем, кто все-таки собирается сделать выбор? В соответствии с классификацией актов выбора профессии Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1999) на простой (с имеющимися альтернативами и критериями их оценки), смысловой (с необходимостью выработки критериев) и экзистенциальный (с незаданностью и альтернатив, и критериев) следует помочь осознать задачу проектирования и осуществления своего профессионального будущего как задачи выработки альтернатив и критериев для их сравнения. Тем более, что процессы конструирования жизненных планов в стабильных условиях

ушли в прошлое или, как пишет З. Бауман, заменяются постепенно процессом самоконструирования: «В отличие от “жизненного плана”, самоконструирование не имеет определенного места назначения, цели, и в этом смысле не может управляться и оцениваться... Поэтому самособирание субъекта не является кумулятивным процессом (процессом нако-

пления), самоконструирование влечет за собой как собирание, так и демонтаж, разборку, усвоение новых элементов, так же как и отбрасывание старых элементов, научения и забывания» (Бауман, 1991, с. 36). Вслед за субъектом и вместе с субъектом изучать процессы «сборки» и «демонтажа», безусловно, предстоит и исследователям.

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М., 1991.
- Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал России: факторы риска // *Человек*. 1997. № 1. С. 19–33.
- Балабанова Е.С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // *СОЦИС*. 2002. № 11. С. 26–35.
- Балтес П.Б.* Всевозрастной подход в психологии развития: исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // *Психологический журнал*. Т. 15. 1994. № 1. С. 60–80.
- Баскакова М.Е.* Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Бауман З.* Социологическая теория постсовременности // *Социологические очерки*. Ежегодник. Вып. 1. М., 1991.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса / Вст. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994.
- Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. М., 1959. Т. 4.
- Генсаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // *Человек*. 1996. № 4. С. 5–17.
- Гордеева Т.О.* Оптимистическое мышление личности как составляющая личностного потенциала // *Психологическая диагностика*. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 32–65.
- Ершов А.А.* Взгляд психолога на активность человека. М., 1991.
- Жизненные пути одного поколения* / Отв. ред. М. Титма. М., 1992.
- Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение* / Под ред. М. Титма. Таллинн, 1985.
- Зараковский Г.М., Степанова Г.Б.* Психологический потенциал индивида и популяции // *Человек*. 1998. № 3. С. 50–60.
- Иванченко Г.В.* На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // *Мир России*. 2005. Т. 14. № 2. С. 97–125.
- Иванченко Г.В.* Социокультурное пространство как пространство возможностей: объективное и субъективное измерения // *От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сборник статей*. М.: Изд-во Гос. ин-та искусствознания, 1998. С. 341–356.

- Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человек. 1997. № 6.
- Константиновский Д.Л.* Молодежь 90-х: Самоопределение в новой реальности: Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов: планы и их реализация / Рос. акад. образования. Центр социол. образования РАН, Ин-т социологии. М.: Центр социол. образования РАО, 2000.
- Кундера М.* Неведение / СПб: Азбука-классика, 2004.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет / М.: Республика, 1993.
- Левада Ю.* К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М., 1993. С. 34–49.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
- Леонтьев Д.А.* Свобода // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 325–328.
- Леонтьев Д.А.* Человек и мир: логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия / Отв. ред. Б.А. Парахонский. Киев, 1990. С. 47–58.
- Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Личностный потенциал как объект психодиагностики // Психологическая диагностика. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 4–7.
- Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
- Маноха И.П.* Человек и потенциал его бытия. Опыт синтезирования онтологических и психологических познавательных техник. Киев, 1995.
- Медведев В.И., Зараковский Г.М.* Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 6. С. 5–15.
- Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 83–97.
- Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия личности в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 27–35.
- Ортега-и-Гассет Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 137–152.
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности (Опыт комплексного анализа). М., 2002.
- Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А.* Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 66–84.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / М.: Ad Marginem, 1997.
- Чередишченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.
- Шеллинг Ф.* Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / М.: Республика, 1994.
- Ashby W.R.* An Introduction to Cybernetics. London: Chapman & Hall, 1956.
- Atkinson J.W.* An Introduction to Motivation. Princeton, N.J., 1964.
- Barthes R.* Le bruissement de la langue. Paris: Seuil, 1977.
- Blau P.M.* Structural constraints and opportunities: Merton's contribution to

general theory // Robert K. Merton: Consensus and controversy. London, 1990.

Brukner P. L'Euphorie perpétuelle. Paris: Seuil, 2000.

Feather N.T. Success probability and choice behavior // Journ. Exp. Psychol. 1959. 58.

Festinger L. A theory of comparison processes // Human Relations. 1954. 7.

Giddens A. Power, the dialectic of control and class structuration // Social class and the division of labor. Cambridge, 1982.

Ivanchenko G.V. Gender-related Differences in Meaningfulness of Life // XXVI International Congress of Psychology. Montreal, Canada, August 16-21, 1996. Abstracts / International Journal of Psychology. 1996. 31. 3-4. 119.

Kleinbeck U. Motivation und Berufswahl. Gottingen, 1975.

Kuhl J. Standard setting and risk preference: An elaboration of the theory of motivation and an empirical test // Psychol. Review. 1978. 85.

Nurmi J.-E. Gender differences in adult life goals, concerns, and their temporal extension: a life course approach to future-oriented motivation // International Journal of Behavioral Development. 1992. V. 15 (4). 487-508.

Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning // Devel. Psych. Review, 1991. 11. 1-59.

Skinner E.A. Perceived control, motivation, & coping. London: Sage Publications, 1995.

Vroom V. Work and Motivation. New York, 1964.

*Специальная тема выпуска:
Психология рефлексии*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И
ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ РЕФЛЕКСИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

И.Н. СЕМЕНОВ

Семенов Игорь Никитович — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук.

Является автором свыше 300 научных трудов (свыше 30 из них на иностранных языках), в том числе 11 монографий и 17 учебных пособий по философии и методологии науки, истории и теории психологии, акмеологии, эргономике и педагогике. Член редколлегии журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

И.Н. Семенов награжден медалью им. маршала Покрышкина и Премией Президента РФ в области образования.

Контакты: i_samenov@mail.ru

Резюме

Одним из инновационных направлений современной психологии является изучение рефлексии. В статье анализируются логика развития и этапы изучения рефлексии в европейской философской и психологической мысли от античности до современности, а также дифференцируются и характеризуются основные научные школы и направления в российской психологии рефлексии. При этом впервые прослежена связь философско-психологических трактовок рефлексии в отечественной психологии с развитием русской литературно-художественной критики XIX века, а также показано взаимодействие современной рефлексивной психологии со смежными науками о человеке.

**Актуальность современной
психологии рефлексии**

Вступая на рубеже XX–XXI вв. в эпоху глобализации, человеческое

сообщество столкнулось с рядом проблем, которые осознаются и рефлексиируются в современной культуре в качестве ряда взаимосвязанных кризисов как природного, так и

социального характера. Достаточно указать на кризисы природных ресурсов (от нехватки нефти, газа, электричества до нехватки продовольствия и чистой воды) и экологии (от угрозы резкого изменения климата и возрастания природных катаклизмов до истощения и загрязнения окружающей среды), а также на участвовавшие техногенные катастрофы и социально-политические потрясения (от терактов и региональных войн до экономических обвалов и «оранжевых» революций). В это «тревожное время глобализации» (Стиглиц, 2002) возрастает не только цивилизационная необходимость в углублении социокультурной рефлексии (как философского осознания природы и тенденций общественного развития, так и прогностической рефлексии разработки адекватных политических стратегий и эффективных тактик дальнейшего социально-экономического развития), но и насущная экзистенциальная потребность каждого человека в личностной рефлексии происходящих болезненных перемен, которые непосредственно затрагивают его существование в современную, во многом кризисную и, безусловно, непростую переходную эпоху. В связи со значимостью рефлексии для жизни человека в современном быстро меняющемся мире специальная тема данного номера нашего журнала посвящена проблематике психологии рефлексии.

В рассмотренном социокультурном контексте практически актуальным становится изучение и развитие рефлексии как способности человека осознавать и переосмысливать свое бытие для ориентировки в нем в целях

адекватного поведения и эффективной деятельности как в современных социально-экономических условиях, так и в повседневной жизни. Так, И.Н. Иванова подчеркивает: «Развитие экономики и культуры и их взаимобусловленность активизирует рефлексивность» (Иванова, 2006).

Этим объясняется наблюдающееся на рубеже веков возрастание интереса к изучению проблематики рефлексии в философско-научном (в особенности в психологическом) познании, а главное — к разработке рефлетехнологий (Семенов, 2008) ее практического освоения и развития посредством таких комплексных диагностико-тренинговых методов, как: «рефлексика», «игрорефлексика», «рефлепрактика» и т. д. Необходимые для этого теоретико-методологические предпосылки имеют длительную историю своего философско-научного развития, которое ныне в психологии существенно интенсифицировалось в силу указанной актуальности проблематики рефлексии в современную эпоху глобализации. Этим определяется состав и структура публикуемого в данном номере нашего журнала тематического выпуска, специально посвященного теоретическому изучению и практическому освоению рефлексии в современной отечественной и зарубежной психологии с необходимым историко-научным и концептуально-методологическим обоснованием.

Изучение рефлексии в зарубежной философии и психологии

Хотя номинативно психология рефлексии восходит к философии

Д. Локка, сам феномен рефлексии был открыт еще древнегреческими мыслителями.

В античную эпоху исходной ситуацией развития рефлексии был диалог, специально организованный Сократом для полиаспектного обсуждения проблем определения различных философских понятий в процессе направляемых им полемических дискуссий между ним и его учениками. Одним из них был Платон, разработавший дискурсивно-текстовую форму сократических диалогов, наполнив ее оригинальным философским содержанием. Сократ же инициировал феноменологию рефлексивного диалога и в качестве лидера обсуждения привлекал к нему различных участников (в том числе своих последователей), презентировавших те или иные мнения и позиции по дискутируемой проблематике. В этом случае имела место «звездчатая модель» диалога, которую следует квалифицировать как «рефлексивно-диалектический полилог». Здесь рефлексия феноменологически осуществлялась как в своей интеллектуально-дискурсивной форме (в виде экспликации оснований определения обсуждаемого понятия или исследуемой проблемы), так и в коммуникативно-межличностной (в виде процесса достижения познавательного взаимопонимания между участниками диалогизированного полилога). В дальнейшем в диалогах Платона, в трактатах Аристотеля и других древнегреческих философов сократический рефледиалог трансформировался в разнообразные формы античной диалектики (см. ее анализ у А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и др.) как способы сопряжения и со-

отнесения абстрактных идей и категорий. В результате интенсивной работы античной мысли рефлексия приобретает форму рационализации познания и от его этико-гносеологического способа онтологизации бытия у Платона трансформируется в логико-методологическую эпистемизацию у Аристотеля. Разрабатывая в трактате «О душе» систему психологии, он ввел первую научно-психологическую модель рефлексии как метапроцесса «мышления о мышлении».

В ассимилировавшую эллинизм древнеримскую эпоху в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха диалог поляризуется и рефлексивируется. Ибо Плутарх сначала сталкивает позитивное жизнеописание с негативным для того, чтобы в заключение сопоставить их, сравнив по своим причинам и последствиям. Тем самым диалог приобретает временной вектор своего рефлексивно-ретроспективного развития и организуется стадильно (что через 1900 лет было эксплицировано Г.-Ф. Гегелем в христианизации диалектики в виде знаменитой рефлексивной формулы «тезис — антитезис — синтез»).

В раннехристианскую эпоху диалог приобретает рефлексивно-антиномическую форму онтологизации биполярно трактуемого бытия: град Божий — град Земной, мир Горный — мир дольний, этика добра и зла, праведности и греха и т. д. Нравственная напряженность и богословская борьба этих биполярных начал в сознании верующего человека представлена, например, в литературно-художественном памятнике личностной рефлексии, каковым является «Исповедь» Блаженного Августина.

В средневековую эпоху диалог эксплицируется из внутреннего плана рефлексирующего самопознания верующего (в процессе исповедального самообщения) во внешний — в виде регламентированного схоластической диспута диспутанта и оппонента, которые рефлексируют аргументацию богословского спора. Наиболее ярко рефлексивная феноменология подобного дискурсивного диалога отражается в литературно-художественном описании многолетнего спора Б. Клервоского с П. Абеляром в его «Истории моих бедствий». Здесь рефлексия приобретает вид формально-логической аргументации, схоластически оспариваемой в серии многодневных диспутов.

В эпоху Возрождения диалог вновь приобретает форму свободного (в том числе частично и от церковных канонов) обсуждения разнообразных (не обязательно полярных) воззрений на рассматриваемый предмет. Социокультурным прототипом подобного многоярусного рефледиалога служит «Божественная комедия» Данте. Здесь рефлексия осуществляется в литературно-художественном виде духовно-мысленного путешествия по сферам бытия, трактуемого с позиций нарождающегося Ренессанса. При этом человек чувствует себя потенциально способным к творчеству в силу своего особого статуса в мироздании как сотворенного Богом и подобного ему вследствие дара свободы воли именно в актах творчества. Возрождение породило богатую палитру форм рефлексивного диалога — от диалогизирующего сознания личности (см.: «Сонеты» и «Гамлет» В. Шекспира) через полилог жизненных ро-

лей (ибо «жизнь — театр»), социальных позиций (комедии и трагедии Лопе де Вега, В. Шекспира) до парадигмально-рационализированных диалогов философов и ученых (Дж. Бруно, Г. Галилей и др.).

В эпоху Нового времени диалог вновь поляризуется (например, в трудах Р. Декарта дифференцируются: мышление и протяжение, душа и тело) и позднее приобретает (у И. Канта) категориально-антиномический характер. Еще в XVII в. Дж. Локк обосновал понятие рефлексии, отталкиваясь от выделения Р. Декартом мышления (сознания) в качестве самостоятельной реальности психического, и стал разрабатывать его, базируясь на методологии эмпиризма Ф. Бэкона. Трактую рефлексия как процесс наблюдения душой за своими собственными состояниями, Дж. Локк ввел в психологию интроспективный метод изучения психических процессов путем самонаблюдения.

«Монадология» Г.В. Лейбница способствовала рациональной индивидуализации бытия «Я», «факты сознания» которого на рубеже XVIII и XIX вв. специально прорабатывал И.Г. Фихте, развивая учение И. Канта о субъекте на основе разработанной им системы категорий. При этом рефлексия трактовалась как осознание субъектом своих возможностей и способностей. Если у И. Канта рефлексия осуществляется в виде априорной взаимопроекции абстрактных диалогизирующих категорий и имплицитирована в основаниях познания, то необходимые предпосылки для экспликации рефлексии (из фактов сознания) как способа познания были выделены И.Г. Фихте. «Метаморфозы рефлексии» описывал и

анализировал И.В. Гёте. В «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля рефлексия уже выступает в качестве одной из центральных категорий его универсальной философской системы, важной ипостасью которой является диалектическое развитие рефлексивности субъективного духа, реализующегося в активности самосознания человека.

В середине XIX в. на иррациональном периоде изучения рефлексии диалог вновь индивидуализируется, редуцируясь до внутрличностного спора человека с самим собой (в трудах С. Кьеркегора). Здесь рефлексия приобретает экзистенциальную форму осмысления личностью своего бытия в пограничных ситуациях жизненного самоопределения. В дальнейшем экзистенциальная рефлексия от духовно-нравственной проблематики (у Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше) переходит к диалогической онтологизации взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого, рационального и иррационального в психике человека (в трудах Э. фон Гартмана).

У З. Фрейда это приобретает сначала форму диалога неосознанных влечений с цензурирующим их и рационализирующим сознанием. Позднее З. Фрейд (почти неосознанно опираясь на триадический диалектизм Г.В.Ф. Гегеля) вводит третий компонент сложно организованного внутреннего диалога человека в виде его Сверх-Я. Затем это трансформировалось у К.Г. Юнга в диалог сознания личности с его культурными «архетипами». Здесь рефлексия опять эксплицируется через размыкание психики на переживание, то будучи связанной то с при-

родными влечениями (у З. Фрейда), то с социокультурными прототипами (у К. Юнга).

С середины XIX в. философская мысль Западной Европы и позднее России вступает в рефлексивный диалог с культурами Восточной Азии. При этом усиливаются иррационалистические тенденции благодаря «философии жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, теософии Е. Блаватской и учениям Г. Гурджиева, Н. Рериха, Ф. Штайнера и других мыслителей, стремившихся придать новый животворный импульс дряхлеющему (согласно О. Шпенглеру) европоцентризму через его диалог с ориенталистикой Индии (через труды Вивекананды, Тагора), Китая, Японии. Позднее в XX в. эта межкультурная рефлексия была рационализирована как в науке (Л. Гумилев), так и в искусстве (Г. Гессе).

Начало XX в. характеризуется (в результате войн и революций) как начало кризиса мировой цивилизации, который наступает после утраты европейской культурой своей целостности. В процессе переосмысления путей и судеб европейской культуры, поиска новых ориентиров и способов развития, переоценки бытия и ценностей осуществлялась мировоззренчески-политическая, литературно-художественная и научно-философская рефлексия. В последнем случае имеет место рефлексивный диалог философских культурадигм (гуманитарной и сциентистской, европоцентристской и ориенталистской) и научных парадигм (аналитической и холистической, атомарной и системной и др.). Наиболее ярким примером рефлексивного диалога культурадигм

служит труд О. Шпенглера «Закат Европы», где рефлексиируются стилистические характеристики духовно-художественной культуры, символизирующие развитие образа жизни, экономики, мировоззрения, философии, науки, искусства европейской цивилизации в ее взаимодействии с другими культурами (древнего Египта и Востока). С другой стороны, Рикерт и Дильтей, обсуждая диалог наук о природе и о духе, культурологически и методологически рефлексиируют взаимообогащение естественнонаучного и гуманитарного знания.

В контексте культурадигмальной и парадигмальной рефлексии в первой половине XX в. возникает ряд новых метанаук рефлексивно-интегрального типа: тектология (А. Богданов), праксиология (Т. Котарбинский), рефлексология (В.М. Бехтерев), психотехника (Г. Мюнстерберг), эргонология (В.Н. Мясищев), акмеология (Н.А. Рыбников), экология (Д. Одум и др.), геронтология, кибернетика (Н. Винер), информатика, герменевтика, эвристика, рефлексика, интеллектика, игротехника и др. Комплексное взаимодействие всех этих предметно-технологических областей человекознания создает новые возможности для психологического изучения и освоения рефлексии в целях ее эффективного применения в различных сферах социальной практики: науки, образования, здравоохранения, экономики, управления и т. д. Разнообразное использование рефлексии предполагает ее полифункциональную трактовку в отличие от интеллектуально-монистического традиционного понимания.

В результате трудов мыслителей немецкой классической философии в европейской рационалистической традиции утвердилась сугубо интеллектуалистская трактовка рефлексии как осознанности субъектом своего бытия и мира в целом. Рефлексия, феноменологически проявляющаяся как самопознание (рассуждение путем самообщения) отождествляется с самой философией, приобретая тем самым абстрактно-универсальный статус диалектического философствования, восходящего к диалогам Сократа как изначального для европейской культуры рационализированного способа познания человеком себя и мира.

Гносеологическое использование подобной универсально-монистической трактовки рефлексии применительно к психологическому познанию человека в целях научного изучения реальности психического поставило психологию перед необходимостью онтологической конкретизации этой абстракции для того, чтобы разработать методологию теоретико-экспериментального исследования рефлексивности как базисного свойства человеческой психики, в особенности сознания и его бытийно-смысловых сфер.

В умозрительной психологии (см.: Семенов, 1973) рефлексия выступает одним из основных объяснительных принципов онтологии психического, определяемой, согласно С.Л. Рубинштейну (Рубинштейн, 1957), взаимодействием бытия и сознания.

Начало экспериментированию с сознанием личности на основе метода психоанализа было положено З. Фрейдом, а с рефлексией — методом

систематического самонаблюдения над мыслительными процессами, разработанным под руководством О. Кюльпе в созданной им Вюрцбургской школе психологии мышления (подробнее см.: Семенов, 1973), где были созданы методические средства для объективации интроспекции. Их экспериментальное использование в начале XX в. позволило дифференцировать собственно мыслительные процессы и их рефлексивный план, т. е. выделить в качестве «мышления о мышлении» (Аристотель) рефлексивные установки сознания, их смысловые отношения и т. п. интеллектуальные образования или (говоря языком современного когнитивизма в психологии) «метакогниции» (Дж. Флейвелл) ментального плана психики, которые позднее — в последней трети XX в. — стали, в основном, изучаться в зарубежном метакогнитивизме и в отечественной психологии мыследеятельности.

Логика развития отечественной психологии рефлексии

Следует подчеркнуть существенные достижения отечественной философской мысли (Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов, Г.П. Щедровицкий) и психологической науки в познании рефлексии, где сложились целые научные школы и направления ее изучения и освоения (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.В. Давыдов, А.В. Карпов, И.С. Ладенко, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, В.А. Петровский, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Г.П. Щедровицкий).

Своими корнями эти возникшие в XX в. направления восходят к ассимиляции передовыми русскими мыс-

лителями в середине XIX в. философской культуры немецкой классической философии. Образовавшийся в «Золотом веке» русской культуры, еще в 1820-е годы, литературно-философский кружок «любомудров» (поэт В.В. Веневитинов, писатель В.Ф. Одоевский и др.) стал не только естественной питательной средой для их стихийной социокультурной рефлексии, но и осознанно стремился овладеть ее приемами, имплицитно презентированными в способах критического и диалектического философствования в трудах поэтов И.В. Гете, И. Шиллера и философов И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и особенно Ф. Шеллинга. В этом контексте российского любомудрствования, стремившегося не только овладеть методами европейского философствования, но и сформировать собственные методы, в 1840-е годы возникли (см.: Чистова, 1981) такие достаточно пестрые поэтические течения, как «поэзия мысли» (Н.В. Станкевич, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков) или «рефлексивная лирика» (поэты Е.А. Баратынский, А.А. Григорьев, М.Ю. Лермонтов, Н.П. Огарев, А.Н. Плещеев, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет и др. — см. их сонетно-рефлексивные портреты: Истрин, 2006), которые сразу же стали объектом рефлексивно-эстетической критики В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева и др.

Подобная литературно-публицистическая рефлексия создала конструктивные социокультурные предпосылки уже в Серебряном веке русской культуры на рубеже XIX–XX вв. для первых отечественных развернутых философских учений В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина,

Е.Н. Трубецкого и др., а также проработки параллельно с ними различных категорий, в частности, рефлексии, чему были посвящены труды рано скончавшегося философа-символиста Ф.И. Шперка, автора первых русских книг о рефлексии (Шперк, 1895).

Первое же эмпирическое исследование рефлексивности в российской науке принадлежит врачу-физиологу Н.Я. Пэрна. При разработке своей, по сути, психолого-акмеологической, теории ритмической организации творчества (Пэрна, 1925) он использовал для ее верификации эмпирические данные о циклах жизнедеятельности не только выдающихся деятелей науки и культуры (И. Ньютон, Л. Бетховен, П.И. Чайковский, Н.В. Гоголь, Освальд и др.), но и собственного научного творчества, представленного в своих рефлексивных дневниках (Пэрна, 1993). Рефлексивно-акмеологический анализ творческой индивидуальности Н.Я. Пэрна представлен в ряде наших работ (см.: Деркач, Семенов, Балаева и др., 2005; Семенов, 2003), где показано его значение для развития рефлексивной акмеологии и психологии творчества.

Важность рефлексии как одного из фундаментальных объяснительных принципов психической реальности отмечали еще в первой половине XX в. классики отечественной психологии Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн. К собственно теоретическому анализу рефлексии в отечественной психологии приступили М.М. Рубинштейн (Рубинштейн, 1923, 1927) в контексте проблематики смысла

жизни и С.В. Кравков (Кравков, 1924) при изучении самонаблюдения. К собственно же экспериментальному изучению рефлексивности мышления приступил П.П. Блонский (Блонский, 1935) на материале исследования рассуждений детей, опередив чуть ли не на полвека Ж. Пиаже (Пиаже, 1977). Систематическое же теоретико-экспериментальное изучение рефлексии в нашей науке развернулось лишь в последней трети XX в.

Ему предшествовали фундаментальные философско-методологические исследования рефлексии в контексте проблематики символизма сознания А.Ф. Лосева и Ф.И. Шперка, диалогизма культуры М.М. Бахтина и В.С. Библера, идеального Э.В. Ильенкова и Ф.Т. Михайлова, интуиции В.Ф. Асмуса и Я.А. Пономарева, эпистемологизма сознания М.К. Мамардашвили и В.А. Лекторского, мыследеятельности Г.П. Щедровицкого и Н.Г. Алексева, рефлексивности А.П. Огурцова и В.А. Лефевра. Именно с работ Н.Г. Алексева, В.А. Лефевра, В.В. Давыдова, И.Н. Семенова на рубеже 1960–1970-х годов начались в отечественной психологии систематические теоретико-экспериментальные исследования рефлексивности мышления.

Их дальнейшее развитие в контексте проблематики общей (В.К. Зарецкий, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, Я.А. Пономарев и др.), социальной (Г.М. Андреева, Л.А. Петровская, К.Е. Данилов), организационной (О.С. Анисимов, Б.В. Сазонов, А.А. Тюков, П.Г. Щедровицкий), инженерной (В.Е. Лепский, А.Ф. Трудовой, П.П. Баранов), педагогической (Г.И. Давыдова, В.М. Дюков,

В.В. Рубцов, А.В. Захарова, М.Э. Боцманова), возрастной (А.З. Зак, Ю.Н. Кулюткин, В.И. Слободчиков, Г.И. Сухобская), профессиональной (А.А. Деркач, А.В. Карпов, О.И. Ковшуро, И.С. Ладенко, Ю.А. Репецкий, С.Ю. Степанов) и патопсихологии (Б.В. Зейгарник, А.И. Кудрявцев, А.Н. Лавринович, А.Б. Холмогорова) привело на рубеже 1980–1990-х годов к формированию первых научных школ отечественной психологии рефлексии, созданных Н.Г. Алексеевым, В.А. Лефевром, В.В. Давыдовым, И.Н. Семеновым.

На базе их фундаментальных концепций на рубеже 1990–2000 гг. не только продолжались теоретико-экспериментальные исследования рефлексивных процессов, но и развернулись междисциплинарные эмпирико-прикладные разработки рефлетехнологий в целях психологического, акмеологического и педагогического обеспечения различных сфер социальной практики: образования, здравоохранения, управления, политики, экономики.

Интенсивное продолжение и концептуальное обобщение этих теоретико-прикладных исследований привело к тому, что в настоящее время в отечественной науке развиваются различные научные школы психологии рефлексии: Н.Г. Алексеева (Л.Н. Алексеева, И.С. Павлов, Ю.В. Громыко), О.С. Анисимова (А.Л. Емельянов), В.Е. Лепского (П.П. Трудолобов), А.В. Карпова (В.В. Пономарева, И.М. Скитяева, Е.В. Хаяйнен), Ю.Н. Кулюткина (Г.С. Сухобская, И.В. Муштавинова) В.А. Петровского (О.В. Митина, Т.А. Таран), И.Н. Семенова (В.Г. Аникина, Р.Н. Васютин, И.М. Войтик,

Г.И. Давыдова, М.Ю. Двоглазова, О.Д. Ковшуро, О.И. Лаптева, Ю.А. Репецкий, И.А. Савенкова), С.Ю. Степанова (Е.П. Варламова, Г.Ф. Похмелкина, А.Н. Растянников). Развитие современной отечественной психологии рефлексии характеризуется взаимодействием концептуальных подходов, методических средств, экспериментальных достижений и прикладных рефлетехнологий этих научных школ и направлений.

Все это обогащает, расширяет и углубляет понимание такой сложной психологической реальности, как рефлексивные процессы в структуре мышления и сознания, поведения и деятельности, личности и индивидуальности, групп и организаций. Прецедентами конструктивного взаимообогащения в изучении рефлексии являются взаимодействия научных школ в философии и психологии: Н.Г. Алексеева, О.С. Анисимова, В.В. Давыдова, А.А. Деркача, В.П. Зинченко, Э.В. Ильенкова, А.В. Карпова, Ю.Н. Кулюткина, В.А. Лекторского, В.Е. Лепского, В.А. Лефевра, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлова, В.А. Петровского, Я.А. Пономарева, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова, Д.В. Ушакова, Г.П. Щедровицкого и др.

Необходимо подчеркнуть, что отечественная психология рефлексии явилась катализатором развития таких смежных с ней областей человекознания, как рефлексивная логика (В.А. Лефевр, И.С. Ладенко и др.), рефлелингвистика (Г.И. Богин, Р.Б. Фрумкина), рефлеакмеология (А.В. Балаева, А.А. Деркач, О.Д. Ковшуро, О.А. Полищук, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Е.А. Яблокова) и

рефлепедагогика (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, Б.З. Вульф, В.В. Давыдов, В.М. Дюков, Ю.Н. Кулюткин, Г.Ф. Похмелькина, И.Н. Семенов, Г.С. Сухобская, С.Ю. Степанов, А.А. Тюков, В.Н. Харькин и др.). Их интенсивное развитие и междисциплинарное взаимодействие с рефлексивной психологией оказывают обратное конструктивное влияние на психологическое познание и практическое освоение рефлексии.

Заключение

Если в отечественной психологии рефлексии четко дифференцировались (по предмету и методам) ее научные школы, то иное положение дел сложилось в современном западном человекознании.

Ныне интенсивно ведущиеся в зарубежной науке многочисленные исследования рефлексии как метакогнитивных процессов мышления и сознания — именно в силу того, что они характеризуются широким диапазоном проблематики — не констеллировались пока в рельефно очерченные научные школы (см.: Семенов, 2005, 2006, 2007), базирующиеся на единых концептуально-методологических принципах и развивающиеся на экспериментальных методах и прикладных психотехнологиях, хотя они и образуют разнообразные направления современной, в чем-то позитивистски-эkleктичной и эмпирически-прагматической,

психологии рефлексии: интеллектуалистское (от Д. Дьюи до Ж. Пиаже), феноменологическое (восходящее к Э. Гуссерлю), метакогнитивное (идущее от Дж. Флейвелла), экзистенциальное (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс), гуманистическое (К. Роджерс) и т. д.

Аналитическому обзору этих и других новых направлений посвящены две статьи данного специального тематического выпуска. В одной из них (В.Ю. Дударевой и И.Н. Семенова) анализируется феноменология рефлексии и ряд современных направлений ее теоретико-экспериментального изучения, представленных в зарубежной, в основном, англоязычной научной литературе. В другой статье (Г.Ф. Похмелькиной и И.Н. Семенова) рефлексия рассматривается в контексте ведущихся в австро-германском психоконсалтинге и психотерапии практико-ориентированных прикладных разработок такой новой рефлексивно-действенной проблематики, как инновационные принципы и психотехнологии медиации (т. е. психо-искусства ведения переговоров).

Эти две обзорно-аналитические работы в жанре «рефлексии о рефлексии» служат историко-научным фоном для представленных в двух других теоретических статьях (В.А. Петровского и И.Н. Семенова) достижений отечественных направлений (Н.Г. Алексеева, В.В. Давыдова, А.В. Карпова, В.А. Лефевра и др.) современной психологии рефлексии.

Литература

- Алексеев Н.Г.* Рефлексия и формирование способов решения задач. М., 2002.
- Анисимов О.С.* Рефлексия и методология. М., 2007.
- Блонский П.П.* Избранные психологические и педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1979. Т. 2.
- Васютин Р.Н., Семенов И.Н.* Игрорефлексика профессионального роста менеджеров средствами рефлексивного видеотренинга. Сочи-Запорожье: ИРПТиГО, 1999.
- Войтик И.М., Семенов И.Н.* Оценка и развитие рефлексивного мышления. Новосибирск: СибАГС, 2005.
- Вульфов Б.З., Харьков В.Н.* Педагогика рефлексии. М. Педагогика. 1995.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия //Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 90–105.
- Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности / Под ред. В.В. Давыдова, В.В. Рубцова. Новосибирск: ПИ РАО, 1996.
- Давыдова Г.И., Семенов И.Н.* Развитие индивидуальности в контексте диалогического взаимодействия // Мир психологии. 2008. № 1. С. 54–63.
- Двоеглазова М.Ю., Семенов И.Н.* Развитие личностной рефлексии в студенческом возрасте. Мурманск: МГПУ. 2007.
- Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В.* Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.
- Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления. М., 1916.
- Зарецкий В.К., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Рефлексивно-личностный аспект формирования решения творческих задач // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 112–117.
- Иванова И.Н.* Создание образа: стили потребителя как процесс идентификации // Модернизация экономики и развитие государства». М.: ГУ ВШЭ, 2006. Т. 2.
- Истрин И.* Отклики в сонетах о поэтах. Тамбов: ТГУ, 2006.
- Мысли о мыслях / Под ред. И.С. Ладенко, И.Н. Семенова и др. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. Т. 1–3.
- Ладенко И.С., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Философские и психологические исследования рефлексии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991.
- Лепский В.Е., Зорина Г.И.* Рефлексивное предприятие XXI века // Рефлексивные процессы и управление. 2005. Т. 5. № 2. С. 21–40.
- Левеев В.А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.
- Левеев В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Наука, 1973.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. Изд-во ИП РАН, 2004.
- Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Изд-во ИП РАН, 2000.
- Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология рефлексии. М.-Ярославль: Аверс Пресс. 2002.
- Рефлексия в психологическом обеспечении образования / Под ред. А.В. Карпова, И.Н. Семенова, В.К. Солондаева. М.-Ярославль. ЯРО РПО, 2004.
- Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых в России и США / Под ред. М.В. Кларина, И.Н. Семенова. М.: ИП РАО, 1995.
- Ковшев Е.М.* Социальная рефлексия: структура, формы, функции. М., 1998.
- Ковшуро О.Д., Семенов И.Н.* Исследование рефлексивных особенностей самореализации личности госслужащих. Брянск-Орел: БФ ОРАГС, 2005.

- Кравков С.В.* О самонаблюдении. М., 1924.
- Кулоткин Ю.Н., Муштавинова И.В.* Образовательные технологии и педагогическая рефлексия. СПб., 2002.
- Лаптева О.И., Войтик И.М., Семенов И.Н.* Рефлексивное мышление педагогов. Омск: ООИПКРО, 2003.
- Лебедева Н.М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 48–58.
- Огурцов А.П.* Рефлексия // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4.
- Петровский В.А.* Опыт событийной транскрипции рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 61–73.
- Петровский В.А., Таран Т.А.* Модель рефлексивного выбора: трансактная версия // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 74–91.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Прогресс, 1969.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Алексеев Н.Г. и др.* Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983.
- Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / Под ред. Я.А. Пономарева, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова. М.: ИФ АН СССР, 1988.
- Похмелькина Г.Ф., Слободянюк И.А., Семенов И.Н. и др.* Рефлексивная психология на рынке образовательных услуг. Винница: ВГПИ, 1992.
- Пэрна Я.* Жизнь. Ритм. Творчество. М., 1925.
- Пэрна Я.* Из дневниковых записей. СПб., 1993.
- Растяжников А., Степанов С.Ю., Ушаков Д.В.* Развитие рефлексивной компетентности в совместном творчестве. М.: Изд-во ИП РАН, 2002.
- Репецкий Ю.А., Семенов И.Н., Сидорова А.Ю.* Рефлексия смысла жизни и личностного самоопределения в контексте инновационного тренинга // Мир психологии. 2001. № 2. С. 177–186.
- Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Л., 1927. Ч. 1. М., 1927. Ч. 2.
- Савенкова И.А., Семенов И.Н.* Рефлексивно-психологические аспекты активизации профессионального самоопределения студентов – будущих психологов. Сочи: НОЦ РАО, 2005.
- Семенов И.Н.* Вюрцбургская школа. Душа. Индивидуальность. Кюльпе Освальд // БСЭ, М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Семенов И.Н.* Методологические проблемы системного изучения организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник – 1982. М.: Наука, 1982. С. 301–319.
- Семенов И.Н.* Психология рефлексии в научном творчестве С.Л.Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 67–74.
- Семенов И.Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИОПП, 1990.
- Семенов И.Н.* Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991). Новосибирск. НГУ. 1992. Ч. 1. С. 35–56.
- Семенов И.Н.* Психология творчества Ф.И. Тютчева в дерзаниях «золотого», «серебряного» и «железного» века русской поэзии // Ф.И.Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия. Матер. науч.-практ. конф. Брянск: БОНУБ, 2003. С. 14–24.
- Семенов И.Н.* Рефлетехнологии психолого-педагогического сопровождения развития личности на этапе межпоколенческого перехода // Известия академии педагогических и социальных наук. М.: Модэк, 2008. Т. XII. Ч. II. С. 89–101.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье: ЗГУ, 1992.

Старовойтенко Е.Б. Отношения личности: философско-психологические и рефлексивные модели // Мир психологии. 2006. № 4. С. 26–37.

Стиглиц Дж. Тревожное время глобализации. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Хаяйнен Е.В. Развитие личностной рефлексии средствами экзистенциального тренинга // Вестник интегративной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 266–268.

Холмогорова А.Б., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. Рефлексивно-личностная регуляция целеобразования в норме и патологии // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1981. № 3. С. 9–21.

Чистова И.С. Поэзия 1840-х годов // История русской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 473–500.

Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Логос, 2007.

Шперк Ф.И. Философия рефлексии. СПб., 1895.

Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. Т. 1–2.

СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕФЛЕКСИЯ: МОДЕЛЬ ЧЕТЫРЕХ РЕСУРСОВ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Петровский Вадим Артурович – профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик. Контакты: petrowskiy@mail.ru

Резюме

Предлагается формальная модель субъекта — «модель четырех ресурсов»: резервных, рабочих, внешних, освоенных. Вводится представление о состоятельности субъекта — мере осуществимости запросов, представляющей сумму его внутренних резервных возможностей и возможностей, привлеченных извне. Показано, что состоятельность может быть осмыслена в терминах метаимпликации по аналогии с булевой моделью готовности субъекта к биполярному выбору В.А. Лефевра. Предлагая модель «сдвоенной рефлексии», автор показывает, что саморефлексия способна усиливать привлекательность стимула, и описывает гипотетические условия неотвратимости действия в направлении соблазна, обусловленные саморефлексией и первичной валентностью стимула. Формулируются и количественно специфицируются критерии, касающиеся оптимума психологического благополучия («Хочу то, чего не имею» и «Буду иметь то, что хочу»), из чего следует «золотое правило гармонии» во взаимоотношениях между уровнем притязаний субъекта (0.62) и уровнем запрашиваемых внешних ресурсов (0.38) («золотая пропорция»: $0.62 + (0.62)^2 = 0.62 + 0.38 = 1$). Модель оптимума психологического благополучия обосновывается автором с опорой на собственные исследования и интерпретацию эмпирических данных, полученных другими авторами при изучении мотивации достижения (пересмотр классической модели принятия риска Дж. Аткинсона).

В этой статье представлена структурно-динамическая модель субъекта — «модель четырех ресурсов», ко-

торая создана в результате осмысления

идей рефлексивной теории В.А. Лефевра в контексте психологии личности.

Рефлексивная теория В.А. Лефевра и работы, развивающие эту теорию (Таран, 2000), базируются на простых с виду посылках и не изобилуют отпугивающими непрофессионала сложными математическими построениями. Теория В.А. Лефевра удивительно эвристична, способна структурировать опыт, который, казалось бы, логическому упорядочиванию и формализации совершенно не подлежит и, в частности (хотя какие уж тут «частности?»), способна числом поверять гармонию самых различных сфер, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) (см. «Космический субъект») или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) (см. «Алгебра совести»).

Однако, чтобы использовать рефлексивную теорию как действенный инструмент анализа личности, необходима особая трактовка содержащихся в ней формальных моделей и фигурирующих в них математических символов. Ибо не только «физический смысл», но и «психологический смысл» математических символов может быть предметом особой работы.

С другой стороны, готовность психологии личности включить в свой концептуальный строй идеи рефлексивной теории зависит от эвристических возможностей самой психологической теории личности, от того, насколько ее собственные онтологические модели восприимчивы к новому языку описания.

Исходное «видение» автора рефлексивной теории — это субъект в среде вместе с образом себя в ней.

Подразумевается, что среда способна склонять его к выбору между двумя полюсами: позитивным («добро») и негативным («зло»). Определяется функция готовности субъекта к выбору между полюсами, имеющая вид:

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 \text{ (булева модель)}$$

(для переменных x_1, x_2, x_3, X , принимающих «четкие» значения 0 и 1) и

$$X = x_1 + (1-x_1) \cdot (1-x_2) \cdot x_3 \text{ (непрерывная модель)}$$

(для тех же переменных на отрезке $[0, 1]$).

Здесь x_1 интерпретируется как «давление среды (к выбору позитивного полюса)»; x_2 — как *представление* субъекта о давлении среды; x_3 — как интенция субъекта (выбирать позитивный полюс); « \rightarrow » — логический оператор материальной импликации; X — как *готовность* субъекта выбирать позитивный полюс. В общем случае (объективная) готовность X и (субъективная) интенция x_3 не совпадают. В случае, если они равны друг другу, выборы субъекта обозначаются как интенциональные, а субъекта выбора В.А. Лефевр называет *реалистом*.

Отметим, что, вводя этот конструкт — «реалист», «реализм», — В.А. Лефевр осуществляет то, что абсолютно выпало из поля зрения психологов разных теоретических и практических ориентаций. Перебрасывается мост между субъективными и объективными аспектами активности человека. Идея фундаментальна. По своему содержанию она сопоставима с контрастной идеей *иллюзии*, которая так же, как и реализм,

характеризует соотношение субъективного и объективного, но только в форме несоответствия. «Реализм» — пожалуй, единственная в своем роде идея, описывающая адекватность внутреннего и внешнего, субъективного и объективного и, стало быть, позволяющая соотносить, связывать, «сшивать» конструкты интроспективной и поведенческой психологии. С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев в своих проектах «теории деятельности» искали форму объединения двух психологий. Создатель рефлексивной теории В.А. Лефевр предъявляет нам нечто большее. Он предлагает не только «форму», но и *формулу* соотношения субъективного и объективного¹.

Рассматривая перспективы использования идей В.А. Лефевра в контексте психологии личности, мы исходим из определенной модели субъекта, образующей ядро развиваемой нами *мультисубъектной теории личности* (Петровский, 1996, 2004, 2007).

«Модель четырех ресурсов».

Имея в виду агента активности в среде, мы будем пользоваться термином «субъект». «Активность», в свою очередь, трактуется как самовоспроизводство агента; имеется в виду, что посредством активности он сам вос-

производит себя, ресурсы своего существования в мире. Такая трактовка имеет глубокие философские корни. В философском плане *субъект* есть «causa sui» (причина себя), *активность* же — «причинность причины» (И. Кант). Различаем резервные (r^*), рабочие (r') и внешние (r) ресурсы самовоспроизводства (самопричинности). Принимаем, что запросы агента (n) соответствуют его рабочим ресурсам: $n = r'$. Определяем «затраты» и соответствующие им «приобретения» как произведение запросов агента на внешний ресурс ($n \cdot r$). Вводится понятие «состоятельности» (wellness), w . Это итоговый ресурс агента, достигаемый за счет актуализации резервных ресурсов ($r^* \cdot 1$) и присвоения внешних ресурсов ($n \cdot r'$):

$$w = r^* \cdot 1 + n \cdot r' \quad (*)$$

Данному описанию субъекта соответствует рис. 1.

В психологических терминах резервный ресурс r^* — это то, что у агента есть («имею»), рабочий ресурс r' — то, на что он способен («могу»), запрос n — то, чего он желает («хочу»), внешний ресурс r — ситуативные возможности (условия, подкрепление,

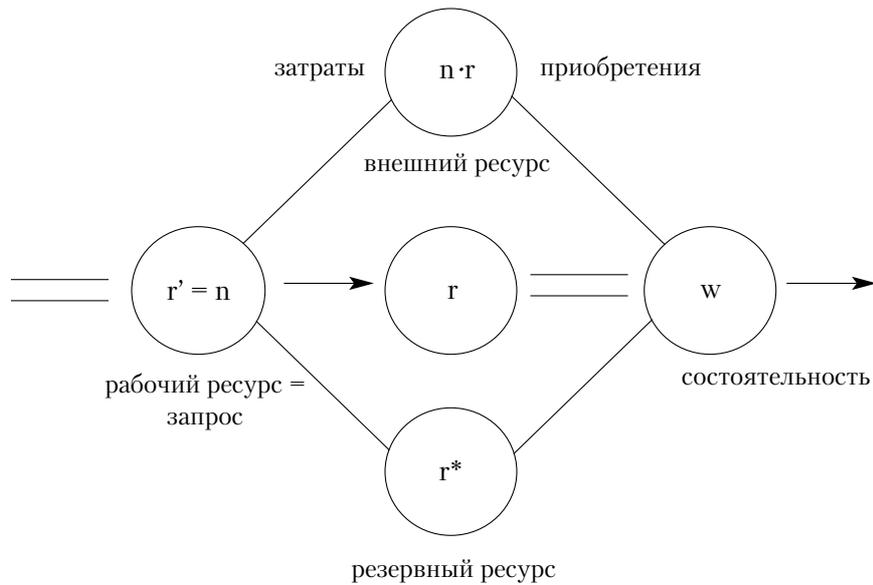
¹Формула Лефевра:

$$X = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0. \end{cases}$$

Идея интенциональных, реалистических выборов оказалась удивительно продуктивной. Я убежден, что со временем во многих учебниках психологии появится, например, такая глава: «Перцепция и рефлексия»; и в ней раздел, посвященный «функции готовности к выбору», «реализму», а также еще — «золотому сечению», открытию В.А. Лефевра в области психологии восприятия. Наряду с феноменами Пиаже, Зейгарник, эффектом Узнадзе, будет сказано о феноменах и эффектах Лефевра.

Рис. 1

Агент активности в среде (структура)

шансы), полезные затраты $n \cdot r$ — продуктивные усилия («достижения», «успех»). Наконец, состоятельность w есть переживаемое благополучие (удовлетворенность, благоденствие, состояние «ОК»).

В данной модели, как видим, подразумевается, что резервные ресурсы актуализируются: появляется то, что можно назвать «сбереженным ресурсом» ($r^* \cdot 1$), а внешние ресурсы осваиваются в соответствии с текущими запросами агента ($r \cdot n$). Символ 1 в произведении $r^* \cdot 1$ означает силу тенденции к актуализации резервных ресурсов агента. Предполагается, что эта тенденция не зависит от величины резервного ресурса и всегда максимальна. Интуитивно это означает, что агент, как говорят, «полностью выкладывается» («от-

дает всего себя делу»). Производство внешнего ресурса r на запрос n агента, в свою очередь, означает, что внешний ресурс осваивается в меру предъявляемого запроса; в этой связи мы вводим термин «присвоенный внешний ресурс» («приобретение»), которому соответствует результат произведения $r \cdot n$. Как видим, «присвоенный внешний ресурс» равен издержкам («затратам»). Состоятельность есть сумма актуализированных резервных ресурсов («сбережения») и присвоенных внешних ресурсов («приобретения»).

Обратим особое внимание на равенство рабочих ресурсов и запросов: $r' = n$. В субъективном плане мы имеем дело с переживанием *желаемого как возможного*, а также *возможного как желаемого*. На наш взгляд, первой

из двух названных форм единства («хочу, что могу») соответствует понятие *мобилизации усилий*, а второй («могу, что хочу») — *притязания*.

Отметим в этой связи два обстоятельства.

Первое. Как это вполне очевидно из сказанного (но отнюдь не очевидно по сути), постулируем, что новоприобретенные возможности субъекта (его рабочий ресурс) побуждают активность, причем сила «хочу» соответствует величине «могу». К этому пункту мы еще вернемся.

Второе. Говоря о том, что агент воспроизводит присущие ему ресурсы, мы имеем в виду, прежде всего, что он воспроизводит имеющуюся у него сумму резервных и рабочих ресурсов (полный ресурс 1). В более узком смысле речь идет о том, что агент достигает соответствия между обретаемой им состоятельностью и собственными притязаниями: $w = n(=r')$, что и является показателем его совершенства как субъекта. Но, разумеется, эмпирический агент активности не всегда соответствует понятию «субъект». В случае, если это происходит, мы говорим о *совершенном агенте активности*, т. е. о субъекте «в собственном смысле этого слова». Условия искомого совершенства обсудим позже.

Рассматривая агента активности в **динамике**, принимаем, что текущий рабочий ресурс i , соответственно, запрос в каждый последующий момент времени равен состоятельности агента в предшествующий момент времени:

$$r'_i = n_i = w_{i-1}$$

Вводим также понятие «остаточного (сохраненного) ресурса», представляющего собой разность рабочего ресурса и издержек: $r' - n \cdot r$. Логично считать, что резервные ресурсы в следующий момент времени $i+1$ равны остаточным ресурсам в предыдущий момент i : $r^*_{i+1} = r'_i - n_i \cdot r_i$.

Поясним сказанное. Рабочий ресурс, как и другие ресурсы агента, можно представить в виде пучков импульсов. Импульсы рабочего ресурса исходят от агента активности в сторону (и навстречу) импульсам внешнего ресурса. Импульсы могут встретиться друг с другом, а могут и разминуться. Импульс рабочего ресурса, встречаясь с импульсом внешнего ресурса, превращает его в импульс присвоенного ресурса (состоятельность растет). Вопрос в том, что произойдет с импульсом рабочего ресурса, если встреча не состоится. Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы представляем себе траекторию его движения.

Импульсы рабочего ресурса можно представить в виде «импульсов-стрел» и «импульсов-бумерангов». В том случае, если «импульс-стрела» не поражает мишень, то есть не встречается с импульсом внешнего ресурса (агент «промахивается»), импульс утрачивается безвозвратно («растворяются в пространстве»). При этом, заметим, рано или поздно внутренние ресурсы агента истощаются, подобно запасу стрел в колчане (если только не допустить, что «кто-то» постоянно подкладывает их в колчан)². Другое дело —

²Более прозаический пример: убывание числа оплачиваемых поездок в метро по мере использования многоразового талона.

импульсы-«маленькие бумеранги». Они, в случае промаха, всегда возвращаются. Таким образом, хотя внешний ресурс и не был присвоен, остаются ресурсы, представляющие собой заделы на будущее. Неизрасходованная энергия действия переходит на следующий виток активности. Подчеркнем, что именно этот образ — круговых траекторий возврата неотработанных «импульсов-бумерангов» — является для нас опорным в модели³.

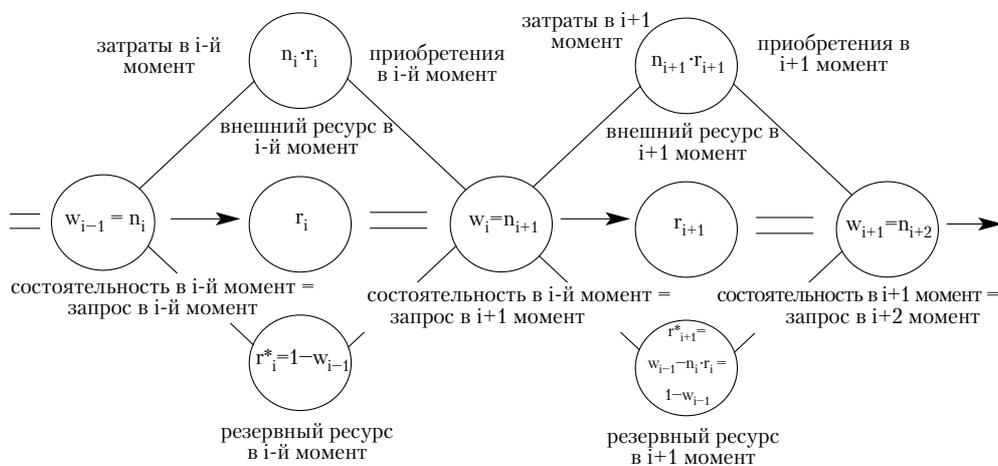
Все сказанное представлено на рис. 2.

Рассмотрим один из простых примеров динамики агента активности, начиная с нулевого момента времени — в моменты $i = 1, 2, 3$. Примем, что внешний ресурс в каждый из моментов времен постоянен и равен 0.5. Результаты представлены в табл. 1.

В данном случае состоятельность колеблется — то возрастает, то падает. Если бы внешний ресурс исчерпывался, согласно правилу, $r'_{i+1} = r'_i - n_i \cdot r'_i$ (неизрасходованный внешний ресурс возвращается «в мир»), то можно показать, что по мере увеличения i усредненное значение

Рис. 2

Агент активности в среде (динамика)

³Тем самым, по сути, формулируется **закон сохранения суммарного ресурса активности** (другие предлагаемые формулировки — «закон сохранения активности», «закон сохранения психической энергии» и т. п.). Этот закон состоит в том, что запасы прошлого, благоприобретения настоящего и резервы будущего в сумме образуют единый и неизменный ресурс (принимаемый за единицу):

$$(1 - w_{i-1}) + (r'_i \cdot r_i) + (r^*_{i+1}) = 1$$

(фрагменты прошлого, настоящего и будущего заключены в скобки)

Табл. 1

Пример динамики агента активности

	Резервный ресурс, r^*	Рабочий ресурс, r , = запрос, n	Внешний ресурс, r'	Состоятельность, w
0-й момент	1.000	0.000	0.500	1.000
1-й момент	0.000	1.000	0.500	0.500
2-й момент	0.500	0.500	0.500	0.750
3-й момент	0.250	0.750	0.500	0.625
4-й момент	0.375	0.625	0.500	0.688

состоятельности стремится к 0.5. Любопытно, что если внешние поступления равны 0, то резервный ресурс и рабочий ресурс, чередуясь, принимают значения друг друга. Несколько позже мы рассмотрим две ситуации, значимые для разработки проблем психологии личности: случаи, когда внешний ресурс равен запросам агента («модель сдвоенной рефлексии»), и условия воспроизводимости, поддержания уровня состоятельности на некотором фиксированном уровне.

Теперь перейдем к более сложной модели, в которой описывается **индивидуальность** как целокупность сопряженных форм субъектности индивида⁴ (единомножие его «я») (Петровский, 2007).

В данной статье мы опишем пять преемственных форм субъектности: «трансцендентальный субъект», «нуклеарный субъект», «целеполагающий субъект», «субъект установки», «субъект поведения». Каждый из пяти характеризуется своими «набо-

рами», включающими «рабочий ресурс» (= «запрос»), «резервный ресурс», «состоятельность» (= «рабочий ресурс»). Преемственность, как видим, обеспечивается равенством: ранее достигнутый уровень состоятельности = уровень нового рабочего ресурса (см. рис. 3):

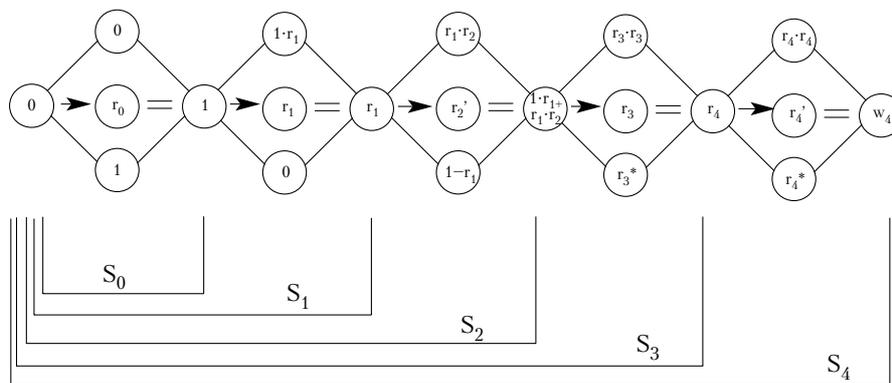
В этом построении S_0 — «чистый» («трансцендентальный») субъект; по сути, это источник активности, не имеющей определенной направленности, «запас сил» (=1), представленный во всех последующих актах агента. Величина внешнего ресурса r_0 тут не имеет значения. Состоятельность S_0 равна 1.

Следующий в ряду субъект S_1 обладает рабочим ресурсом 1. Проявляясь в виде запроса вовне, этот ресурс в сочетании с другими ресурсами агента порождает уровень состоятельности r_1 , не отличающийся от внешнего ресурса, с которым вступил в контакт. Поэтому S_1 — это *субъект текущего опыта* (возможные синонимы: *субъект ситуативного*

⁴Индивидуальность есть особая «часть» личности индивида, если считать, что «личность» объединяет в себе, наряду с полюсом индивидуальности, полюс «личности»: субъектной отраженности индивида в других индивидах (Петровский, 2007).

Рис. 3

Эстафета субъектов в составе индивидуальности

реагирования, субъект уподобительной активности, субъект-имитатор среды и т. п.). Состоятельность S_1 — это его ситуативно-детерминированные способности. Мы будем называть этот субъект также «*нуклеарный субъект*», так как его запросы задают генеральный вектор движения, устремленность к внешнему источнику благополучия.

S_2 может рассматриваться как субъект *целесолагания* (в Леонтьевской традиции — «целесообразования»): «Я ставлю перед собой цель, которую надеюсь достичь, субъективно *достижимую* цель»). Исток активности S_2 — это, как мы помним, состоятельность субъекта S_1 — это переживание «могу/не могу». Оно проявляется на ступени S_2 в форме запросов-интенций: «хочу, что могу» (мобилизационная готовность) и равной по уровню возможности «могу, что хочу» (притязания). Внешний ресурс r_2 в данном случае есть «искомое» — то, что должно быть установлено (выбрано), чтобы состоятельность S_2 была равна его притязаниям. Состоятельность S_2 —

это его амбиции на пороге действия, чувство уверенности/неуверенности в будущем благополучия.

Субъект S_3 — это *субъект установок*, в которых его амбиции опосредованы влиянием окружения. Речь идет именно о *влиянии*, которое мы отличаем от *воздействий* извне. Здесь, заметим, «живет» левеевское *давление* среды, здесь обитают «детерминирующие тенденции», «первичные и фиксированные установки», «гештальт-тенденции», следы ранее испытанных аффектов, «барьеры», «ранние решения» и т. д.). Обобщенно мы говорим о «валентности» ситуативных воздействий, используя в наших целях термин психологии поля К. Левина. «Валентности» — это ресурс r_3 . Состоятельность S_3 — это «могу», непосредственно переходящее в действие, готовность, неотвратимо реализуемая вовне.

S_4 есть *субъект поведения* — целеустремленной активности «по ту сторону» субъективности. Реализуя свою готовность к действию, агент активности опирается на ресурсы, предоставляемые обстоятельствами.

Итоговая состоятельность субъекта — это чувство благополучия в результате фактической реализации своих устремлений.

Обращаясь к схеме «Индивидуальность в динамике», сконцентрируемся на цепочке субъектов S_1, S_2, S_3 , занимающей центральное положение на рисунке.

Перед нами модель Лефевра в новом дизайне и новом прочтении. Напомним булеву форму рефлексивной модели (все последующие рассуждения, разумеется, применимы и к непрерывной модели):

$$(x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 = X$$

Запишем данное соотношение иначе:

$$((1 \rightarrow x_3) \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 = X$$

В нашей модели лефевровской переменной x_3 , «интенция», соответствуют запросы n_3 (они, как мы помним, адекватны способностям агента ($= r_1$) «могу, как источник хочу»). Далее, переменной x_2 , «представление о давлении среды», в нашей интерпретации соответствует r_2 , «образ возможностей, предоставляемых ситуацией». И, наконец, x_1 , «давлению среды», соответствует r_3 , «валентность».

Рассмотрим также импликацию $1 \rightarrow x_3$. Ее значение равно x_3 . И, таким образом, мы узнаем в данной импликации состоятельность субъекта S_1 :

$$1 \rightarrow r_1 = r_1$$

Итак, булевой форме Лефевра соответствует трехступенчатая импликация:

$$(((1 \rightarrow r_1) \rightarrow r_2) \rightarrow r_3)$$

Здесь $(1 \rightarrow r_1)$ есть состоятельность нуклеарного субъекта, S_1 , задающего главный ориентир и энергию «эстафеты субъектов». Далее, $((1 \rightarrow r_1) \rightarrow r_2)$ есть состоятельность субъекта целеобразования, S_2 , ставящего перед собой субъективно-достижимую цель. И, наконец, $(((1 \rightarrow r_1) \rightarrow r_2) \rightarrow r_3)$ есть состоятельность субъекта установок S_3 , принимающего вызовы ситуации и барьеры на пути к благополучию.

Не составляет труда убедиться в том, что «ресурсная» интерпретация лефевровской функции готовности субъекта к выбору может быть распространена на первое и последнее звенья в эстафете субъектов, образующих индивидуальность.

В заключение этого раздела статьи рассмотрим вопрос о том, почему именно импликация рассматривается как механизм перехода от одной ступени субъектности к другой. Косвенно это вопрос о том, почему в предлагаемой модели «четырех ресурсов» мы использовали знак импликации « \rightarrow », связывая запросы субъекта, отвечающие его рабочим ресурсам, и поступающие к нему внешние ресурсы.

Ответ очевиден⁵. Отталкиваясь от соотношения (*), описывающего

⁵Очевиден только сейчас. В поисках отчетливого ответа на этот вопрос автор предпринял исследование, завершившееся построением модели «четырех ресурсов субъекта», впервые представленной в этой статье.

состоятельность w как сумму актуализированных резервных ($r^* \cdot 1$), и благоприобретенных ($n \cdot r'$) возможностей агента, имеем:

$$w = r^* \cdot 1 + n \cdot r' = 1 - r + n \cdot r = 1 - n + n \cdot r' = \langle n \rightarrow r' \rangle$$

Напомним, что здесь w — состоятельность, $r^* \cdot 1$ — актуализированный резервный ресурс, $n \cdot r$ — приобретения, $1 - r$ — дефицит рабочих ресурсов, $1 - n$ — запрос, компенсирующий дефицит рабочих ресурсов, $\langle n \rightarrow r' \rangle$ — оператор метаимпликации (Петровский, 2001; Петровский, Таран, 2002; Петровский, 2006), связывающий запросы субъекта и поступающие извне ресурсы (читается: «запрос n реализуется посредством ресурса r' », или «запрос n опирается на ресурс r' »).

Рассмотрим, как работает модель «четырёх ресурсов» при решении некоторых исследовательских задач в области психологии личности.

Модель самодетерминации гедониста: реакция на соблазн. Познание ощущимо меняет то, что, казалось бы, к нему прямого отношения не имеет: силу человеческих побуждений, страстей. Здесь речь пойдет о соблазне. О том, как осознание своих устремлений может влиять на их силу.

Но также о том, как соблазн, будучи сознаваем, усиливает свою действительность. И, наконец, о том, почему искушения, к счастью, не всегда воплощаются наяву.

Проследивая динамику побуждений по мере их осознания, мы приходим к выводу, что прояснение побуждений, начиная с самого первого, исходного, запускающего процесс самоисследования, способно вызывать эффекты, противостоящие задаче осознания. А именно — сделать невозможным осознанный выбор: стоит ли потворствовать данному побуждению или же нет.

Мы предлагаем гипотетическую модель самодетерминации субъекта, стремящегося к наслаждению («гедонистического субъекта», «гедониста» или же «аскета», если такой субъект побеждает соблазн).

Базовая схема гедонистического субъекта представлена на схеме 1.

Предлагаемая формальная модель самодетерминации гедониста (аскета) включает основные элементы, а также производные от основных и некоторые другие: *Самоконтроль*; *Предвкушение*; *Эмоциональное благополучие* и пр. Модель содержит указание на *Провокативный стимул*, который явным образом в формуле не представлен, но, оставаясь как бы за кадром, постоянно подразумевается

Схема 1

Модель гедониста

Провокативный стимул

(Влечение → Предвосхищение) → Драйв = Установка (Готовность)

(как источник того, что мы далее будем наблюдать «в кадре»).

«Провокативный стимул» — это все то, что способно воздействовать на субъект извне и обладать для него потенциальной значимостью (вещь, человек, текст, какое-либо событие и т. п.). Почему мы говорим о *провокативном* стимуле, выделяя его из множества стимулов вообще, в чем специфика этого стимула по сравнению со всеми другими? Ответ заключается в том, что провокативный стимул со стопроцентной вероятностью детерминирует реакцию субъекта в случае его (субъекта) неподверженности каким-либо силам, сдерживающим реакцию (нравственные, религиозные, правовые ограничения, соображения, связанные со здоровьем, и пр.). Известна полуправдивая шутка: «Все, что по настоящему хочешь, либо аморально, либо противозаконно, либо вредит здоровью». Классики психологии по-разному называли эти силы сдерживания. Зигмунд Фрейд говорил о «подавлении», Курт Левин — о «барьерах», Генри Мюррей — о «прессах». Обобщенно в данном случае мы будем говорить о «силах противодействия провокации». Если бы не эти силы, наличие провокативного стимула в ситуации сделало бы неизбежной «ненормативную» реакцию субъекта.

Поскольку нас интересует не только количественная, но и качественная сторона всех элементов предлагаемой модели, рассмотрим логико-психологический статус того, что мы называем «провокативным стимулом». Строго говоря, провокативный стимул нельзя отнести к сфере психологических категорий. Он

представляет собой внепсихическое — «внеположное», «объективное», «протопсихическое» (в терминах А.В. Петровского и В.А. Петровского) образование — фрагмент окружающей среды.

«Драйв» — телесное возбуждение как специфический ответ на действие провокативного стимула; побуждение-вызов со стороны этого стимула; внутренняя стимуляция как непосредственный физиологический отклик на воздействие внешнего стимула. Драйв и провокативный стимул — явления одного порядка, они «общаются» друг с другом на одном языке — физико-химических взаимодействий, и оба являются протопсихическими образованиями.

«Установка» («готовность») — *бессознательная психическая сила* («сила соблазна»). Поясняя это, мы опираемся на теорию Д.Н. Узнадзе. Для него «установка» — это не просто «неосознаваемое», а принципиально *бессознательное* образование (более того — «нечто третье» по отношению к субъективному и объективному). Вслед за Узнадзе мы используем здесь термин «бессознательное *психическое*», развивая свою мысль о том, что психическое вообще есть медиация (опосредствование) взаимных переходов субъективного и объективного (Петровский, 2004). Этот взгляд адекватен также представлениям З. Фрейда о взаимосвязи телесного возбуждения и желания в определении инстинкта: психическая энергия обеспечивает переход объективного в субъективное (желание как врожденная психологическая репрезентация возбуждения телесного источника) и обратный переход (желание как мотив, направляющий

поведение к объекту). Установка, или в данном случае бессознательная психическая сила соблазна, — посредник между физиологическим возбуждением и субъективным переживанием в системе *взаимопереходов* «объективное—субъективное». Термины «установка» и «сила соблазна», используемые в данном контексте, могут рассматриваться как синоним «готовности» в рефлексивной модели В.А. Лефевра: *объективная вероятность* (p) того, что субъект поддастся соблазну. Если $p < 0.5$ субъект, скорее всего, не будет спровоцирован (воздержится от соблазна). Если $p > 0.5$, субъект, по-видимому, не устоит перед соблазном. А если $p = 0.5$, субъект будет пребывать в состоянии замешательства, колебаний перед выбором, как поступать дальше или, иначе говоря, окажется в ситуации **неопределенности предпочтений**.

«Влечение» — *неосознанная* устремленность в направлении провокативного стимула («искушение»); *переживаемая* субъектом готовность поддаться на провокацию (или, напротив, игнорировать ее). Термин «неосознанная» применительно к «устремленности» используется здесь в общеизвестном со времен

З. Фрейда значении *предсознательного психического* (в момент возникновения данного влечения оно вне поля сознания, но в следующий момент может быть осознано).

«Предвосхищение». Имеется в виду проигрывание в воображении будущей ситуации реализации влечения. Предвосхищение, воображаемая реализация влечения, в отличие от самого влечения, есть *сознаваемая* субъектом устремленность в направлении провокативного стимула, переживаемый субъектом *образ* своего влечения. Дж. Мид говорил о «репетиции в воображении», и это, может быть, один из удачных терминов для этого случая. «Воображаемое удовлетворение», «репетиции в воображении» есть единство статических и динамических моментов субъективного продвижения к стимулу, или, иначе говоря, *образ-переживание* собственного влечения. Для краткости мы будем называть его «предвосхищение», имея в виду копию влечения в зеркале рефлексии⁶.

Итак, мы вводим в контекст нашего рассмотрения не совсем обычный конструкт. При всем различии обозначений («копия влечения», «образ-переживание», «репетиция в

⁶Могут быть рассмотрены также некоторые промежуточные и производные элементы модели.

Самоконтроль (самообладание). В тот момент, когда субъект репетирует в воображении ситуацию реализации влечения, актуализируется чувство контроля над собой, тем большее, чем меньше сила влечения. В математической — модели самодерминации гедониста мы определяем самообладание как величину, противоположную силе искушения: $\text{Самоконтроль} = 1 - \text{Влечение}$.

Предвкушение. Речь идет о субъективном ожидаемом удовлетворении имеющегося влечения. В математической модели, $\text{Предвкушение} = \text{Влечение} \times \text{Воображение}$.

Субъективное благополучие. Это итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели — таков результат импликации: $\text{Субъективное благополучие} = \text{Влечение} \rightarrow \text{Предвосхищение} = (1 - \text{Влечение}) + \text{Влечение} \times \text{Предвосхищение} = \text{Самоконтроль} + \text{Предвкушение}$.

воображении» и т. п.) дело, конечно, не в терминах. Автор уверен в том, что, минуя этот конструкт, невозможно прийти к пониманию самодетерминации. В этой связи кажется странным, что авторы обширных психологических исследований самодетерминации, а также аналитических обзоров, посвященных этим исследованиям, каким-то загадочным образом обходят стороной рефлексивные механизмы самодетерминации.

Чтобы пояснить сказанное, прибегнем к весьма бытовой аналогии. Не каждому человеку известны работы Б. Спинозы, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и В.А. Лефевра, посвященные явлению самодетерминации. Но зато каждый человек хорошо знает по личному опыту, что значит «быть *causa sui*» (причиной себя), завязывая галстук или поправляя прическу перед зеркалом. Зеркальное отражение для человека — это «он сам», подсказывающий себе будущее надлежащее действие. Следующие затем изменения во внешнем облике вновь отражаются в зеркале и вновь детерминируют последующие действия человека. Итак, с одной стороны, перед нами проявление «естественной причинности»: Прообраз \rightarrow Образ \rightarrow Прообраз' \rightarrow ... С другой стороны, это феномен самопричинности: «Я как причина себя», понимаемое и переживаемое бытие Я в качестве «свободной причины». Ведь

именно «с меня» (моего отражения в зеркале) начинается причинно-следственный ряд, и это «я сам» («Я в зеркале») управляю своим «физическим Я».

Будем считать, что субъект, находящийся в поле действия провокативного стимула, шаг за шагом, *витком за витком* рефлектирует свою готовность поддаться соблазну. Это значит, что в последовательные моменты времени $i = 0, 1, 2, \dots$, начиная с появления драйва в момент времени ($i = 1$), субъект продуцирует установку, которая будет осознана им в следующий момент времени. Появляется влечение, которое порождает антиципацию (предвосхищение) будущего удовлетворения; опираясь на образ-переживание собственного влечения, субъект испытывает ту или иную степень душевного благополучия; оно, в свою очередь, побуждает субъекта продолжить попытки (а в случае фрустрации — проявлять сдержанность). Таким образом, рождается тенденция потворствовать себе или ограничивать себя в новых попытках. Эта тенденция преломляется сквозь исходный драйв, формируя новое влечение (готовность). Возникшее влечение рефлектируется субъектом на следующем витке рефлексии (готовность здесь превращается в новое влечение и т. п.).

Как видим, здесь действуют два механизма саморефлексии. Один мы

Тенденция к воспроизводству достигнутого уровня благополучия, как мы уже отмечали, стимулирует субъекта к воспроизводству этого состояния: стремление к данному уровню благополучия выражается в предъявлении запросов к своим собственным телесным ресурсам, позволяющим овладеть провокативным стимулом. Рождается новый ряд переменных (*Самопостроительство, Страховка, Порыв*), порождающие состояние *Внутренней удовлетворенности* субъекта. Последнее получает новое воплощение в новых установках-готовностях.

назовем *диахроническим*, другой — *синхроническим*:

– диахронический механизм рефлексии реализует переход субъекта с одного витка рефлексии на другой, превращая *установку (готовность)* на i -м витке во *влечение* на $i+1$ -м витке;

– синхронический механизм рефлексии реализует «зеркальное отражение» *влечения*, которое, таким образом, обнаруживает себя как *предвосхищение*.

Совместное действие двух механизмов саморефлексии обеспечивает самодетерминацию субъекта активности.

Вводится представление о нулевом витке рефлексии ($i = 0$), при котором в структуре субъекта драйв отсутствует (уровень драйва равен нулю), отсутствуют также влечение, предвосхищение и, соответственно, установка (их «сила» равна нулю); но провокативный стимул уже появился «на горизонте».

Принимаются следующие обозначения и договоренности:

Драйв = {драйв i } — проявления драйва в различные моменты (i) саморефлексии. Говоря о драйве, мы будем подразумевать каждый раз, как и в случае с нулевым витком рефлексии, некую силу (уровень) драйва:

$0 \leq f(\text{драйв}_i) \leq 1$. Договоримся, что в данном случае и во всех аналогичных будем опускать символ f , записывая вместо « $f(\text{драйв}_i)$ » полужирным шрифтом «**драйв $_i$** ». Аналогично *Установка* = {установка $_i$ }, *Влечение* = {влечение $_i$ }, *Предвосхищение* = {предвосхищение $_i$ }. «Силовые» характеристики, соответствующие этим элементам, изображаются как **установка $_i$** , **влечение $_i$** , **предвосхищение $_i$** , и пр.

Принимаем следующие допущения:

1. Сила *драйва* **одинакова** на протяжении всего процесса саморефлексии: **драйв $_i$** = **драйв $_j$** (для всех i и j), кроме случая ($i = 0$), при котором **драйв $_0$** = 0.

2. Сила *влечения* и сила *предвосхищения* **одинаковы** на каждом витке рефлексии: **влечение $_i$** = **предвосхищение $_i$** (для всех i); на нулевом витке рефлексии **влечение $_0$** = **предвосхищение $_0$** = 0.

3. Сила *влечения* на каждом последующем витке рефлексии **равна** силе *установки* на предшествующем витке рефлексии: **влечение $_i$** = **установка $_{i-1}$** (для всех $i > 0$).

Модель самодетерминации гедониста при переходе с одного витка рефлексии ($i - 1$) на другой виток (i) выглядит следующим образом:

Теперь рассмотрим, что происходит с побуждениями субъекта на первом и втором витках саморефлексии ($i = 1, 2$).

На первом витке рефлексии есть лишь драйв, но нет ни влечения, ни предвосхищения. По этой причине уровень установки-готовности действовать в направлении провокативного стимула равен уровню соблазна (примем его за x):

$$\text{Установка}_1 = (0 \rightarrow 0) \rightarrow x = 1 \rightarrow x = x$$

$$\text{Установка}_1 = \text{Драйв}_1$$

На втором витке рефлексии происходит включение (возвышение) появившейся установки x в ранг реальных искушений (влечений) субъекта; соответственно в зеркале рефлексии субъекту рисуется более привлекательная картина реализации его побуждения в направлении провокативного стимула:

$$\text{Установка}_2 = (x \rightarrow x) \rightarrow x = x + (1-x)(1-x)x,$$

$$\text{Установка}_2 > \text{Установка}_1 = \text{Драйв}_1$$

(если $0 < x < 1$)

Как видим, мы можем убедиться также и в том, что уровень установки-готовности **вырос** по сравнению с исходным уровнем драйва, т. е. провокативный стимул стал притягательнее.

Что происходит на последующих этапах саморефлексии? Мы рассмотрим этот вопрос, варьируя стартовый уровень драйва, начиная со значений, близких к нулю («субъект почти не откликается на провокативный стимул»), постепенно поднимаясь к средним значениям («то ли есть

реакция, то ли нет») и, наконец,— высоким значениям («сильный отклик»).

Отправляясь от нескольких стартовых значений драйва x на интервале $[0, 1]$, мы вычислили уровни установок субъекта действовать в направлении провокативного стимула (готовности поддаться соблазну) на нескольких витках рефлексии, следуя процедуре многократного отражения субъектом своей готовности к выбору, предложенной В.А. Лефевром (Лефевр, 1996).

Общий итог, вытекающий из положений рефлексивной теории: саморефлексия субъекта *повышает* привлекательность провокативного стимула, поддерживая соблазн.

Итак, перед нами *феномен рефлексивной возгонки влечения*.

Но это не значит, что люди во всех случаях поддаются соблазну.

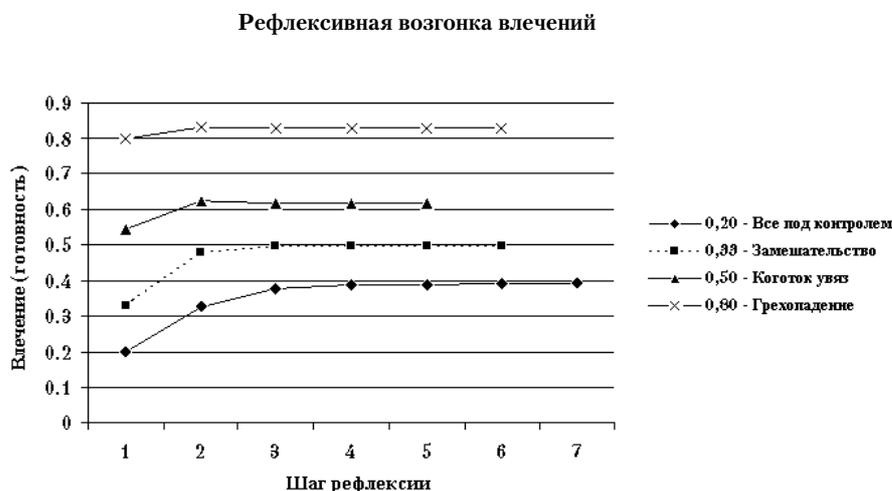
Выясняется, что существуют такие уровни драйва, при которых субъект, рефлектирующий свои побуждения:

1) *отвергает* провокативный стимул, не поддаваясь соблазну: уровни готовности не достигают 0.5 (стартовые уровни драйва находятся при этом в интервале между 0 и 0.333). Мы говорим в данном случае, что «все под контролем»;

2) в той или иной степени *поддается* соблазну (стартовые значения драйва находятся в интервале от 0.333... до 1) — «коготок увяз» и «грехопадение» (эти термины предложены С. Диковым);

3) *впадает* в состояние *неопределенности предпочтений* взамен исходного состояния готовности отвергнуть соблазн — «замешательство» (см. рис. 5).

Рис. 5

Особый случай — стартовый уровень соблазна 0.5 («неопределенный уровень» притягательности провокативного стимула, «замешательство на старте саморефлексии»). В этом случае исходная (полная) неопределенность реакции на провокативный стимул *преодолевается* в ходе саморефлексии. Наиболее интересным здесь является то, что с каждым новым витком саморефлексии готовность поддаться соблазну стремится к «золотому сечению», 0.618...⁷. Мы приходим к этому числу, не вводя предварительных допущений об «интенциональности» выборов (выборы Реалиста), как это делает В.А. Лефевр, рассматривая «выбор без объективных критериев» (Лефевр, 1996, с. 60–61). Мы также прослеживаем «порождение» Реалиста, не связывая себя при этом некоторыми дополни-

тельными условиями, указанными автором рефлексивной теории (Лефевр, 1996, с. 75–76). Реализм субъекта и «золотое сечение» в нашем случае есть следствие совместной работы двух механизмов саморефлексии — диахронического и синхронического — в ситуации полной неопределенности.

Предлагаемая гипотетическая модель самодетерминации гедониста (стойка) есть гипотетическая модель. Мы не располагаем сегодня какими-либо прямыми эмпирическими подтверждениями ее справедливости. Однако некоторые косвенные подтверждения (в области психологии мотивации) имеются.

Отмечу среди них *первый закон Йеркса — Додсона*. При среднем уровне мотивации (драйв?) выполняемой деятельности испытуемые проявляют

⁷Число это известно под именем «золотое сечение» (в математическом смысле оно представляет собой действительный корень решения уравнения $a + a^2 = 1$; $a \approx 0.62$; значительную роль данное число сыграло в архитектуре, музыке и пр.

наибольшую эффективность. Не свидетельствует ли это о том, что они проявляют себя в этих условиях как реалисты, т. е. затрачивают не больше и не меньше усилий, чем это требуется для получения результата? Если это так, то здесь мы вновь сталкиваемся с «золотым сечением» на уровне интенции действовать.

Задача по вкусу: реализм выбора.

Можно предположить, что, выбирая для себя задачу «по вкусу» и оценивая перспективы ее решения, люди, как правило, придерживаются стратегии **реализма**, т. е. соответствия субъективных интенций действию (намерения) и объективной нацеленности на его осуществление (внутренняя состоятельность).

Поделемся результатами пилотажного исследования, посвященного проверке этой гипотезы и принятого автором на небольшой выборке испытуемых (37 человек). Испытуемым предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи — «задачи по вкусу» («идеальной задачи»). Ниже мы приводим список отобранных вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов, как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов вопроса отсутствовали.

Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко — часто», отве-

чая на общий вопрос о том, как часто при решении такой задачи вы:

1) перепроверяете себя, пытаетесь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)? {1,0,1};

редко ————— часто

2) считаете нужным дожидаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающих на открытие)? {0,1,1} (оценочную шкалу в тексте статьи больше не приводим);

3) исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся вам сомнительными? {1,0,0};

4) думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)? {0,1,0};

5) верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе? {1,1,1};

6) отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)? {0,0,1};

7) вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности? {0,0,0};

8) думаете: «Надо попробовать!» — хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно? {1,1,0}.

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко — часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому — значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между

местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал ($i = 1, 2, 3, \dots, 8$) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i . Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i , а величину $f_i = F_i / (F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ — как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, т. е. **сила интенции**. Этот эмпирический показатель соответствует ранее рассмотренному нами теоретическому конструкту «уровень притязаний» как потребности субъекта использовать имеющиеся возможности в соответствии с высотой этих возможностей. Показатель силы интенции произведен от частоты состояний «бдительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «надежда умирает последней» {1,1,0}, «уверенность в успехе» {1,1,1}. Сила интенции = $f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель **шанс на успех** (соответствующий теоретическому конструкту «внешний ресурс»). Он определяется частотой состояний {0,1,1} — «везение», {0,1,0} — «соломинка», {1,1,1} — «уверенность в успехе», {1,1,0} — «надежда умирает последней». $\text{Шанс на успех} = f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

Тем же путем подсчитывается показатель **сила предчувствия**, опреде-

ляемый состояниями: {1,0,1} — «осмотрительность», {0,1,1} — «везение», {1,1,1} — «убежденность в успехе», {0,0,1} — «как-нибудь само собой». Сила предчувствия = $f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Показатель «сила предчувствия» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя — «**ставка на чудо**», «вера в волшебство». В отличие от Взрослой «силы интенции» («уровень притязаний») и Родительского «шанса на успех» («ты должен использовать этот шанс»), «ставка на чудо» (мечта, волшебство), как и предчувствие, есть проявление Дитя. «Ставка на чудо» противоположна предчувствию: чем сильнее предчувствие, тем меньше надобность в чуде, и, наоборот, чем пессимистичнее предчувствие, тем сильнее Дитя нуждается в чуде. $\text{Ставка на чудо} = 1 - \text{«сила предчувствия»} = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6)$.

Итак, уровень внутренней состоятельности испытуемых определялся согласно формуле:

$$\begin{aligned} \text{Внутренняя состоятельность} &= \\ &= (\text{Сила интенции} \rightarrow^* \text{Шанс на успех}) \rightarrow^* \text{Ставка на чудо} = \\ &= \text{Сила интенции} \end{aligned}$$

Условие реализма, напомним, заключается в том, что сила интенции индивида совпадает с его внутренней состоятельностью в процессе решения задачи. В результате предпринятого эмпирического исследования гипотеза подтвердилась. Испытуемые в момент расчета собственных сил, имея дело с «задачей по вкусу», проявляют себя как подлинные «реалисты». Их саморегуляция, согласно принятому критерию, отвечает критерию совершенства: интенции,

исходящие из эго-состояния Взрослого находят свое адекватное воплощение в эффекте готовности индивида действовать на уровне целого — «триумвирата» Взрослого, Родителя и Дитя.

В контрольной группе (37 человек) испытуемые-студенты были лишены возможности выбирать задачу самостоятельно (им было известно, что задача будет поставлена преподавателем, ведущим занятия). Выяснилось, что сила интенций к решению такой задачи значимо ниже, чем в основной группе испытуемых (что, конечно, не удивительно). Главное же состоит в том, что внутренняя расположенность (состоятельность) испытуемых контрольной группы решать задачу оказывается значимо выше ($p < 0.05$) субъективной интенции к ее решению. «Совершенный контур» саморегуляции мы прослеживаем в ситуациях деятельности, связанных с решением задач «по вкусу», а «несовершенный» — с решением задач «по указанию».

Еще один факт, полученный в этих экспериментах, имеет особое значение при описании проявлений индивидуальности как целостности во взаимоотношениях с миром. Трудно не обратить внимания на то, что уровень внутренней состоятельности испытуемых обеих групп колеблется вокруг «золотого сечения» (в первой группе это значение равно 0.603, во второй — 0.618). При объединении двух выборок получаем среднее значение состоятельности, равное 0.611 («золотое сечение» равно

0.618). Чем можно было бы объяснить этот факт?

«Золотое правило гармонии». Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству, в частности, благоприобретений опыта (мы отмечаем этот признак ранее, см. первый раздел статьи). Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W . При этом появляются новые возможности, а значит, и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»).

Теперь я готов «вкладывать» $W = R$ (новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности) = N (новый уровень притязаний), чтобы в итоге воспроизвести все то же W , но уже в качестве цели нового устремления⁸:

$$N \rightarrow R' = R \rightarrow R' = W = R,$$

где R' — искомый внешний ресурс.

Как мы уже говорили ранее, логично считать оптимальной взаимную дополнительность (комплементарность) усилий, направленных вовне, R , и — внешних ресурсов, R' , которые при этом осваиваются.

$$R + R' = 1.$$

Таким образом, мы имеем дело с двумя ранее рассмотренными

⁸Заметим, что здесь действует ранее описанный нами постулат «какова амуниция, таковы и амбиции» («что достигнуто, то и вкладывается») (Петровский, 2002).

критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами индивидуальности. Вкладывая и воспроизводя W , я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, равный дефициту ранее приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0.618...).

И, таким образом, остается только найти внешний ресурс, позволяющий воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами своего рода «золотое правило гармонии» во взаимоотношениях человека с миром:

$$W = W \rightarrow (1-W) = 1-W^2, \\ W = 0.618\dots$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей, запрос восполняет дефицит ресурсов («хочу то, чего не имею, и буду иметь то, что хочу»).

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей при решении разных задач вокруг «золотого сечения».

Уровень трудности задачи: метаимпликативная модель мотивации выбора. Рассмотрим другой сюжет, на этот раз классический — относящийся к одной из наиболее разработанных глав психологии мотивации. Речь идет об исследовании деятельности человека в ситуации достижения. В какой мере мультисубъектная модель индивидуальности могла бы

оказаться полезной для разработки этой классической темы, прежде всего проблематики «уровня притязаний», свободного выбора испытуемыми задач определенной степени трудности?

Определяющую роль в формировании гипотез и построении экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном (Atkinson, 1957, 1964) полвека назад. Согласно этой модели, существуют две феноменологически различные группы испытуемых. Одни из них должны предпочитать задачи среднего уровня трудности, а другие — выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи.

Известно, что модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов (см.: Хекхаузен, 1986). Настоящим камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные скорее успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний*, а *повышенный* уровень трудности задач: уровень трудности решения находился в диапазоне (0.3–0.4), а не на уровне 0.5, как предсказывала модель Аткинсона.

Попробуем подойти к решению этой проблемы, исходя из предложенной нами *метаимпликативной модели мотивации выбора* (Петровский, 2006). Будем считать, что в ситуации свободного выбора субъектом уровня трудности задачи информация о ее доступности запечатлена в его *предвидениях у* («представление о шансе на успех») и *чаяниях z* (мечты, ставка на чудо, волшебные силы,

отражающие валентность задачи); «Свободный выбор» задачи определяем как одновременное формирование интенции к ее решению (мобилизации усилий) x в сочетании с уровнем *предвидимой* вероятности ее решения y и валентностью z .

Как и в ранее рассмотренном нами случае (решение «задачи по вкусу»), ожидаемое удовлетворение от решения задачи соответствует значению метаимпликации $w^* = \langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle$.

Исходим из следующих трех посылок (*постулатов адекватности предпочтений*):

1) Ожидаемое удовлетворение от решения задачи пропорционально затрачиваемым усилиям; максимум усилий соответствует максимум ожидаемого удовлетворения (постулат пропорциональности ожиданий; другое название — «постулат интенциональности», в соответствии с принципом интенционального выбора в работах В.А. Лефевра: Лефевр, 1996, 2004). Из этого следует: $w = x$.

2) Усилия x , мобилизуемые для решения выбранной задачи, пропорциональны предвидимой трудности этой задачи y_d ; максимум трудности соответствует максимум усилий (постулат пропорциональности затрат). Поскольку $y = 1 - y_d$ (доступность = уровень трудности наоборот), имеем $x = 1 - y_d$.

3) «Амбиции» субъекта $\langle x \rightarrow^* y \rangle$ пропорциональны ощущению несбыточности мечты, т. е. предчувствию неудачи $z_- = 1 - z_+$ (принимается также, что максимальная выраженность амбиций и предчувствия неудач равно 1). Из этого следует: $\langle x \rightarrow^* y \rangle = z_- = 1 - z_+$.

Суммируя сказанное, мы приходим к системе уравнений, описы-

вающих выборы субъекта задач различного уровня доступности:

$$\langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z_+ \rangle = x$$

(из постулата пропорциональности ожиданий интенциям; «условие интенциональности выборов» В.А. Лефевра)

$$x = 1 - y$$

(из постулата пропорциональности затрат предвидимой трудности задачи)

$$\langle x \rightarrow y \rangle = 1 - z_+$$

(из постулата пропорциональности амбиций предчувствию неудачи)

В результате подстановок и преобразований мы приходим к двум формулам: «рационалиста», выбирающего задачи повышенного уровня трудности (трудность задачи равна **0.618...** — «золотое сечение»), и «идеалиста», действующего либо на минимуме (вероятность решения близка к **1**), либо на максимуме своих возможностей (вероятность решения близка к **0**).

Метаимпликативная модель мотивации выбора, устраняя неточность прогнозов, вытекающую из модели принятия риска Дж. Аткинсона, позволяет назвать «идеальные точки» предпочтений для двух контингентов испытуемых. «Рационалисты» — это те, у кого Родительские и Детские предпочтения совпадают. «Экстремалы» — те, чьи Детские предпочтения конфликтуют с Родительскими. «Экстремалы» выбирают граничные значения трудности: либо эпатающе простые, либо сверхтрудные задачи. «Рационалисты» же предпочитают задачи, трудность которых равна 62% (субъективная вероятность решения —

0.38). Я думаю, люди, знакомые с «золотым сечением» вообще и «золотыми сечением» как психологическим феноменом (например, по работам В.А. Лефевра), обнаружат в этих числах нечто большее, чем просто числа, — они увидят здесь символ гармонии. Взрослое Эго рационалистов во взаимоотношениях с Родителем и Дитя придерживается принципа: «Живи и давай жить!» А «экстремалы», по сути, рассуждают так (цитирую Владимира Даля): «Да, дело это нехорошее (Родитель)... А дай-ка попробуем!» (Дитя).

Заключение

1. Предлагается формальная модель субъекта — «модель четырех ресурсов»: резервных, рабочих, внешних, освоенных. Благополучие субъекта есть соответствие между его запросами и осваиваемыми ресурсами. «Освоение» объединяет в себе процессы «высвоения» внутренних и «присвоения» внешних ресурсов, что и порождает «состоятельность» субъекта, единство имеющегося и благоприобретенного.

2. Принимается, что запросы субъекта (n) соответствуют его предшествующим достижениям (r): $n = r$, в частности, «чем больше достигнуто, тем больше запрос» (каковы амуниции, таковы и амбиции). Мера осуществимости запросов субъекта (w) представляет собой сумму его внутренних резервных возможностей ($1-r$) и возможностей, привлеченных извне ($n \cdot r'$), где r' — внешний ресурс. Имеем: $w = 1-r$ (резервные возможности) + $n \cdot r'$ (привлеченные возможности) = $1-n + r \cdot r'$.

3. Состоятельность w («wellness») может быть осмыслена в терминах

метаимпликации по аналогии с булевой моделью готовности субъекта к биполярному выбору В.А. Лефевра. Предлагается следующая формула психологического благополучия (состоятельности): $w = \langle n \rightarrow r' \rangle$, («запрос n опирается на ресурс r' »), что и соответствует базовой формуле $w = 1-n + n \rightarrow r'$, где « \rightarrow » — знак метаимпликации, применимой не только к «четким» значениям переменных 1 и 0, но и ко всем рациональным числам отрезка $[0,1]$; <скобки> (далее опускаем) указывают на ожидаемые значения метаимпликации.

4. Показано, что саморефлексия способна усиливать привлекательность стимула, и описаны гипотетические условия неотвратимости действия в направлении соблазна, обусловленные саморефлексией и первичной валентностью стимула.

5. Сформулированы критерии, касающиеся оптимума психологического благополучия:

А) $n + r' = r + r' = 1$ (запрос восполняет дефицит ресурсов: «Хочу то, чего не имею»);

Б) $n \rightarrow r' = r \rightarrow r' = n = r$ (каков запрос, таков и будущий результат: «Буду иметь то, что хочу»).

6. На суд читателя выносится следующая проблема.

Пусть 1 символизирует и количественно выражает изначальную устремленность субъекта (потребность, мотив, интерес, ценность и т. п.), r — представление субъекта о своих возможностях обрести желаемое; $1 \rightarrow r = r$ — уровень притязаний субъекта, r' — «бессознательное знание» о возможностях, предоставляемых ситуацией, r'' — возможности, реально предоставляемые ситуацией.

Рассмотрим условия субъективного психологического благополучия, $w_{\text{субъективное}} = r \rightarrow r'$: какими должны быть уровень притязаний и бессознательное знание субъекта о своих возможностях, чтобы уровень субъективного благополучия был оптимален? Имеем:

$$r + r' = 1;$$

$$w_{\text{субъективное}} = r \rightarrow r' = 1 - r + r \cdot r' = r$$

Получаем: $r = 0.617...$ («золотое сечение»); $r' = 0.382...$

7. *Эмпирическая проверка модели гармонии.* Испытуемые описывали свои переживания в процессе решения задач, вызывающих у них интерес и удовольствие в процессе решения — «задач по вкусу». Выявлялся уровень субъективно продуцируемых импульсов к активному действию (величина $r_{\text{эмпирическое}}$) и уровень предчувствий субъекта относительно благополучного исхода решения задачи ($w_{\text{субъективное эмпирическое}}$). Оказалось: $w_{\text{субъективное эмпирическое}} = 0.594$; $r_{\text{эмпирическое}} = 0.619$, $w_{\text{субъективное рассчитанное}} = 0.619 \rightarrow (1 - 0.617) \approx 0.617$ ($N = 50$). Отличия этих величин от «золотого сечения» и друг от друга статистически незначимы ($p > 0.05$).

8. Сопоставлены авторская *мета-имплицативная модель благополучия*

и *классическая модель выбора риска Дж. Аткинсона.* Формула оптимума как субъективного, так и объективного психологического благополучия позволяет объяснить феномен сдвига уровня притязаний испытуемых с преобладанием мотива достижения в сторону более трудных задач (проблема смещенного выбора обсуждается десятки лет). Условия оптимума: $r = (r \rightarrow r') \rightarrow r'' = r$; $r + r' = 1$; $(r \rightarrow r') + r'' = 1$; если предположить, что испытуемые не обманываются относительно возможностей, предоставляемых ситуацией, $r' = r''$, то мы приходим к единственному решению: $x = 0.617$ («золотое сечение»), $y = 0.382$, $z = 0.382$:

$$(0.617 \rightarrow 0.382) \rightarrow 0.382 = 0.617...$$

Согласно эмпирическим данным, полученным исследователями за десятки лет изучения уровня притязаний, трудность решения выбираемых задач, действительно, находится в интервале (0.6–0.7).

9. Возможна трансактная (мульти-субъектная) версия индивидуальности, позволяющая пояснить «золотое правило гармонии», подтвержденное эмпирическими фактами, ранее ускользавшими от внимания «рефлексивно-ориентированных» теоретиков.

Литература

Лефевр В.А. Алгебра совести. М., 2004.

Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-квартиро, 1996.

Митина О.В., Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования //

Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6–7 февраля 2004 г.: Сборник статей. Самара, 2004. С. 138–145.

Петровский В.А. Активность как «над-ситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI

Международному психологическому конгрессу. М., 1976.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Петровский В.А. Мультисубъектная персонология: Сб. трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнетворчества. М., 2004.

Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление: Тез. III Международного симпозиума. М., 2001.

Петровский В.А. Метаимплицативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002.

Петровский В.А., Таран Т.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Т. 1. М.: Физматлит, 2002.

Петровский В.А., Таран Т.А. Импульсная модель экзистенциального выбора // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Том 1. М.: Физматлит, 2002.

Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимплицативная модель мотивации выбора // Психологический журнал. 2006. № 1.

Петровский В.А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. М., 2006.

Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории // Мир психологии. 2007. № 1.

Таран Т.А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление: Сборник статей. М.: ИП РАН, 2000. С. 122–132.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. / Под ред. Б.М. Величковского. М.: Педагогика, 1986.

Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957. № 64.

Atkinson J.W. An Introduction to motivation. N. J.: Princeton, 1964.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.Ю. ДУДАРЕВА, И.Н. СЕМЕНОВ

Дударева Вероника Юльевна — научный сотрудник Института содержания образования ГУ ВШЭ.

Область научных интересов — общая и возрастная психология мышления, рефлексии, развития сознания и принятия решений.

Контакты: mvu38@inbox.ru

Резюме

Одной из современных областей зарубежной психологии является изучение рефлексии. Поскольку результаты большинства исследований феноменологии и механизмов рефлексии публикуются в англоязычной научной литературе, то в данной обзорно-аналитической статье выделяются и характеризуются основные направления англо-американских изысканий в области психологии рефлексии. При этом впервые анализируется этимологическая пропедевтика и характер взаимодействия отечественных и зарубежных исследований рефлексии, а также характеризуется их сходство и различие в предмете и методах ее теоретико-экспериментального изучения.

Рефлексия является важным феноменом психики (Дж. Локк, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.) и компонентом способностей человека (Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков). Экспериментально рефлексия стала изучаться в начале XX в. в немецкой психологии в исследованиях Вюрцбургской школы (см.: Семенов, 1972), Э. Шпрангера и А. Буземана (см.: Выготский, 1984),

что затем было продолжено эмпирически во французской (А. Марк, Ж. Пиаже), англо-американской (Э. Титченер, Д. Дьюи) и российской (С.В. Кравков, П.П. Блонский) классической психологии. Наиболее интенсивно феноменология рефлексии (Хайт, 2004; Эмбри, 2005) и психологические механизмы рефлексивных процессов изучаются в современной русскоязычной (в России,

Украине, Беларуси — см.: Лазарев, 2004; Семенов, 2000; 2007) и англоязычной научной литературе.

В немногочисленных отечественных обзорах зарубежной психологии рефлексии (Алексеев, Зарецкий, Семенов, 1979; Кайдановская, 1984; Карпов, Скитяева, 2002; Романова, 2001; Тульвисте, 1984; Семенов, Спиро, Ковалева, 1995; Семенов, 1989, 2000, 2007; и др.) анализируются различные аспекты исследования рефлексивных процессов, но без их системного анализа основных направлений современной психологии рефлексии, а также без ее необходимой методолого-этимологической пропедевтики (Семенов, 2004). Поэтому прежде, чем выделить и охарактеризовать основные направления современной зарубежной психологии рефлексии на материале наиболее обширной англоязычной научной литературы, обратимся к этимологическому анализу понятия «рефлексия».

Этимологическая пропедевтика изучения феноменологии рефлексии

Специальное историко-научное исследование этимологии термина рефлексия показало (Алексеев, 2002; Семенов, 2004), что он зародился в итальянской культуре в эпоху Данте Алигьери на рубеже позднего Средневековья и раннего Возрождения. В последующем — уже в Новое время — этот термин, благодаря английскому философу, психологу, педагогу Джону Локку, приобрел статус философско-научного понятия. Его значение через Германию и Польшу достигло России и под влиянием не-

мецкой классической философии (И. Канта, Г. Фихте, Г. Гегеля и особенно Ф. Шеллинга) в середине XIX в. было ассимилировано русской философско-эстетической мыслью (В.Г. Белинский и др.). Важно подчеркнуть, что в европейской классической психологии конца XIX — начала XX в. рефлексия (наряду с ассоциацией) была одним из основных объяснительных принципов функционирования психического.

Однако с 1920-х годов под влиянием философии позитивизма и прагматизма, а главное, в результате распространения биохевиоризма и когнитивизма (см.: Алексеев, Зарецкий, Семенов, 1979) в англо-американской психологии утрачивается интерес к проблематике рефлексии. К изучению феноменологии и механизмов рефлексивных процессов современная англо-американская психология обращается вновь лишь в последней трети XX в. Присущий ей эмпиризм выражается, в частности, в построении — по квалификации Р. Мертона — теорий среднего уровня, обслуживающих концептуализацию конкретных эмпирико-экспериментальных исследований. Их методики весьма конструктивны, а результаты существенно обогащают психологическое познание феноменов рефлексивности. Однако их теоретическая интерпретация нередко ведется без необходимого (как это принято в немецкой или российской психологической культуре) углубленного философско-методологического и историко-научного обоснования (см.: Семенов, 1989, 2004, 2006). Этим объясняются трудности так необходимого соотнесения достижений отечественных научных школ

психологии рефлексии (Н.Г. Алексеева, В.В. Давыдова, В.А. Лефевра, И.Н. Семенова), непосредственно выросших из философско-методологических разработок проблематики рефлексии (Г.П. Щедровицкий, В.А. Лекторский, Э.В. Ильенков, А.П. Огурцов, В.С. Библер, И.С. Ладенко, М.А. Розов), с результатами ее разнообразных исследований, представленными в современной англоязычной научной литературе.

Каждый российский психолог, пытавшийся найти англоязычные статьи по ключевому слову «рефлексия» («reflection» или «reflexion»¹) знает, что по таком запросу находятся, во-первых, весьма немногочисленные, а во-вторых, достаточно разноплановые статьи, не представляющие сколь-нибудь единого направления исследований. Действительно, прямой перевод принятого в отечественной психологии термина «рефлексия» (reflection) зарубежными исследователями используется крайне редко и даже отсутствует в психологическом словаре (Oxford dictionary of psychology, 2003). Этимологический анализ термина «рефлексия» в зарубежной и отечественной (см.: Семенов, 2004) психологии выглядит по-разному.

Так, в современном английском языке слово «reflection» имеет множество значений, относящихся, помимо психологии, к физике, математике, компьютерным технологиям. Наиболее близких к психологии значений два: 1) интроспекция, раз-

мышления о себе; 2) саморефлексия человека, т. е. процесс тщательного обдумывания, размышлений о себе как человеке, с некоторым философским оттенком (см.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Reflection>). В научных статьях (не только психологических) слово «reflection» часто используется в значении «размышление», «обзор», «обзор литературы» и т. п.

Интересны также современные значения слова «reflexive», относящиеся к разным наукам. Среди них есть два варианта, близких к психологии: 1) рефлексивность (в социологии) — ссылка на собственные действия, совершенные в прошлом и приведшие к актуальному состоянию; 2) рефлексивное научение (в социоэкономических теориях) — автоматическое научение, происходящее в ответ на изменения среды (см.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Reflexive>). Если первое из этих двух значений действительно близко к психологическому понятию рефлексии, то второе является явно производным от слова «рефлекс» и противоречит представлениям о рефлексивном научении, разрабатываемым в психологии, поскольку в таком определении постулируется автоматичность, произвольность этого научения.

Как психологический термин «reflection» используется в статьях по клинической психологии наряду с другими синонимичными терминами, такими, как «psychological mindedness», «self-awareness» и др.

¹Такой вариант написания, как показало наше исследование, встречается только в англоязычных работах В. Лефевра и комментариях к ним (см.: J. Social Biol Struct, 1987). В этих комментариях обсуждается собственно математическая модель В. Лефевра, ее применимость к сфере, подобной психологии рефлексии, а также вопросы морали, затронутые В. Лефевром.

Следует отметить, что в англоязычных переводах работ Ж. Пиаже используется именно «reflection», «reflective», но ни в одном из современных крупных направлений психологии рефлексии этот термин не употребляется.

Анализ зарубежной научной литературы позволяет выделить следующие основные направления исследований в психологии рефлексии: склонность к самоанализу (psychological mindedness); интеллектуальная рефлексия (метакогнитивный подход, metacognitions); представления о психическом других людей (theory of mind); и, наконец, проблема осознаваемости разных процессов и деятельности (consciousness). Характерно, что каждое из этих направлений для обозначения процесса, хотя бы отчасти сходного с рефлексией, использовало свой собственный новый термин.

Основные направления современной зарубежной психологии рефлексии

Анализ массива современных англоязычных исследований феноменологии рефлексии позволяет дифференцировать ряд таких основных направлений ее психологического изучения, как: 1) склонность к самоанализу, 2) метакогнитивизм, 3) представление о психическом, 4) изучение проблемы осознания. Поскольку во всех этих подходах рефлексивность трактуется в основном как ментальный процесс, соотносимый с интеллектуальной рефлексией, то экспликация ее экзистенциально-личностных аспектов (Аникина и др., 2002; Семенов и др., 1979)

выходит за рамки анализа этих четырех выделенных направлений. Охарактеризуем их специфику в изучении феноменологии и механизмов рефлексии подробнее с позиций отечественной рефлексивной психологии.

Склонность к самоанализу (psychological mindedness)

Хотя большинство современных направлений в зарубежной психологии рефлексии возникли приблизительно в одно и то же время (начало 1970-х — 1990-х годов), одним из самых ранних следует все же признать изучение склонности к самоанализу. Это направление возникло как логическое продолжение изучения закономерностей и условий эффективности психотерапии, в основном психоанализа. В начале 1970-х годов появились первые методики, направленные на диагностику склонности к самоанализу (см., например: Boroto, 1972, Huebner, 1988), что, видимо, и позволило подойти к эмпирическому изучению указанной склонности.

Склонность к самоанализу (psychological mindedness) чаще всего определяется как способность и склонность думать о себе и других как субъектах, движимых внутренними состояниями. Или, иначе говоря, способность и склонность учитывать влияние внутренних состояний (мыслей, чувств и т. п.) на поведение как свое собственное, так и других людей (Hua et al., 2007, Allen et al., 2004).

Естественно, что это понятие с самого начала интуитивно связывалось с успешностью психотерапии. Пред-

полагалось, что клиенты, более склонные задумываться о себе, анализировать собственное поведение и поведение других людей, более открыты для терапии, особенно инсайтной, и извлекают из нее больше пользы (Boylan, 2006, Hua et al., 2007). Считалось, что склонные к самоанализу клиенты обладают более развитой способностью использовать «язык» психотерапии, т. е. они лучше понимают слова психотерапевта и извлекают из них для себя больше пользы (Joyce, McCallum, 2004). Однако многочисленные эмпирические исследования, посвященные этому вопросу, не дали однозначного результата (Fenigstein, 1997). Они скорее свидетельствовали против этого предположения. Так, в результате исследований было показано, что склонность к самоанализу имеет не большее значение для инсайтной терапии, чем, скажем, для поведенческой. И даже влияние инсайтной терапии на развитие склонности к самоанализу оказалось незначительным (Boylan, 2006). Более того, было обнаружено, что при высоком уровне склонности к самоанализу страдает самооценка, и склонные к самоанализу люди имеют тенденцию скрывать свои истинные чувства (Farber, 1989). При этом склонность к самоанализу психотерапевта, как показала эмпирическая проверка, влияния на успешность терапии в лучшем случае не оказывает (Kolchakian, 2004), а возможно, и снижает эффективность его работы (Farber, 1997).

Сторонники этого направления изучения рефлексии разработали несколько методик оценки склонности к самоанализу. Все они представляют собой опросники или стандартизо-

ванные интервью. Однако за разными методиками стоит различное понимание самого явления, а это создает определенные проблемы для проведения и дальнейшего анализа эмпирических исследований рефлексивных процессов (Conte, Ratto, 1997).

Важно подчеркнуть, что до сих пор предметом обсуждения является принципиальный онтологический вопрос: а что же, собственно, представляет собой склонность к самоанализу — способность, мотив или склонность? Это относится к себе или к другим людям тоже? Каков этот процесс по своей психологической природе — когнитивный или аффективный? (Hall, 1992). Анализируя эту онтологическую проблематику, А.М. Грант предложил альтернативный вариант определения склонности к самоанализу через метакогниции. По его мнению, эта склонность должна измеряться не сама по себе, но через оценку метакогнитивных процессов рефлексии и инсайта (Grant, 2001).

В отличие от других вариантов трактовки рефлексии в зарубежной психологии — таких, как само-осознание (self-awareness) или понимание других людей (theory of mind) — рассматриваемая склонность к самоанализу связана как с пониманием человеком себя, так и с пониманием им других людей. Была обнаружена взаимосвязь этой склонности и самосознания, а также когнитивной и аффективной эмпатии (Beitel et al., 2005). Более того, склонность к самоанализу связана не только с осознанием человеком себя как такового, но также и с осознанием им собственных отношений с другими людьми (Beitel, 2004).

Несмотря на то, что склонность к самоанализу считается личностной чертой с когнитивными компонентами, проводилось также и отдельное изучение именно когнитивных компонентов этой способности. При этом было обнаружено, что высокая склонность к самоанализу связана с гибкостью, осознанием ответственности (внутренним локусом контроля) и реалистичностью мышления. Важно подчеркнуть, что именно эти компоненты склонности к самоанализу способствуют успешности психотерапии (Beitel et al., 2004).

Необходимо отметить, что для работ по склонности к самоанализу характерна относительная неразработанность центрального понятия — собственно склонности к самоанализу. Ярче всего это проявилось в неоднозначности определения этого феномена в базовых психологических терминах. Но для эмпирических исследований в рамках этого подхода указанная проблема не является принципиальной, поскольку его представители (за редким исключением) не ставят себе цели изучить механизм влияния склонности к самоанализу на поведение или психические функции. Целью большинства рассмотренных исследований является нахождение взаимосвязи (корреляции) между склонностью к самоанализу и другими чертами и способностями личности.

При сравнении проанализированного подхода с отечественными исследованиями выявляется его близость с подходом А.В. Карпова и его научной школы. Он с коллегами провел (хотя и не в рамках психотерапии) ряд исследований, направленных на изучение влияния реф-

лексивности (понимаемой как черта) на эффективность принятия решений. Направление склонности к самоанализу близко к исследованиям А.В. Карпова, прежде всего, по основной цели — изучению влияния рефлексивности/склонности к самоанализу на эффективность поведения, а также по вспомогательной задаче — нахождению взаимосвязей между рефлексивностью и другими личностными чертами. При этом имеется некоторое сходство в рабочих определениях и в разработке опросников по диагностике склонности к самоанализу/рефлексивности (Карпов, 2003), а также в попытке переинтерпретации склонности к самоанализу в терминах метакогниций (Карпов, 2004).

Метакогнитивный подход (metacognitive approach)

Метакогнитивный подход возник в начале 1970-х годов как продолжение изучения когнитивного развития ребенка. Одной из первых работ в данном направлении явилась статья Дж. Флейвелла, посвященная знанию детей о собственных когнитивных процессах. Под метакогнициями подразумевается знание о себе как познающем субъекте и регуляция собственного познания (Flavell, 1979; Veenman, Van Hout-Wolters, Afflerbach, 2006).

Структура и конкретный набор метакогнитивных процессов разными авторами описываются по-разному, но практически все согласны с разделением метакогниций на метакогнитивные знания и метакогнитивный опыт (Flavell, 1979), или же, в другом варианте классификации, это

метакогнитивные знания и контроль² (Otani, Widner, 2005). Такого рода метакогнитивные знания суть знания о том, что же влияет на течение и результат когнитивных процессов. Дж. Флейвелл выделил три влияющих фактора: 1) сам *субъект* (с его индивидуальными познавательными способностями); 2) *задача* и 3) *стратегия*. Метакогнитивные знания о субъекте (т. е. о самом себе) и его познавательных особенностях представляют собой рефлексивное знание, образ себя как человека познающего. Метакогнитивное знание о задаче — это знание о том, каким способом задача может быть решена. Знание о стратегиях — это знание о том, какие стратегии больше подходят для решения данной задачи и что именно эти стратегии требуют от познавательных способностей субъекта.

Следует отметить, что метакогнитивный опыт и метакогнитивный контроль — понятия не совпадающие, но взаимосвязанные. Так, метакогнитивный опыт включает контроль наряду с другими элементами. При этом метакогнитивный опыт появляется в ситуациях, требующих особых усилий, тщательности и точности, а также в особо важных новых условиях или в динамичных задачах (Langer, 1978). При этом, с одной стороны, этот опыт возникает в таких ситуациях автоматически, с другой — именно он осуществляет метакогнитивный контроль. Кроме того, этот опыт обладает различными

функциями, поскольку: а) влияет на постановку познавательных целей и задач; б) преобразует метакогнитивное знание, внося новую информацию или корректируя имеющуюся; в) активизирует стратегии, направленные либо на когнитивные, либо на метакогнитивные цели (Flavell, 1979).

В этом направлении исследований рефлексии развитие метакогнитивных описывается в основном как развитие знаний ребенка о себе в контексте разрешения различных проблемных ситуаций (Flavell, 1979; Brown, 1978). Так, в онтогенезе раньше всего появляется способность различать понятные и непонятные ребенку ситуации, позже — дифференцировать правильно и неправильно понятые, и т. д. (Flavell, 1979). Интересно отметить: некоторые исследования свидетельствуют о том, что рефлексия как метакогнитивные знания появляется позже, чем фактическая регуляция познания на поведенческом уровне (Brown, 1978).

В связи с этим сама собой напрашивается аналогия между рассмотренным метакогнитивным подходом и конструктивной моделью рефлексии как рациональной мыследеятельности в системно-проектном подходе Г.П. Щедровицкого и Н.Г. Алексева, а также интеллектуалистской трактовкой рефлексии как осознанности оснований мыслительных действий и теоретического мышления в системе развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова.

²В англоязычных статьях используется термин *metacognitive experience*, под которым подразумеваются метакогнитивные умения, процедурные знания, но поскольку этот опыт может частично осознаваться, его нельзя противопоставить декларативным знаниям. Поэтому мы переводим этот термин как «метакогнитивный опыт».

Как и представители метакогнитивного подхода, выделяющие метакогнитивное знание и метакогнитивный контроль (в основе которого лежит рефлексия когнитивных процессов), Н.Г. Алексеев выделял аналогичные компоненты в рефлексии (см.: Семенов, 2004). Так, согласно его проектно-деятельностной концепции (исходящей из содержательно-генетической логики А.А. Зиновьева, Б.А. Грушина, М.К. Мамардашвили и системодетельностной методологии Г.П. Щедровицкого, Н.Г. Алексеева, Э.Г. Юдина и др.), рефлексия — это знание и умение его применить (Алексеев, 2003). Представления Н.Г. Алексеева и понятие метакогнитивного контроля различаются тем, что первый включает знание в состав рефлексии.

В психолого-педагогической же концепции В.В. Давыдова рефлексия играет особую роль в формировании теоретического мышления. Теоретическое мышление требует не отдельных изолированных понятий, но системы понятий, складывающейся в результате осознания их взаимосвязей. Само же понятие определится как «особое мыслительное действие» (Давыдов, 2000, с. 307). Таким образом, именно «рефлексия, обращение сознания на свою собственную деятельность, порождает тот особый тип обобщения, который присутствует в научном понятии, в высших формах человеческого мышления» (Давыдов, 2000, с. 227). В развиваемом В.В. Давыдовым представлении о понятии (идущем от работ психологов Н. Аха, Л.С. Выготского, Л.С. Сахарова и философов Э.В. Ильенкова, А.С. Арсеньева, В.С. Библера, Б.М. Кедрова) знания и рефлексия тесно взаи-

мосвязаны. Рефлексия непосредственно участвует в формировании знания. С другой стороны, сформированное таким образом (теоретическое) знание несет в себе и способы действия с ним (преобразования, использования, контроля).

Такая трактовка рефлексии В.В. Давыдовым формально близка представлению о ней в метакогнитивном подходе. Однако, если в метакогнитивизме отсутствие четких критериев разделения метакогнитивного знания и ментального опыта является скорее недостатком, излишне усложняющим модель метакогнитивной концепции, то в концепции В.В. Давыдова обоснована необходимость рефлексии в теоретическом мышлении и исследуется сам механизм взаимосвязи рефлексии и теоретического мышления. В дальнейшем в научной школе В.В. Давыдова рефлексия стала трактоваться не только как механизм мышления (А.З. Зак, В.В. Рубцов), но и как новообразование школьного возраста (А.В. Захарова, М.Э. Боцманова), как важный фактор психического развития (Н.И. Гуткина, Н.И. Непомнящая, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман) в предметной среде (Г.И. Давыдова-Катрич). Таким образом, в теории В.В. Давыдова и в метакогнитивном подходе различен предмет рефлексии, хотя в обоих случаях она трактуется сугубо интеллектуалистски (см.: Семенов, 2000, 2007). В первой теории предметом рефлексии является содержание собственного мышления, тогда как метакогнитивный подход акцентирует отслеживание мыслительных операций без подчеркивания связи с содержанием мышления.

*Представления о психическом³
(theory of mind)*

Практически все приверженцы данного направления представлений о психическом утверждают, что этот подход возник как попытка опровержения известного постулата Ж. Пиаже (в конце жизни также обратившегося к изучению рефлексии: Piaget, 1977) об эгоцентричности мышления дошкольников (Flavell, 2000; Estes, 1998). Фактически же начало этому направлению положило введение методического критерия наличия у субъекта (не только ребенка и даже не только человека, поскольку речь шла об обезьянах) представлений о психическом. Произошло это в 1978 г. в комментариях трех разных авторов (J. Bennett, D.C. Dennett, G. Harman) на статью Д. Премак и Г. Вудраф, в которой было впервые предложено определение представлений о психическом.

Представления о психическом — это понимание того, что существуют психические состояния, отличные от внешних событий и действий (Astington, 1998). Конкретизируется это определение различными авторами по-разному. Некоторые из них трак-

туют представления о психическом как способность определять собственные психические состояния и состояния других (Premack, Woodruff, 1978), другие — как интуитивное понимание собственных и чужих психических состояний, таких, как мысли и мнения (Oxford dictionary of psychology, 2003), третьи — как метареферентивную способность, т. е. специфическую способность представлять ситуацию с разных точек зрения (Perner, 1991).

Предложенный методический принцип заключается в разведении фактической ситуации и представлений человека о ней. Так, например, испытуемому предъявляется ситуация, в которой действует некий субъект (сам испытуемый или другой человек), причем представление субъекта об этой ситуации ошибочно. После этого испытуемого просят спрогнозировать действия описанного субъекта в описанной ситуации (см.: Flavell, 2000, Nelson, 1998 и др.). Тогда способность, определяемая в таком эксперименте, получила название «понимание возможности ошибочного мнения».

Практически все представители рассматриваемого подхода разделяют

³В англоязычной литературе используется термин *theory of mind* — буквально «теория психического». Причем этими словами обозначаются как сами представления о психическом, так и рассматриваемое направление в психологии. В немногочисленной русскоязычной литературе по данному вопросу этот термин переводится как «модель психического» (Сергиенко, 2006). В рамках рассматриваемого подхода термин *theory of mind* является объектом непрестанной критики (Astington, 1998), и основной повод для нее — «встроенное» в термин предположение о том, что представления о психическом у ребенка имеют характер теории (вспомним в связи с этим, какое важное значение развитию именно теоретического мышления придавал В.В. Давыдов). На наш взгляд, термин «модель» предъявляет еще более строгие требования к изучаемым феноменам, и поэтому мы здесь будем использовать термин «представления о психическом» как альтернативный перевод термина *theory of mind*.

некоторые общие предположения, пришедшие из когнитивной психологии. Так, большинство исследователей представлений о психическом согласны с принципом гетерогенности, утверждающим относительную независимость развития когнитивных функций в разных областях познания. При этом считается, что представления о психическом — одна из основных и наиболее ранних областей, появляющихся в психическом развитии ребенка (Moses, Chandler, 1992).

Однако в рамках данного подхода существует ряд серьезных методологических проблем и противоречий. Отчетливее всего эти проблемы проявляются в дискуссии между двумя основными теориями представлений о психическом. Это так называемые «теория теории» и «теория симуляции». Согласно первой теории, представления о психическом — это жизненная, наивная теория, т. е. набор исходных предположений и правил действия с ними. При этом развитие представлений о психическом происходит в форме построения такой теории на основе жизненного опыта. Критерием сформированности представлений о психическом является признание возможности ошибочного мнения. Признание наличия представлений о психическом у ребенка возможно, только если он способен рассуждать о психических состояниях вербально, а поведенческих же проявлений понимания психического других людей недостаточно (см., например, работы Дж. Астингтон, А. Гопник и др.).

В теории симуляции представления о психическом рассматриваются как интуитивное понимание собст-

венных и чужих психических состояний, механизм которого — поставить себя на место другого. Сторонники этой теории признают поведенческие проявления такого понимания как свидетельство наличия у ребенка представлений о психическом и склонны считать признание возможности ошибочного мнения завышенным критерием наличия представлений о психическом (см., например, работы К. Нельсон, Д. Эстеса, П. Харриса и др.).

Для того чтобы разрешить противоречия между этими двумя теориями, долгое время пытались установить, что же появляется раньше — рефлексия (самоотчет о собственных психических состояниях) или представления о психическом других людей (Estes, 1998; Flavell, 2000; Nelson, 1998). Согласно теории симуляции, представления о психике других людей развиваются на основе опыта непосредственного переживания психических состояний. Тогда как теория теории утверждает, что даже собственный опыт таких переживаний опосредован жизненной теорией психического (Nelson, 1998) и, соответственно, отчет о собственных переживаниях невозможен до появления представлений о психическом.

В рамках этой дискуссии значительное развитие получили методы изучения рефлексии у маленьких детей: были разработаны особые задачи, позволяющие ребенку дать отчет о своих переживаниях (Estes, 1998), а также определены ситуации, позволяющие зафиксировать рефлексивные высказывания ребенка (Nelson, 1998). Однако этот путь не привел к исчерпывающему ответу, который

примирил бы обе стороны. Скорее, результатом дискуссии стала тенденция признавать взаимодействие этих двух механизмов в развитии представлений о психическом (Flavell, 2000; Moses, Chandler; 1992, Malle, 2005).

Другим значимым аспектом дискуссии между теорией теории и теорией симуляции является установление возраста, в котором первоначально появляются представления о психическом и, соответственно, определение критериев наличия этих представлений у ребенка. Среди основных общепризнанных фактов, свидетельствующих о сроках феноменологического появления представлений о психическом у дошкольников, можно назвать следующие.

Понимание возможности ошибочного мнения развивается не раньше, чем в 4 года, а чаще — лет в 5–6, но уже с 2–3 лет у ребенка появляются некоторые способности понимания другого человека, такие, как: игра с подражанием (Leslie, 1987), учет направления внимания «собеседника» (Flavell, Green, Flavell, 1995), понимание желаний и намерений других людей (Wellman, 2004) и др. Представители теории симуляции считают, что любые проявления понимания другого человека — понимание его желаний и намерений, учет направления внимания «собеседника» — уже являются первыми признаками формирования представлений о психическом. Теория теории утверждает, что начало формирования представлений о психическом следует вести от появления признания возможности ошибочного мнения.

В последнее время появился новый взгляд на перспективу разре-

шения указанных противоречий. Некоторые авторы утверждают, что необходим пересмотр исходных предположений. Так, анализ этих противоречий в работе Л. Мозеса и М. Чэндлера (Moses, Chandler, 1992) показал, что спорные вопросы касаются самых базовых для подхода моментов — определения представлений о психическом (особенно их характера), источников их развития, критериев их наличия и методов их изучения.

Прежде всего, под сомнение ставится «мгновенное» возникновение представлений о психическом, дающих ребенку возможность справиться с заданием на ошибочное мнение. Согласно этому взгляду, представления о психическом формируются постепенно и начинаются с понимания простейших психических состояний, таких, как желания и намерения (Wellman, 2004, Flavell, 2000). Но самое, на наш взгляд, существенное требование к конструктивной разработке современной теории представлений о психическом — это необходимость рассматривать развитие представлений о психическом в контексте общего когнитивного развития детей (Moses, Chandler, 1992).

В отечественной психологии тема понимания ребенком других людей занимала важное место — в работах Л.С. Выготского (исследования эгоцентрической речи, игры, различение смыслового и оптического полей), П.Я. Гальперина (генез умственных действий, понятий и отношений), Д.Б. Эльконина (психология игры), М.И. Лисиной (психологии общения) — причем как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне (Степанов, Бодрова,

Семенов, 1994). Правда, в отечественной психологии, в отличие от рассмотренного выше западного подхода, изучение этой проблемы на эмпирическом уровне не получило значительного развития. На теоретическом же уровне для отечественных концепций характерно рассмотрение указанной темы в контексте общего психического развития ребенка. Поэтому более детальное сопоставление отечественного (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин) и зарубежных подходов может стать источником их взаимного обогащения.

Проблема осознания (consciousness)

История изучения сознания богата фактами, датами, точками зрения, проблемами и открытиями, но мы остановимся только на самом последнем этапе этой истории — возникшем в конце 1980-х годов направлении изучения осознания (consciousness) различных психических процессов, получившем в современной зарубежной психологии название «когнитивное бессознательное» (Kihlstrom, 1987).

Начало этому подходу положила следующая проблема. Как известно, объем сознания ограничен (В. Вундт; Hassin, 2005). При этом в психологии имплицитно предполагается, что многие процессы — постановка и достижение целей, регуляция поведения, сложная обработка информации (в ранней когнитивной психологии) и т. д. — происходят осознанно. Однако не ясно: как же столь ограниченное сознание может справиться с такой непомерной нагрузкой?

Представители подхода когнитивного бессознательного предлагают решить эту проблему путем разделения понятий осознанности и контроля, контролируемости (Hassin, 2005). Дело в том, что термин «контролируемые процессы» имеет два значения. Согласно первому (функциональному) значению, это когнитивные процессы, выполняющие определенные функции, такие, как: планирование, переключение, торможение доминантного ответа и т. п. В самом этом понимании контролируемых процессов нет никаких оснований предполагать их осознанность (или неосознанность). Второе же значение предполагает противопоставление контролируемых процессов и автоматизмов. Поскольку автоматизмы характеризуются как неосознанные, непреднамеренные, не требующие усилий и следующие жесткому алгоритму, то контролируемые процессы (как противоположность автоматизмов) считаются осознанными, требующими усилий и прерываемыми.

Как показали исследования, проведенные в рамках подхода когнитивного бессознательного, существуют процессы, контролируемые в функциональном плане (например, постановка и достижение цели), но при этом *не соответствующие* второму определению контроля (см. далее), т. е. такие характеристики контролируемых процессов, как преднамеренность, целенаправленность, гибкость, затратность, являются скорее предметом выяснения, нежели критерием их выделения. Выяснения требует и вопрос о соотношении контролируемости и осознанности процесса.

Представителям данного подхода удалось продемонстрировать неосознаваемую (в определенных условиях) работу оперативной памяти (Hassin, 2005), целеполагания и организации деятельности по достижению цели⁴ (Дж. Бардж, Р. Хассин, М. Фергюсон и др.), неосознаваемость процесса оценивания (Х. Аарц) и использования стереотипов (Х. Аарц, Т. Чартранд).

Однако существует и третье понимание контролируемых процессов, основанное на «здравом смысле» и личном опыте. Контролируемыми нам кажутся те процессы, которыми мы можем произвольно управлять. Такая произвольность в научном отношении весьма проблематична (Wegner, 2005), но в рамках этой обзорно-аналитической статьи мы остановимся лишь на том, что ощущение произвольности субъективно и, как минимум, далеко не всегда верно. В связи с этим Д. Уэгнер предложил теорию, объясняющую «очевидную валидность» контролируемости многих процессов, т. е. анализируя вопрос — почему же процессы (скажем, целеполагания и достижения цели) кажутся людям контролируемыми и осознанными? Д. Уэгнер утверждает, что непосредственно *наблюдаемые* (в интроспекции) могут быть только желание, потребность и действия, направленные на достижение желаемого, тогда как сама причинная связь между ними всего лишь *предполагается*, а не наблюдается субъектом непосредственно. И это предположение вполне может оказаться ошибочным.

Согласно теории Д. Уэгнера, причинная связь между желаниями (намерениями) и действиями может быть (субъективно) установлена при выполнении следующих условий: желание, намерение должно предшествовать действию, а действие должно соответствовать изначальному намерению и, наконец, не должно быть другого, более очевидного или более правдоподобного источника активности, намеренности, т. е. не должно быть причин считать свои действия вынужденными, вызванными другим субъектом или событием. Исследуя эти рефлексивные феномены, Д. Уэгнер провел ряд остроумных экспериментов для проверки каждого из трех условий. В проведенных им экспериментах испытуемые явно ощущали контроль над процессами (в действительности инициированными другими людьми) или, наоборот, отсутствие контроля над действиями, которые они на деле сами же и производили (Wegner, 2005).

Таким образом представители подхода когнитивного бессознательного выдвинули довольно смелое предположение о диссоциации контролируемых и осознаваемых процессов, традиционно считавшихся в психологии едиными, а также о недоверности свойственного людям обыденного ощущения контроля. Причем в подтверждение этого им удалось получить даже некоторые феноменологически важные эмпирические данные.

В связи же с предположениями о когнитивном бессознательном,

⁴При этом цель определяется как представление о желаемом конечном результате и способе его достижения (Bargh et al., 2002).

естественно, возникают два вопроса. Во-первых, для чего нужно ощущение контроля, если оно не всегда верно? Во-вторых — и это главное — каковы же на самом деле функции сознания, если не непосредственное управление сложными когнитивными и личностными процессами? Ответы на оба возникших вопроса пока не найдены и требуют дальнейшего феноменологического анализа, а главное — теоретического и экспериментального изучения.

При этом предполагается, что ощущение контроля необходимо для поддержания единства личности (что, заметим, восходит еще к выдвинутому У. Джемсом предположению о важности функции рефлексии — см.: Джемс, 1911), а также для инициации новых действий и деятельности. Вторая часть этого предположения кажется нам проблематичной и поднимающей, в свою очередь, новый вопрос, в частности, о том, какую же роль играют осознанные желания в поведении человека. Если причинная связь между намерениями и производимыми действиями — всего лишь предположение (причем не всегда верное) и если действия человека подчинены причинности (опять-таки, не всегда совпадающей с очевидной для него детерминацией), то действительно ли тогда необходимы наши сознательные намерения? И более того — а как они соотносятся с автоматической, неосознаваемой, непреднамеренной регуляцией поведения? Нам неизвестны какие-либо работы представителей подхода когнитивного бессознательного, направленные на выяснение этого вопроса.

Наконец, остановимся на предполагаемых функциях сознания. Неко-

торые представители данного подхода предполагают, что осознанные процессы нужны для того, чтобы в дальнейшем избавить сознание от лишней работы. Иначе говоря, функция сознания состоит в конструировании новых сложных неосознаваемых процессов, позволяющих субъекту действовать без дополнительной нагрузки на столь ограниченное в объеме сознание (Bargh, 2005). Поскольку имеются и другие гипотезы о функции сознания, то здесь хотелось бы отметить, что представители подхода когнитивного бессознательного крайне осторожны в своих предположениях на этот счет, предпочитая пока оставлять этот вопрос открытым.

Важно отметить, что исследования, проведенные в рамках подхода когнитивного бессознательного, насколько нам известно, не имеют пока аналогов в отечественной психологии. На наш взгляд, можно выявить лишь отдаленную аналогию с работами А.В. Брушлинского по немгновенному инсайту (хотя именно осознанность не была основным предметом изучения в этих работах), а также с положением Л.С. Выготского о несовпадении функции и ее осознания.

Отталкиваясь от этого, попытаемся дополнительно обосновать, почему рассмотрение исследований подхода когнитивного бессознательного вошло в эту обзорно-аналитическую статью, с тем, чтобы показать, какова же связь данного подхода с психологией рефлексии. В самом деле очевидно, что понятие рефлексии шире простого осознания. Как бы ни определялась рефлексия, она предполагает некоторое обдумывание осознанного личного опыта

(опыта мышления, действия, поведения в мире и т. п.). Рефлексия может быть «ошибочной», когда субъект представляет себе какие-то свои действия или психические процессы не такими, каковы они были на самом деле, а об осознании можно говорить только лишь тогда, когда субъект узнает о своих действиях или психических процессах истинную правду. Поскольку же случаи «ошибочной» рефлексии осознанием не называются (Wegner, 2005), то поэтому функции рефлексии и осознания, возможно, отличаются друг от друга. Так, в случае осознания речь идет о функции достоверного знания о том, что происходит с самим собой, полученного путем непосредственного самонаблюдения, тогда как в случае рефлексии вопрос стоит скорее о функции наличия какого-либо (любого) представления об этом. Тем не менее осознание и рефлексия — как и их функции — очевидно взаимосвязаны. Принципиально, что осознание (или его отсутствие) представляет собой основу рефлексии. Функции их, скорее всего, имеют более сложную взаимосвязь, говорить о которой, на наш взгляд, пока рано, поскольку функции рефлексии и осознания сами по себе требуют еще значительного выяснения (об осознании) и уточнения (о рефлексии).

Обзор же и анализ исследований когнитивного бессознательного включен в данную статью о современных направлениях изучения рефлексии, поскольку, во-первых, эти исследования ставят ряд новых вопросов, касающихся в том числе и рефлексии (вопрос адекватности рефлексии самому рефлекслируемому процессу,

вопрос о функциях сознания и т. п.), а, во-вторых, в рамках этого подхода разработан ряд методических приемов, использование которых было бы конструктивным для отечественных психологов, изучающих рефлексии (приемы манипулирования неосознаваемыми процессами, диссоциации делаемого и осознаваемого и т. п.).

Перспективы взаимодействия отечественной и зарубежной психологии рефлексии

Проведенный анализ феноменологии рефлексивных процессов и направлений их исследования позволил выделить проблемные темы и дифференцировать предметные области современной психологии рефлексии: а) общие для отечественных и зарубежных исследований; б) схожие по теме, но значительно различающиеся в подходах к разработке этой тематики; в) наличествующие только в зарубежной или только в отечественной психологии рефлексии.

Очевидно, что область пересечения отечественной и зарубежной психологии рефлексии — это исследование эффективности рефлексии в теме склонности к самоанализу в работах А.В. Карпова, а также изучавшаяся П.Я. Гальпериным и другими тема контроля в педагогической психологии, связанная с рефлексией, но выходящая за рамки данной статьи, посвященной в основном общепсихологической проблематике рефлексии.

Схожими по тематике и различными по сути подходами нам представляются исследования рефлексии в мышлении и обучении, причем

здесь можно обнаружить несколько аналогий. Первую составляют исследования в рамках метакогнитивного подхода в западной психологии и теория развивающего обучения В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина в отечественной психологии. Другая аналогия — между тем же метакогнитивным подходом и проектно-деятельностной моделью рефлексии Н.Г. Алексеева (Алексеев, 2003).

Наконец, остановимся на уникальных вопросах и специальных исследованиях. Как было отмечено, для зарубежной психологии уникальны исследования представлений о психическом (в России аналогичные исследования проводились с полным сохранением методики и процедуры зарубежных экспериментов — см.: Сергиенко, 2006), поэтому выделять их в отдельный подход нам не представляется оправданным, а также проблема осознанности психических процессов (подход «новое бессознательное»). В отечественной психологии рефлексии также есть свои особенности. На наш взгляд, это прежде всего распространенность и разнообразие моделей рефлексии, многие из которых концептуально выделяют разные уровни рефлексии, а также эксплицируют ее функции и механизмы (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.В. Давыдов, Г.И. Давыдова, А.З. Зак, А.В. Карпов, В.Е. Лепский, В.А. Петровский, В.А. Лефевр, И.Н. Семенов, В.И. Слободчиков, С.Ю. Степанов, Г.П. Щедровицкий). Кроме того, характерный для отечественной психологии исходный акцент на теории (с ее онтологическим и методологическим обоснованием), а не на эмпирических исследованиях (исначально эксплицирующих феномено-

логию рефлексивных процессов), проявился и в психологии рефлексии. Это также стало ее уникальной чертой, выразившейся, в частности, в создании собственно рефлексивной психологии: в ее логико-психологическом варианте (В.А. Лефевр) или гуманитарно-психологическом варианте (И.Н. Семенов).

Дальнейшее теоретическое и экспериментальное сопоставление зарубежных и отечественных теорий рефлексии предполагает более детальный анализ и обобщение расширяющегося массива современной экспериментатики феноменологии рефлексии, что в перспективе может помочь по-новому подойти к некоторым старым, но до сих пор не решенным проблемам.

В контексте конструктивного взаимодействия отечественной и зарубежной современной психологии рефлексии новое развитие может получить центральная, на наш взгляд, проблема в данной области — проблема феноменологической экспликации и экспериментальной дифференциации многообразных функций рефлексии. В отечественной психологии существуют различные трактовки функций рефлексии (см. работы В.В. Давыдова, В.А. Лефевра, И.Н. Семенова), но наблюдается явный недостаток методов их эмпирической верификации, поэтому разработанные в зарубежной психологии экспериментальные методики «разделения» осознания, рефлексии и деятельности, могут стать основой эмпирической проверки предполагаемых функций рефлексии.

Исследования представлений о психическом открывают новую перспективу рассмотрения развития

рефлексии, особенно на ранних этапах онтогенеза психики человека. В частности, эти исследования ставят новый вопрос о роли социальных отношений в развитии рефлексии и о рефлексии ребенком этих самых отношений.

Наконец, сопоставление моделей интеллектуальной рефлексии, разработанных в метакогнитивном подходе и в концепциях теоретического мышления В.В. Давыдова, струк-

туры рефлексивности А.В. Карпова, рефлексии как важного этапа творческого решения Я.А. Пономарева и рефлексивной регуляции творческого мышления И.Н. Семенова может способствовать продвижению в исследовании роли рефлексии в формировании интеллекта и способностей, поскольку рефлексия, согласно концепции В.Д. Шадрикова, является важным компонентом ментального развития человека.

Литература

- Алексеев Н.Г.* Проектный подход к формированию рефлексивного мышления в образовании и управлении // Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении / Под ред. И.Н. Семенова, Т.Г. Болдиной. М.: ИРПТиГО МАГО, 2003.
- Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н.* Когнитивизм как общепсихологическая концепция познавательных процессов и научения // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 164–169.
- Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н.* Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4.
- Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М.: Педагогическое общество России, 2000.
- Дёрнер Д.* Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997.
- Джемс У.* Психология. СПб., 1911.
- Дьюи Д.* Психология и педагогика мышления. СПб., 1916.
- Кайдановская И.А.* Экспериментально-генетический анализ осознания в трудах Ж. Пиаже // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1984. № 3. С. 36–40.
- Карпов А.В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Том 24. № 5. С. 45–57.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология рефлексии. М.-Ярославль: Аверс Пресс, 2004.
- Лазарев Н.* Феноменология сознания. Сочи: НОЦ РАО, 2004.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н. и др.* Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. № 6. С. 158–159.
- Романова И.А.* Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 102–112.
- Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.

- Семенов И.Н. Вюрцбургская школа. Душа. Кюльпе Освальд // Большая советская энциклопедия. М.: СЭ, 1972–1973.
- Семенов И.Н. Проблемы психологии рефлексии в научном творчестве С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 67–74.
- Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.-Воронеж: МПСИ, 2000.
- Семенов И.Н. Концепция Н.Г. Алексеева на фоне развития рефлексивно-методологического подхода // Кентавр. Альманах. 2004. № 34. С. 35–38.
- Семенов И.Н. Роль творческой индивидуальности В.А. Лефевра в научном познании и становлении рефлексивной психологии // Рефлексивные процессы и управление. 2006. № 1. С. 44–49.
- Семенов И.Н. Развитие проблематики рефлексии и ее изучение на факультете психологии Высшей школы экономики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 3. С. 108–126.
- Семенов И.Н. Этимология рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. 2004. Т. 4. № 2. С. 72–77.
- Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Тулвисте Т. Происхождение рефлексии в мышлении: обзор исследований по детской и межкультурной психологии. Тарту: ТГУ, 1984.
- Халперн Д. Психология критического мышления. М.-Харьков-Минск: Питер, 2000.
- Хант Г. О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М.: Институт трансперсональной психологии, 2004.
- Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-пресс, 2007.
- Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2006.
- Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. М.: Три квадрата, 2005.
- Allen J.R., Bennett S., Kearns L. Psychological mindedness: A neglected developmental line in permissions to think // Transactional Analysis Journal. 2004. 34 (1). 3–9.
- Astington J.W. Theory of mind, Humpty Dumpty, and the icebox // Human Development. 1998. 41. 30–39.
- Bargh J.A., Chartrand T.L. Nonconscious motivations: their activation, operation, and consequences // A. Tesser, D.A. Stapel, J.V. Wood (eds.). Self and Motivation: Emerging psychological perspectives. American psychological association, Washington, DC, 2002. P. 13–41.
- Bargh J.A. Bypassing the will: toward demystifying the nonconscious control of social behavior // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). The New Unconscious. Oxford university press, New York, 2005. P. 37–60.
- Beitel M., Ferrer E., Cecero J.J. Psychological mindedness and awareness of self and others // Journal of Clinical Psychology. 2005. 61 (6). 739–750.
- Beitel M., Ferrer E., Cecero J.J. Psychological mindedness and cognitive style // Journal of Clinical Psychology. 2004. 60 (6). 567–582.
- Boroto D.R. The development of an expectancy measure of psychological mindedness // Dissertation-Abstracts-International. 1972. 33 (6-B). 2803–2804.
- Boylan M.B. Psychological mindedness as a predictor of treatment outcome with depressed adolescents // Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering. 2006. 67 (6-B). 3479.

- Brown A.L.* Knowing when, where, and how to remember: A problem of metacognition // R. Glaser (ed.). *Advances in instructional psychology*. 1978. 1.
- Conte H.R., Ratto R.* Self-report measures of psychological mindedness // W.E. Piper, M. McCallum (eds.). *Psychological mindedness: A contemporary understanding*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 105–131.
- Estes D.* Young children's awareness of their mental activity: The case of mental rotation // *Child Development*. 1998. 69. № 5. 1345–1360.
- Farber B.A.* Psychological mindedness in psychotherapists // V. Golden, W.E. Piper, M. McCallum (eds.). *Psychological mindedness: A contemporary understanding*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 211–235.
- Farber B.A.* Psychological-mindedness: Can there be too much of a good thing? // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 1989. 26 (2). 210–217.
- Fenigstein A.* Self-consciousness and its relation to psychological mindedness // W.E. Piper, M. McCallum (eds.). *Psychological mindedness: A contemporary understanding*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 105–131.
- Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive developmental inquiry // *American Psychologist*. 1979. 34. 906–911.
- Flavell J.H.* Development of children's knowledge about the mental world // *International Journal of Behavioral Development*. 2000. 24 (1). 15–23.
- Flavell J.H., Green F.L., Flavell E.R.* The development of children's knowledge about attentional focus // *Developmental Psychology*. 1995. 31. 706–712.
- Grant A.M.* Rethinking psychological mindedness: Metacognition, self-reflection, and insight // *Behaviour Change*. 2001. 18 (1). 8–17.
- Hall J.A.* Psychological-mindedness: A conceptual model // *American Journal of Psychotherapy*. 1992. 46 (1). 131–140.
- Hassin R.R.* Nonconscious control and implicit working memory // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). *The New Unconscious*. Oxford university press, New York, 2005. P. 196–224.
- Hua W., Beitel M., Schuman-Olivier Z., Barry D.* Psychometric properties of a Chinese version of the Psychological Mindedness Scale // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2007. 55 (1). 300–305.
- Huebner D.A.* Assessing psychological mindedness: The T.A.T. self-interpretation technique // *Dissertation-Abstracts-International*. 1988. 48 (11-B). 3416.
- Journal of Social and Biological Structures*. Academic Press, England. 1987. 10.
- Joyce A.S., McCallum M.* Assessing patient capacities for therapy: Psychological-mindedness and quality of object relations // D.P. Charman (ed.). *Core processes in brief psychodynamic psychotherapy: Advancing effective practice*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. P. 69–100.
- Kihlstrom J.F.* The cognitive unconscious // *Science*. 1987. 237. 1445–1452.
- Kolchakian M.R.* Therapist predictors of the ability to perform helping skills // *Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering*, 2004. 64 (11-B). 5788.
- Langer E.J.* Rethinking the role of thought in social interaction // J.H. Harvey, W.J. Ickes, R.F. Kidd (eds.). *New directions in attribution research*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1978. 2. 36–58.
- Leslie A.M.* Pretense and representation: The origins of «theory of mind» // *Psychological Review*. 1987. 94. 412–426.

- Malle B.F.* Folk theory of mind: conceptual foundations of human social cognition // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). *The New Unconscious*. Oxford university press, New York, 2005. P. 225–255.
- Moses L.J., Chandler M.J.* Traveler's guide to children's theories of mind // *Psychological Inquiry*. 1992. 3. 3. 286–301.
- Nelson K., Plesa D., Henseler S.* Children's theory of mind: an experiential interpretation // *Human Development*. 1998. 41. 7–29.
- Otani H., Widner R.L.* Metacognition: new issues and approaches (Guest editor's introduction) // *The journal of general psychology* / 2005. 132 (4). 329–334.
- Oxford dictionary of psychology / A.M. Colman (ed.). Oxford university press inc., New York, 2003.
- Perner J.* Understanding the representational mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Premack D., Woodruff G.* Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behavioral and Brain Sciences*. 1978. 1. 515–526.
- Shon D.A.* The reflective practitioner. N.Y.: Basic Books, 1983.
- Semionov I.N.* Creative role of reflection in the self-development of personality // Y.A. Ponomarev, P. Saarinen (eds.). *Proceedings of the First Finnish-Soviet Symposium on Creativity*. Helsinki, 1985. P. 23–30.
- Semyonov I.N.* Philosophy of Humanization of Education and Reflexiveness of dialog // *Reflexive Processes and Control*. 2001. 1.
- Veenman M.V.J., Van Hout-Wolters B.H.A.M., Afflerbach P.* Metacognition and learning: conceptual and methodological considerations // *Metacognition and Learning*. 2006. 1. 3–14.
- Wegner D.M.* Who is the controller of controlled processes? // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). *The New Unconscious*. Oxford university press, New York, 2005. P. 19–36.
- Wellman H.M., Liu D.* Scaling of theory-of-mind tasks // *Child Development*. 2004. 75. 2. 523–541.
- The Growth of Reflection in Children* / S.R. Yussen (ed.). Orlando, FL: Academic Press, 1985.
- <http://en.wikipedia.org/wiki/Reflection>
<http://en.wikipedia.org/wiki/Reflexive>

РЕФЛЕТЕХНОЛОГИИ МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Г.Ф. ПОХМЕЛКИНА, И.Н. СЕМЕНОВ

Похмелкина Галина Федоровна — директор Европейского центра консультирования (Москва), кандидат педагогических наук. Область научных интересов — рефлексивная психология, психотерапия и психоконсалтинг, а также их взаимодействие в научно-практическом обеспечении правового и экономического поведения личности.

Резюме

Бурное развитие современной практической психологии выражается в разработке новых подходов и реализующих их психотехнологий. Одним из них является медиация, возникшая в США и интенсивно развивающаяся в Европе в Австрии, Германии, Швейцарии. В статье анализируются представленные на немецком языке современные подходы, принципы и методы медиации, эффективность которых характеризуется с позиций рефлексивной психологии, а также обобщается опыт использования рефлетехнологий медиации в отечественной практической психологии в контексте ее взаимодействия со смежными науками о человеке.

Бурное развитие современной практической психологии обеспечивает оптимизацию человеческого капитала в экономике, экономического поведения менеджеров в управлении и шире — человеческого фактора во все усложняющихся социотехнических, информационно-компьютерных, социоэкономических и социокультурных системах. Эффективность такого полимодального психологического обеспечения экзи-

стенции человека и принятия им решений (Алексеев, Семенов и др., 1991; Деркач, Семенов, Степанов, 1998; Карпов, Пономарева, 2000; Семенов, Зарецкий, Сиротина, 1977; Степанов, Полищук, Семенов, 1996; Шадриков, 2000) в критических проблемно-конфликтных ситуациях (Андрияко, Семенов, Степанов и др., 1990) невозможна без конструктивного взаимодействия различных областей отечественной и зарубежной

практической психологии не только друг с другом, но и с прикладными направлениями таких смежных наук в сфере человекознания и обществоведения, как культурология, социология, экономика, право, политология, этнология, конфликтология и т. д. (Семенов, 1994; 2007; Семенов, Смирнов, Кордубан, 2001). Интересным примером такого междисциплинарного сотрудничества является возникновение психотехнологий медиации (от *лат.* «mediare» — посредничать) на стыке взаимодействия практической рефлексивной психологии, психотерапии с конфликтологией и юриспруденцией, в результате которого осваиваются новые сферы человеческих отношений в проблемно-конфликтных ситуациях ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых позитивных решений в различных сферах социальной практики и рефлексивного менеджмента: от менеджмента в экономике и управлении до семейного консультирования и психотерапии.

Создание рефлексивно-развивающих практик и рефлетехнологий разрешения конфликтов осуществлялось в последней трети XX в. параллельно: в отечественной рефлексивно-методологической игротехнике (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий) и рефлексивной психологии (Н.Б. Ковалева, Г.Ф. Похмелкина, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), в американской клиентоцентрированной психотерапии (К. Роджерс) и рефлексивно-практической психологии (Д.А. Шон и др.), в австро-немецкой практике индивидуального экзистенциал-анализа (А. Лэнгле), семейной терапии (К. Людевиг) и групповой медиации (Г. Мета,

К. Рюкерт, Дусс Ван Вердт и др.). Если игрорефлексика, рефлепрактика и экзистенциальная психотерапия уже изучались в отечественных аналитических обзорах (Давыдова, Семенов, 2006; Орлов, Лэнгле, Шумский, 2007; Семенов, 1989; Семенов, Спиро, Ковалева, 1995; и др.), то такая новая рефлепарадигма, как медиация, хотя и презентировалась у нас (Мета, Похмелкина, 2004, Похмелкина, 2006; Похмелкина, Кетова, 2003, 2004; Похмелкина, Семенов, 2008), но еще не рассматривалась дифференцированно и не характеризовалась системно с позиций родственных ей рефлексивной психологии, рефлексивной психотерапии и конфликтологии (Похмелкина, Семенов, 1993; Семенов, 1994; 2001; 2007; Семенов, Смирнов, Кордубан, 2001). Поскольку их связь с немецкой психологией мышления (К. Дорнер,) и экзистенциальной психотерапией (Mattchaus, 1988) уже анализировалась нами (Зарецкий; Семенов, 1990), то рассмотрим основные направления современных практико-ориентированных исследований рефлексивных процессов и рефлетехнологий их развития в современной зарубежной медиации на материале анализа австро-немецкой психологической литературы.

Медиация как инновационная рефлетехнология обращения с конфликтами и ее социокультурный статус

Медиация — это, по сути, комплекс рефлетехнологий конфликтных переговоров, где спорящие стороны с помощью независимого посредника-медиатора сами рефлексивуют

возникшие противоречия, вырабатывают решение, создают договоренности, разрешая конфликт. При этом медиатор рефлексировывает как позиции конфликтующих сторон, так и сам процесс своего посредничества.

Развитие медиативных процессов и приемов осуществлялось в истории общества по мере накопления практического медиативного опыта ведения различных переговоров. Однако медиация как специфическая область наукоемкой социопрактики сформировалась в современном мире в середине 1960-х годов в США. Как *массовое явление* разрешения конфликтов — это открытие XX в., ответ на вызов эпохи с ее усилившимися деструктивными тенденциями. Ее исторические корни — в античности и средневековье, в системах дипломатических переговоров, останавливающих международные конфликты, войны (Мета, 2004). Силами юристов, большей частью адвокатов, протестующих против невозможности разрешать конфликт в судах, движимых желанием защищать истинные интересы своих клиентов, медиация начинает играть большую роль в гражданских, административных и особых уголовных конфликтах.

С 1980-х годов медиация стала распространяться в Европе прежде всего в *семейных консультациях Австрии и Германии*. Достаточно быстро эта технология вошла в практику психологических служб и в правовую систему европейских стран. О скорости распространения медиации свидетельствует тот факт, что от первых семинаров в Австрии (начало 1980-х) до принятия Австрийского Федерального Закона о

медиации и об изменениях Гражданского кодекса (2003) в Австрии прошло всего около 20 лет. Менее чем за 20 лет движению медиаторов Австрии удалось обеспечить поддержку государства и общества в создании служб медиации.

«Европейская Комиссия» в апреле 2002 г. издает «Зеленую книгу», в которой опубликованы положения об альтернативных способах разрешения конфликтов в гражданском и торговом праве (КОМ 2002, 196). В октябре 2004 г. был закреплен ряд конкретных статей и положений о медиации в гражданском и торговом праве Европейских стран (КОМ 2004, 718). Так была создана законодательная база внесудебного разбирательства конфликтов в Европе.

«Европейская Комиссия» рекомендует странам-членам Европейского Союза продвигать медиацию как способ разрешения конфликтов, альтернативный судебному процессу. Во многих европейских странах медиация становится самостоятельной профессией. Законы о медиации и «Европейский Этический кодекс медиаторов» входят в обиход практиков, дают ориентиры профессионалам и обеспечивают уверенность клиентам в профессионализме предлагаемых услуг медиаторов.

В Англии и Франции, в Скандинавских странах и странах Бенилюкса, в Австрии, Германии и Швейцарии медиация — признанная законом и обществом профессиональная деятельность. В некоторых европейских странах она только начинает свое развитие. Получившие образование медиаторы появились уже во всех странах, в том числе и России. Однако пока наибольшее распространение

медиация получила в немецкоговорящих странах: в Австрии, Германии и Швейцарии.

В Австрии первые службы медиации, семинары медиаторов и программы образования в медиации укоренились сначала в сообществах семейных консультантов и психотерапевтов. Интерес к медиации со стороны социальных служб по делам семьи и молодежи возник ввиду необходимости решать нерегулируемые законами споры, связанные с быстрыми изменениями института современной семьи.

Медиация присоединяется к традиционным в современной культуре и обществе стратегиям разрешения споров, обогащая их специфическими методами и техниками, позволяющими довести переговоры до разрешения конфликта и его завершения в форме подписанных договоренностей. Медиация завоевала признание, благодаря следующим ее особенностям: специальному подходу к конфликту, где защищаются интересы каждого; признанию приоритетности, ответственности и самоопределения каждого участника процесса; фокусировке на ресурсах, правах и обязанностях субъектов; ориентировке на нахождение согласия; признанию изменчивости договоренностей в повседневной жизни; адаптивной гибкости в выработке решений, которые реализуются, поскольку они соответствуют условиям и интересам всех участников конфликта.

Рефлексивные, по сути, технологии медиации используются во многих областях (деловой, личной, общественной), применяются в бизнесе, семейных ситуациях, в уголовных

внесудебных примирительных процедурах, в гражданско-правовых спорах, при планировании общественных изменений, в школе и других учреждениях образования, в разрешении споров соседей и во многих других сферах частной и общественной жизни.

Активное использование семейными консультантами медиации в Австрии повлияло на развитие рефлетехнологий, в результате чего произошло существенное преобразование техник работы медиатора. Изменился также подход к профессиональной подготовке медиаторов, что было закреплено «Законом о медиации», принятым в 2003 г. Подготовка медиаторов основывается на рефлексивно-психологических принципах: «Тренировка в действии», «Супервизия (рефлексивное сопровождение) практики» и «Самопознание как кристаллообразующий (системообразующий) компонент освоения метода работы». Обучение длится минимум два года. Все семинары ориентируются на следующие цели обучения: выработка нейтральной позиции и развитие профессиональной идентичности медиатора. Это осуществляется в рефлетренингах путем постоянного практического применения по отношению к обучаемым техник общения, используемых в профессиональных интервенциях медиатора, организации тренировок этих техник. На семинаре, посвященном неординарному мышлению, открываются и опробуются новые и необычные точки зрения на конфликты и жизненные ситуации (Рюкерт, 2004, с. 313–315).

При этом большое внимание уделяется активному участию практи-

ческих психологов, психотерапевтов, социальных работников в медиациях, в работе по созданию реальных медиаций. Медиация — это прежде всего внутренняя позиция и хорошо развитые рефлексивные умения, а также способность балансировать между многими тенденциями, желаниями, потребностями и эмоциями людей. Медиатор имеет дело со страхом поражения и опасениями невыгодных решений, которые не позволяют партнерам по конфликту выслушивать друг друга и обдумывать договоренности. Медиаторы оберегают процесс обсуждения, моделируют его так, чтобы сохранялась способность к диалогу и уважение каждого к каждому. Медиаторы так направляют процесс переговоров, чтобы снова и снова воссоздавалось пространство надежды и перспектива достижения решения, устраивающего каждого; а также чтобы можно было свободно обмениваться идеями в выработке win-win-решений.

Создавая в отечественной прикладной психологии и психотерапии практику применения медиации и профессиональной подготовки медиаторов (которую осуществляет «Московская служба конфликт-менеджмента и медиации» «Центра европейского психотерапевтического образования» — <http://www.conflict-mediation.ru>), мы организуем и проводим (Кетова, Похмелкина, 2004; Похмелкина, 2006) специальную систему занятий, методология и методика которых разработана нашими партнерами из Австрии (ARGE Bildungsmanagement, Вена), значимую часть этих занятий составляет система семинаров доктора

Герды Мета в Москве, проводимых нами с учетом достижений рефлексивной психологии и рефлексивной психотерапии.

Рефлексивные способности и умения, обеспечивающие рефлетехнологии медиации

Наш теоретический и методический интерес лежит в плоскости исследования рефлексивно-психологических механизмов разрешения конфликта в медиации, конкретнее — в плане обеспечения ее технологий процедурами, поддерживающими экзистенциально-коммуникативную рефлексивность и активизирующими рефлексивные способности спорящих сторон в современных общественно-экономических условиях, регулируемых социальными и правовыми нормами.

На европейскую модель проведения медиации большое влияние оказали достижения школ современной психотерапии. Практика и объясняющие ее теории европейских методов психотерапии насыщены множеством техник, которые применимы в медиации, как в открытой к творчеству системе помощи. Так, системный подход в консультировании и психотерапии (Ludewig, 1992; Schlippe, Schweitzer, 1996) обогащает медиацию разработанными типологией и видами вопросов, в том числе рефлексивных вопросов. Циркулярный опрос, «конструктивные вопросы», «рефлексирующая команда», рефлексивные вопросы на разных этапах терапии с разнообразием задач (Людевиц, 2004, с. 168–172) — все это составляет методический арсенал системного подхода, используемый

медиаторами. Кроме того, системная терапия разработала новый по отношению ко всем другим методам психотерапии этический подход к опросу и его техникам, который применим к медиации. Согласно этому рефлексивному подходу, вводится ограничение на вопросы и подчеркивается, что опрос не всегда бывает безвреден, он может быть в высшей степени разоблачительным, даже «непристойным», поскольку он вынуждает человека эксплицировать латентные, индивидуальные аспекты своей внутренней жизни. Тем не менее терапия и медиация не могут отказаться от расспрашивания. Вопросы дают единственный доступ к проблемной ситуации и к ресурсам клиентов. В связи с этим сформулирована рекомендация: при задавании вопросов необходимо учитывать контекст и ограничиваться областью, которую клиент совместно с психотерапевтом или медиатором рефлексивно определили в запросе.

Этические основы экзистенциального анализа и логотерапии (Лэнгле, 2001), дают принципиально новый подход к коммуникации, способам слушания и опроса — «феноменологическое слушание». Этот способ позволяет использовать в медиации контекст общения с целью углубления рефлексии на уровень ценностных и смысловых образований внутреннего космоса человека. Это становится эффективным на различных фазах медиации, особенно на второй и третьей (см. ниже)

Методический арсенал метода психодрамы позволяет создавать новые методики проведения медиации (Вагцке, 2004, с. 245–259). Так, например, понятие «встреча»,

представление о характеристиках общения и разработанность техник создания разного типа общения позволяют дифференцировать отношения и коммуникацию. Они различаются в своем многообразии по шкале от полюса «формального холодного» до полюса «встреча». «Встреча» подразумевает полное духовное единение при различении самости субъектов, что дает новое измерение для методических инноваций при проведении медиации (Schacht, 2003; Schulze, 1997). Один из этапов психодраматической сессии — шеринг (sharing) — представляет систему заданий и вопросов, связанных с рефлексией всего того, что произошло в предыдущих фазах психодрамы. С помощью специальных вопросов оформляется процесс рефлексии с определенными этапами, цель которого — интеграция бессознательных, вытесненных структур сознания, обнаружению которых были посвящены предыдущие шаги групповой или индивидуальной (монодрама) работы психотерапевта-медиатора.

Освоение концептуальной модели и рефлетехнологий медиации, а также организация профессионального образования медиаторов потребовали их адаптации к конкретным социально-экономическим условиям России с учетом сложившейся в ней культуры обращения с конфликтами, а также правовой культуры. Базовыми идеями и средствами обеспечения такой адаптации стали методология, теория и практика рефлексивно-творческих процессов в отечественной психологии и философии. Особый интерес с этой точки зрения представляют: концепция

рефлексивной психологии и акмеологии творчества (И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), модели рефлексивно-творческой регуляции интеллектуально-коммуникационных систем, (И.С. Ладенко, И.Н. Семенов), рефлексивно-позиционный подход к совместному решению творческих задач (Н.Г. Алексеев, Н.Б. Ковалева, И.Н. Семенов), рефлексивно-творческий подход к профессионально-личностному развитию в непрерывном профессиональном образовании (Г.Ф. Похмелкина, Ю.А. Репецкий, И.Н. Семенов), концепция системы развивающих и развивающихся отношений (Похмелкина, 1994, 1996; Похмелкина, Семенов, 1993), рефлексивно-диалогический подход к экзистенциальной психотерапии (Г.И. Давыдова, И.Н. Семенов, С.А. Смирнов). Рассмотрим с этих концептуально-методических позиций рефлексивной психологии, акмеологии и психотерапии технологии медиации и опыт их использования в современной практической психологии.

Технологии медиации восходят к известной «гарвардской модели переговоров», разработанной в США. В современной американской практической психологии существует много модификаций этой модели, но структура этапов (их шесть, в некоторых моделях объединены пятый и шестой этап) сохраняется во всех вариантах.

Процесс медиации осуществляется в течение нескольких заседаний (сессий, встреч), на которые уходит несколько дней. Время (дни, недели) между заседаниями также служат задачам медиации в качестве рефлексивно-экзистенциальных пауз.

На 1-м этапе «собираются истории» («нарративы» — Anderson, Goolishian, 1990; Людевиг, 2004), фиксируются и рефлексивуются различные представления сторон о ситуации.

На 2-м этапе собираются «конфликтные темы», которые рефлексивуются, структурируются, ранжируются.

На 3-м этапе обнаруживаются потребности спорящих, и, в частности, те из них, которые *объединяют* спорящие стороны для разрешения конфликта; при этом поиск таких потребностей осуществляется рефлексивно — путем «перевода претензий» (декларируемых предметов спора) в плоскость истинных потребностей участников.

На 4-м этапе вырабатывается и рефлексивуются множество вариантов решений по всем «конфликтным темам», а также находятся такие формулировки этих решений, которые устраивают «партнеров по конфликту».

На 5-м этапе достигается, рефлексивуются и оформляется (буквально пишется) «соглашение», в которое включаются согласованные сторонами формулировки, фиксируются темы и вопросы, не получившие пока своего разрешения.

На 6-м этапе проводится рефлексивно экспертиза «соглашения» с помощью сторонних (не присутствующих на медиациях) лиц, причастных или не причастных к конфликту — членов семьи, родственников, сотрудников управления и организации (если спор — внутри организации), юристов, работников социальных служб, педагогов и мн. др., а также подписание «соглашения» со

специальными ритуалами завершения конфликта.

Эта стратегия разрешения конфликта требует профессионально-технологической оснащенности медиатора компетенциями в рефлексивно-акмеологическом, экзистенциально-психотерапевтическом, психолого-практическом и социально-правовом планах. Одной из важных составляющих является компетентность в проведении рефлексивных процедур, понимание сущности и особенностей рефлексивных процессов.

С точки зрения «рефлексивного психолога», поэтапная стратегия разрешения конфликта включает следующие фазы.

На 1-м этапе рефлексивные способности медиатора позволяют «удерживать» аффективно заряженную конфликтную динамику, противодействовать эскалации конфликта, переводить обсуждение в предметный план. На этом этапе медиатор восполняет заблокированную аффектами рефлексивную способность участников медиации. Присутствие третьей стороны, непривычные способы обращения со сформированными стереотипами конфликтного поведения участников медиации вызывают сильные аффекты, которые блокируют рефлексивные возможности присутствующих.

На 2-м этапе медиатор (оставаясь «нейтральной», непредвзятой стороной в положении «между спорящими») мобилизует процедурами рефлексивные процессы сторон, помогая найти и сформулировать темы, «горячие» для спорящих. Помимо учета аффекта, блокирующего рефлексивность партнеров по конфликту, необходи-

мо учитывать эффект «виртуала» (Носов, 2003), т. е. общение участника конфликта не с реальной личностью, а со сформированным стереотипным образом, рожденным в одной из коротких ситуаций, жизненных коллизий и продолжающим существовать в комплексе представлений о партнере. Проблема соотношения мощи рефлексии (как способности блокирования виртуала) и мощи виртуала (как способности блокирования рефлексии) в технологии медиации выходит на уровень рефлетехнологической оснащенности медиатора и обеспеченности его личностной устойчивостью. Постоянный процесс поддержки рефлексивной функции в системе переговоров — это с технической и с методологической точки зрения зерно технологии медиации в ее рефлексивно-технологическом воплощении.

На 3-м этапе в той же «нейтральной» позиции медиатор способствует рефлексии глубинных психических структур каждого участника, которые мы обозначаем понятием «потребности». Особенностью таких потребностей является то, что именно их «неосознанность» или «вытесненность» часто приводит к пожару конфликта, особенно в семье. Этот этап — кульминация, и только при условии успешного его проведения возможен следующий. «Нейтральная позиция» медиатора — это также ряд умений специалиста, которые можно описать, как умения поддерживать и восстанавливать во внутреннем плане метапозицию — конфронтацию с собственными чувствами, отношениями, убеждениями (Похмелкина, 1996, 2007). Нейтральность, «внепартийность» — это невовлеченность

в интересы сторон, поддержка во внутреннем плане отношения «Ты — прав, и ты — прав», а также уважения к каждой из этих позиций, причем несмотря на случающиеся в медиации моменты дискредитации и самодискредитации участников. При этом удерживание медиатора в нейтральной позиции требует искусства обращения со своими чувствами и отношениями, хорошей тренированности.

На 4-м этапе при успешной реализации рефлексивных задач третьего этапа наступает перелом: участники постепенно приходят в состояние, выражающее отношение к «партнеру по конфликту»: «Могу слушать и слышать вторую сторону». Прохождение отношений от «С ним, врагом, невозможно ничего обсуждать» 1-го этапа через «Кое-где слышу, но он/она — не прав/а!» 2-го этапа и «Надо же! Я же так же думал/а!» 3-го этапа к «Могу слышать...» а затем и «Надо найти решение, чтобы дальше мирно жить. Неважно с ним/ней или без него/нее» 4-го этапа. Этот 4-й этап представляет собой рефлексивно-творческую фазу работы в процессе медиации. На этом этапе медиации предполагается, что уже восстановлена способность к коммуникациям, произошла разрядка напряжения, найдено общее поле ценностей и потребностей.

На 5-м этапе уже имеет место реальное творчество, похожее на работу в технике «Мозгового штурма», где поддержка рефлексивных механизмов осуществляется лишь в направлении «Не забыть главное».

На 6-м этапе в работе медиатора нет необходимости управлять рефлексивными процессами, поскольку акт «подписания договора» прово-

дится как событие, фиксирующее новый этап — «завершение войны» между конфликтующими сторонами.

Мета-позиция (рефлексивная позиция) медиатора. Медиатор в проведении конфликтных переговоров восстанавливает коммуникацию и возвращает (восстанавливает) участникам способность к рефлексии. Это требует особой психолого-педагогической оснащенности медиатора, убежденного в том, что: об отношениях рассказывают, а не только их проживают; о конфликте можно рассказывать, используя лишь предметный уровень, т. е. описывая лишь то, что можно увидеть, услышать; необходимо прояснять скрытые интересы и знакомить с ними партнера по конфликту; не замалчивать конфликты, а с ними жить, их выдерживать — это не просто важное, а единственно возможное для совместной жизни и работы условие существования; что есть много способов таким образом выходить из конфликтов, чтобы снова вместе жить или работать (что означает использование конфликтной энергии для развития ситуации); что не должно избегать, увильничать от конфликта, давая пищу для торжества «виртуала» — картины врага; что важно понимать инородность Другого и его потребностей. Все перечисленное мы рефлексивно называем внутренней либерализацией медиатора, что способствует развитию автономии и свободы, толерантности к Другому, способности воспринимать и принимать Другое.

Главный принцип рефлетехнологий медиации — это принцип **салютогенеза**: найти «здоровые зоны» в

системе больных отношений, затем сделать конкретные шаги по укреплению этих здоровых зон, чтобы, опираясь на них, перейти в область разрешения проблем. Принцип салютогенеза, активно развиваемый с конца 1990-х, становится одним из ведущих в деятельности «помогающих» профессий — врачей, психотерапевтов, консультантов.

Принцип салютогенеза возник в лонгитюдных исследованиях развития (Rutter, 1993), психологии и патологии развития (Levis, Miller, 1990), эмпирических исследований новорожденных (Petzold, 1995), из исследований салютогенеза и здоровья в угрожающих жизни ситуациях (Antonovsky; Haisch, 1996). Рядом с факторами риска и осложнений в критических для жизни ситуациях эти угрожающие жизни процессы сопровождают так называемые «салютогенные» защитные факторы, поддерживающие способности к сопротивлению (*resilience*) — т. е. обеспечивающие *измерение салютогенеза*. В рамках интегративной психотерапии этот принцип был развит до теории салютогенеза, используемой в практике психолого-психотерапевтической помощи, которая в последнее десятилетие используется многими практиками и теоретиками социальных технологий (*Wörterbuch der Psychotherapie*, s. 536).

Принцип салютогенеза может быть конкретизирован в следующих особенностях рефлексивных действий в медиации:

– вместо трудностей и проблем целесообразно направлять усилия на поиск ресурсов и здоровых зон, на выявление оздоравливающих возможностей и структур;

– отказ от поиска «больших» решений, откладывание во времени важных ответов, так как важные вопросы подождут, ибо такой подход, по меньшей мере, служит профилактикой саморазрушения (разочарования, вины за ошибки, взрывов и конфликтов) и тренингом всех механизмов и инструментов, служащих позитивным изменениям;

– фокус внимания направлен на зоны, где есть или может быть коммуникация и совместное бытие, где есть или могут быть точки соприкосновения, где еще существует основа совместных ценностей и привычек, убеждений и иллюзий, желаний и надежд.

Практически эти задачи решаются в конкретных, еле различимых действиях медиатора, которые можно рефлексивно описать так: «всмотреться, установить контакт, общаться со здоровой зоной» человека.

С точки же зрения понимания процессов восстановления отношений в медиации, все это составляет поиск такого качества совместной работы, жизни, взаимодействия, когда существуют ориентировка на принятие, выдерживание, выстаивание. Тем самым это означает отказ от одностороннего/монопольного предписывания; способность «сохранять экологическую чистоту отношений» (т. е. предотвращать собирание «конфликтного мусора» — обид, несправедливости); отказ от поиска виноватых, механизмов образования проблем и несправедливости, а главное — активизацию усилий на рефлексивное всматривание в ресурс и потенциал, т. е. обнаружение возможностей для объединения, «совместности».

В рефлетехнологиях работы медиатора названный принцип реали-

зуется в следующих характеристиках интервенций: «ориентированность в будущее», «предметность, конкретность», «позитивность высказывания». Медиатор уточняющими вопросами, репликами, вопросами-переспросами, вопросами на понимание, репликами — обратной связью — осуществляет следующее:

- склоняет каждого участника не заниматься воспоминаниями о прошлых событиях и отношениях, а во внутреннем и речевом плане «выстраивать» будущее;

- направляет на выработку решений, которые конкретизируются в действиях, конкретных во времени, пространстве и точном содержании;

- ориентирует реплики участников так, чтобы негативное оценочное высказывание по отношению к партнеру, его действиям, ситуации, условиям было переформулировано как позитивное, желаемое, направленное в будущее.

Особые рефлексивные требования к медиатору предъявляет *необходимость регулировать коммуникацию*. Трудности коммуникации на первых трех этапах медиации обязывают вводить жестко регламентирующие правила. Процесс «нормотворчества» (как одна из разновидностей рефлексивно-творческого процесса медиации) диалектически развивается, двигаясь в противоречии «изменяющегося» и «зафиксированного», предметного и рефлексивного, обеспечивая изменение отношений, нормирование достижений в коммуникации.

Эта тонкая и ситуативно-импровизационная рефлексивно-поддерживающая и творческая работа медиатора является сущностью, кото-

рая требует большой и интенсивной тренировки посредника в конфликте в процессе подготовки профессионального медиатора. Это тренировка лингвистической чувствительности и утонченности, скорости обнаружения смыслов чужого высказывания и выстраивания «позитивных» и «направленных в будущее» интенций, которые способны совпасть со смыслами и содержанием высказываний партнеров по конфликту.

Рассмотренные модели и реализующие их рефлетехнологии медиации, разумеется, востребованы и в современном российском обществе в процессе его реформирования и модернизации социально-экономических отношений.

Перспективы и проблемы развития медиации в отечественной практической психологии

Анализируя опыт проведения медиаций (Кетова, Похмелкина, 2004; Похмелкина, 2006; Похмелкина, Кетова, 2003) и практики профессионального образования медиаторов в Москве (2001–2008), можно выделить следующие особенности развития медиации в России.

Интерес к медиации со стороны психологов, конфликтологов, психотерапевтов, педагогов и юристов имеет волнообразную траекторию. Так, пики краткосрочной моды сменяются разочарованием. Затем возникает новая волна интереса и опять наступает повтор апатичного спада интереса. Это наблюдалось в трех профессиональных группах: психологов-психотерапевтов, юристов-адвокатов, предпринимателей-управленцев.

Необходимо подчеркнуть, что все без исключения высоко оценивают *необходимость* внедрения медиации в отечественную социальную практику и ее психологическое обеспечение. Но после кратковременных попыток использования в практике психологической или юридической помощи возникает убеждение в несвоевременности, в том, что ни люди, ни условия не готовы пока к использованию медиации в повседневной практике преодоления конфликтов в России.

В каком же направлении пойдет развитие медиации в России? В «американском», где медиация существует как альтернатива официальному суду? Или в «европейском», где медиация означает развитие культуры обращения с конфликтом? Нам представляется, что Россия нуждается в медиации как инструменте внутренней демократизации и либерализации, т. е. в рефлексивно-психологическом обеспечении развития автономии и свободы, толерантности к Другому, способности воспринимать Другое и принимать его.

При анализе **предпосылок** развития медиации в России необходимо учитывать следующее фактическое состояние дел:

1) медиация — редкое, экзотичное явление, именно поэтому оно очень привлекательно;

2) традиционно с давних времен в России существовало много средств саморегуляции при разрешении конфликтов. Например, сословные офицерские, крестьянские и купеческие суды, где конфликты разрешались близкими к медиации способами; мировая сделка, мировое соглашение как результат подобного процесса

был во многом прообразом российской судебной системы;

3) сегодняшняя кризисная судебная система побуждает к развитию медиации как средству саморегуляции, тем более что для россиян разработка социальных механизмов разрешения конфликтов была более привычной, нежели обращение к суду — и это служит благоприятной предпосылкой для развития медиации у нас.

В правовой и судебной системах России существуют специальные статьи в гражданском, гражданско-процессуальном, в уголовно-процессуальном и судебном законодательстве, которые отводят примирительным процедурам специальное место. Перспективой развития могли бы быть: 1) разработка процедур и статей в законе, признающих медиаторское соглашение, а также роль и позицию медиации и медиатора относительно судебных процессов в законе о медиации; 2) создание сообщества профессиональных медиаторов, определивших для себя официальное положение, правила признания и исключения, стандарты профессионального образования.

Важно отметить, что ныне в Российском парламенте обсуждается проект закона о медиации. Идут дискуссии о роли и значении медиации, о «местах приписки» медиации. Эти дискуссии чрезвычайно плодотворны для дальнейшего развития медиации и для правовой системы в целом. Медиация получает признание, начиная существовать в российской культуре.

Однако нельзя не увидеть и двойственное значение некоторых пре-

пятствий. Одну из трудностей создает кризис судебной системы, когда официальный суд с его ответвлениями иногда способствуют коррупции. С одной стороны, это кажется хорошей предпосылкой для появления средств саморегуляции, медиации среди них; а с другой — атмосфера страха мешает нормальному развитию здоровых тенденций. И в то же время люди пытаются в своей частной жизни прийти к стабильности. И поднимаются защитные механизмы, что подталкивает развитие медиации.

Развитию медиации сопутствуют следующие культурно-психологические особенности, которые оказывают ее внедрению сопротивление:

– тяга к борьбе и победе дает иную энергию, требует иных талантов, нежели переговоры; это противоречит стремлениям к нормальным здоровым мирным отношениям;

– очень сложно и трудно обнаружить и артикулировать конфликт: конфликты социально нежелательны; обнаруживается сопротивление к слову «конфликт», к восприятию субъектом самого себя конфликтующей стороной, что в принципе нормально;

– чувствовать собственные интересы, понимать их и отстаивать в присутствии партнера по конфликту, воспринимаемого «врагом», непривычно, это требует тренированности рефлексивной функции;

– признание важности отдельного человека, его жизни и его убеждений, отказ от духа коллективизма, его идеалов — особенно трудно для русско-советского коллективистского менталитета;

– прозрачность и близость в отношениях — это непривычный способ поддержки отношений;

– требуются развитые рефлексивные умения — создать во внутреннем плане дистанцию по отношению к общепринятым привычкам, социально желаемому поведению, что практически отсутствует в культуре;

– укорененность таких иллюзий, как «Чтобы выжить рядом с таким мужем/женой/начальником/подчиненными, требуется играть в хитрые игры», «На свободном рынке требуется скрывать собственные слабости, собственную идентичность; важно не быть прозрачным».

Конфликты на всех уровнях восприятия человеком (эмоционально, рационально, осознанно-неосознанно) нежелательны; привлекательны вызов, борьба, ведущие в успеху. Конфликты — это нечто негативное, что люди вообще не хотят признавать. Конфликт нарушает гармонию, означает и вызывает сопротивление, проблему, трудность. Страх перед конфронтацией и малые шансы победить — это доминирующая ассоциация к слову «конфликт». Однако, если мы себя видим на стороне победителя, это *перестает быть для нас конфликтом*. Желание использовать медиацию означает, что названные негативные побочные продукты будут рефлексивно проработаны, это предполагает инвестиции энергии и внимания. А на другом полюсе — страхи поражения, убытков, потери достоинства, невозможности выразить себя, необходимости уступить. Вызов, борьба в большей степени желательны; у них позитивные энергетизирующие сопровождающие чувства, особенно если борьба успешна

или если результаты дают выигрыш победителю.

Направить внимание на конфликт означает, что есть что-то, что мы не можем охватить; то, что мешает; чему пока мы не знаем выхода. Трудно признаться, что выход из конфликта невозможно найти в одиночку. Трудно представить, что надо искать выход с жестким оппонентом, с тем, кто уже представлен во внутреннем плане «врагом».

Опорой медиатора в преодолении сопротивления медиации становится потребность в мирной жизни, в спокойствии и хороших отношениях, т. е. потребность в равновесии системы:

1) качество жизни — это здоровые отношения. Здоровые отношения важны в этом значении. Понятно, что человек, люди не могут принять эту позицию автоматически, как не могут отказаться от курения, пьянства, малой подвижности, которые отягощают повседневность;

2) нормативное сознание, прокладывание ясных границ дозволенного. Человек чувствует себя лучше, если он хорошо понимает «правила игры». Конфликт приносит хаос в чувства и в жизнь. Медиация соответствует желанию «преодоления хаоса»;

3) скепсис по отношению к медиации очень важен. В реальной практике медиации первые шаги к доверию выражаются в скепсисе, преодоление которого необходимо, чтобы медиация была осознанно и свободно принята. Принцип «добровольности» участия держится на свободе принятия медиации, ее правил. Он формируется на сопротивлении, на преодолении скепсиса.

Сомнение в том, что медиация может закрепиться в России, может

быть поддержано идеями, высказанными В.А. Лефевром. В частности, это выдвинутая им идея двух этических систем. В.А. Лефевр показывает, что приоритеты «победителя», «борцовской психологии», «психологии победителя» свойственны русской и усилены советской культурой. Согласно В.А. Лефевру, первая этическая система: *Человек поднимается в собственных глазах, когда он идет на жертвенный компромисс*. Вторая этическая система: *Человек поднимается в собственных глазах, когда он идет на жертвенную конфронтацию* (Лефевр, 2002а, 2002б).

В связи с этим В.А. Лефевр отмечает: «В начале 1980-х годов было показано, что могут существовать культуры двух типов. В культурах первого типа достоинство людей возрастает, когда они устанавливают отношения компромисса друг с другом, а в культурах второго типа — когда они бескомпромиссны друг к другу. В силу таких особенностей в культурах первого типа легко возникает процедура саморазрешения конфликтов, в то время как в культурах второго типа сама по себе такая процедура не появляется... Представим себе широкую дорогу, по которой идут машины. Естественно считать, что каждый водитель стремится побыстрее достичь пункта, в который он направляется. Также естественно предположить, что, двигаясь, водители мешают друг другу и поэтому вступают в постоянные конфликты. Представим себе теперь, что есть две дороги. Водители на первой дороге поднимаются в собственных глазах и в глазах других водителей, если уступают друг другу. А водители машин на второй дороге теряют свое лицо,

когда уступают. Ясно, что скорость движения на первой дороге будет выше, чем на второй. Попытки большого числа водителей сохранить свое индивидуальное достоинство <за счет подавления достоинства других водителей> оказывают существенное влияние на весь макропроцесс. Они порождают турбулентность в потоке машин, которая и вызывает замедление» (Лефевр, 2002а).

Используя эту метафору в изучении явления рефлексивного управления применительно к экономике, рыночному развитию, В.А. Лефевр показывает, «что такой, казалось бы, далекий от схем традиционной экономики фактор, как стремление сохранить достоинство, может приводить к серьезным макроэффектам. На первый взгляд, кажется, что решить проблему достаточно просто: нужно увеличить число полицейских и строго наказывать водителей, вступающих в конфликты. Они перестанут конфликтовать, но скорость движения может упасть еще больше, ибо возникнет массовая моральная депрессия» (Лефевр, 2002а).

Эти идеи были подробно изложены в книге В.А. Лефевра «Алгебра совести», вышедшей в 1982 г. Кроме того, в этой же книге показано, что официальная культура Советского Союза принадлежала ко второму типу, «...что приводит к отсутствию процедуры саморазрешения конфликтов: они либо заканчиваются победой одной из сторон, либо ликвидируются вышестоящей инстанцией. Этот факт представлялся автору исключительно важным, поскольку им обосновывался характер

трудностей, с которыми должно было столкнуться советское общество при попытках перехода к рыночной экономике и резкой демократизации... Что собой представляет рынок с социально-психологической точки зрения? Это огромное множество конфликтов, каждый из которых, разрешаясь, превращается в сделку. Система могла начать успешно работать лишь при условии, что участники способны уступать друг другу, сохраняя при этом свое индивидуальное достоинство. Если же индивидуальное достоинство при уступке только падает, то рынок сам собой заработать не может. Каков же был выход? В глобальном плане он мог бы состоять в массивном рефлексивном управлении, внедряющем принципы взаимного сотрудничества, по крайней мере, на экономической арене» (Лефевр, 2002б).

И действительно, особенности, на которые указывал В.А. Лефевр, а также собственный опыт убеждают нас в трудностях вхождения медиации в российскую деловую культуру. Но видится также и возможный выход, на который указывает В.А. Лефевр. Он состоит, на наш взгляд, в том, что *рефлексивное управление*, внедряющее принципы переговоров, сотрудничества, партнерства — которое несет с собой медиация, — могло бы постепенно размывать устойчивую к изменениям культуру второй этической системы. Поиск механизмов самовозрождения в критических социальных ситуациях (принцип салотогенеза) обнаруживает позитивные шансы для продвижения медиации в социально-экономических условиях модернизации современной России.

Литература

- Алексеев Н.Г., Семенов И.Н. и др.* Методология рефлексии концептуальных схем поиска и принятия решений. Новосибирск: НГУ. 1991.
- Андрияшко Л.Я., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др.* Психологическая экспертиза критических ситуаций. Новосибирск: НГУ. 1990.
- Ватишке Э.* Комбинаторика пар. Модель медиации конфликтов семейных пар во внесудебном разбирательстве // Медиация — искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелкина. М.: «Verte», 2004.
- Давыдова Г.И., Семенов И.Н.* Рефлексивно-диалогический подход: экзистенциальная модель развития личности // Мир психологии. 2006. № 2.
- Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998.
- Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др.* Рефлексивная регуляция мышления. Новосибирск. НГУ. 1990.
- Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Изд-во ИП РАН, 2000.
- Кетова О., Похмелкина Г.* Медиация трудовых конфликтов. Новая игрушка или перспективная тенденция? // Кадриковик. 2004. Март.
- Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1.
- Лэнгле А.* Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2003.
- Лефевр В.А.* Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. 2002а. Т. 2. № 1. С. 24–26.
- Лефевр В.А.* Прочеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002б. Т. 2. № 2. С. 48–51.
- Людевиг К.* Системная терапия: Основы клинической теории и практики. М.: «Verte», 2004.
- Медиация — искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелкина. М.: «Verte», 2004.
- Носов Н.А.* Виртуал и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 58–63.
- Орлов А.Б., Лэнгле А., Шумский В.Б.* Экзистенциальный анализ и клиентоцентрированная психотерапия: сходство и различие // Вопросы психологии. 2007. № 6.
- Похмелкина Г.Ф., Семенов И.Н.* Рефлексивно-творческий подход к процессу повышения квалификации и переквалификации педагогов // Активные методы обучения педагогов и руководителей учреждений образования. Пермь, 1993.
- Похмелкина Г.Ф., Семенов И.Н.* Рефлексивные процессы в медиации как инновационные комплексы в современной системе образования // Психологическая служба в системе образования. Махачкала: ДГУ-РГУ, 2008.
- Похмелкина Г.Ф., Кетова О.Б.* Словарь медиатора. 2003 // <http://www.conflict-mediation.ru/library/voc/>.
- Похмелкина Г., Кетова О.* Список литературы по медиации на немецком и английском языках. 2004 // <http://www.conflict-mediation.ru/library/spisok/>.
- Похмелкина Г.* Первые шаги медиации в России: Доклад на Венской конференции медиаторов «Культура встречает культуру», 2006. 3–6 мая // <http://www.conflict-mediation.ru/library/konf/>.

- Рюкерт К.* Образование в медиации — путь к профессии // Медиация — искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелькина: М.: «Verte», 2004. С. 313–315.
- Семенов И.Н.* Фундаментальные достижения советской психологии мышления // Психологический журнал. Т. 10. 1989. № 6.
- Семенов И.Н.* Методологические проблемы обеспечения непрерывного образования взрослых (взаимодействие психологии, акмеологии, конфликтологии и педагогики). Бийск. БиГПИ, 1994.
- Семенов И.Н., Дж. Спиро, Ковалева Н.Б. и др.* Развитие сферы образовательных услуг в США / Под ред. М.В. Кларина. М.: Изд-во ИП РАО, 1995.
- Семенов И.Н.* Психотерапия К. Роджерса в интерьере рефлексивной психологии // Психология искренности. Винница: ВГПИ, 2001.
- Семенов И.Н.* Фундаментальная роль методологии и логики Г.П. Щедровицкого в развитии рефлексивной психологии и педагогики // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7. № 1.
- Семенов И.Н.* Здоровоохранение: рефлексивная психология и человеческий капитал // Главный врач: хозяйство и право. 2007. №№ 3–4.
- Семенов И.Н., Сиротина Е.А., Зарецкий В.К.* Исследование рефлексивного аспекта поиска и принятия решений // Исследование процессов принятия решений. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М.: ВНИИТЭ, 1977. Вып. 14.
- Семенов И.Н., Смирнов С.А., Кордубан В.В.* Акмеология, социальная и юридическая психология в междисциплинарном обеспечении наркологических реабилитационных программ // Акмеология, социальная и юридическая психология на рубеже XXI века. М.: РАГС, 2001. С. 189–199.
- Степанов С.Ю., Полищук О.А., Семенов И.Н.* Развитие рефлексивной компетентности кадров управления. М.-Петрозаводск: РАГС, 1996.
- Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 2000.
- Anderson H., Goolishian H.* Menschliche Systeme als sprachliche Systeme. Familiendynamik. 1990. 15. 212–243.
- Mediation. Einblicke in Theorie und Praxis professioneller Konfliktregelung / G. Klammer (Mehta), P. Geissler (hg.). Falter Verlag, Wien, 1999.
- Ludewig K.* Systemische Therapie. Grundlagen klinischer Theorie und Praxis. Stuttgart: Klett-Cotte, 1992.
- Maaattchous W.* Sovietyshe denk psychology. Toronto-Bern-Gettingen. 1988.
- Mediation und Demokratie. Neue Wege des Konfliktmanagements in groesseren Organisationen / G. Mehta, K. Rueckert (hg.). Carl-Auer-Systeme Verlag, Heidelberg, 2003.
- Pokhmelkina G.* Pedagogical experience as an object of reconsidering in reflexive creature practice work // Intellectual development of society and new information technologies. Novosibirsk, 1992.
- Pokhmelkina G.* Die ersten Schritten der Mediation in Russland. Perspektiven und Hindernisse für die Mediation von Standpunkt einer Russin. Vortrag an der Wiener Konferenz für Mediation «Culture Meets Culture», 2006. 3–6. Mai // <http://www.conflict-mediation.ru/library/konf/>.
- Pokhmelkina G.* Erfahrungen mit der Implementierungen der Mediation in Russland // G. Mehta (hg.). Neue Wege zum Konsens: Gutes Verhandeln und Produktives Streiten in Wirtschaft, Gesellschaft und Politik. Falter Verlag, Wien, 2008.

Petzold H.G. Weggeleit und Schutzschild. Arbeit mit protektiven Prozessen und sozioökologische Modellierungen in einer entwicklungsprozentierten Kindertherapie // Therapeutische Zugaenge zu den Erfahrungswelten des Kindes von Heute / B. Metzma-cher, H.G. Petzold, H. Zaepfel (hg.). Padeborn, Junferman, 1995. S. 169–280.

Rutter M. Wege von der Kindheit zum Er-wachsenenalter // Frühe Schädigungen – späte Folgen? / H.G. Petzold (hg.), Padeborn, Junferman, 1993. S. 23–65.

Schacht M. Spontaneität und Begeg-nung. Zur Persönlichkeitsentwicklung aus

der Sicht des Psychodramas. In Scenario Verlag, München, 2003.

Schlippe A., Schweitzer J. Lehrbuch der systemischen Therapie. Goettingen, Vende-nhoeck & Reprecht, 1996.

Schulze S. Psychdrama in Supervision-prozess // Supervision. Tradition, Ansätze und Perspektiven in Österreich / I. Luif (hg.). Orac Verlag, Wien, 1997.

Shon D.A. The reflective practitioner. N.Y.: Basic Books, 1983.

Wörterbuch der Psychotherapie / G. Stumm, A. Pritz (hg.). Springer Verlag, Wien, New York, 2000.

Календарь памятных психологических дат: **2008**

А.Н. ЖДАН

Ждан Антонина Николаевна — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист в области истории психологии. Автор первого отечественного учебника по истории психологии «История психологии. От античности до наших дней» (6-е издание, 2005, в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета), программ, учебных пособий, статей по истории психологии.
Контакты: zhdan@list.ru

100

лет существования социальной психологии как отдельной отрасли в системе психологических наук. Начало социальной психологии датируется 1908 годом. Именно в 1908 г. английский психолог У. Макдугалл (1871–1938) и американский социолог Э. Росс (1866–1951) опубликовали книги, в названиях которых использовали термин «социальная психология» (McDougal William «An Introduction to Social Psychology» (1908), в русском переводе «Основные проблемы социальной психологии» (1916); Ross Edward Alsworth «Social Psychology»). В своих книгах У. Макдугалл и Э. Росс ставили задачей рассмотрение психологических основ человеческого поведения в условиях социального существова-

ния человека. Возникнув на стыке социологии и психологии, социальная психология внесла в социологию и другие социальные науки (этику, экономику и т. д.) идею полезности и необходимости психологических знаний для объяснения сферы социальных явлений и процессов, а в психологию — представления о сложной природе человеческого поведения, управляемого разнообразными факторами, среди которых важнейшими являются влияния социальной среды (жизнь человека в группах, подчиненность законодательным актам, морально-нравственным нормам и правилам, общественное мнение, религиозные представления и др.). Для первых авторов социальной психологии была характерна психологизация

общественных явлений: Э. Росс считал социальную психологию частью социологии, видел ее задачу в изучении психических процессов в условиях взаимодействия между людьми в обществе и существующих в обществе социальных ограничений, называемых им формами социального контроля (этического, политического и др.). Наибольшее влияние на психологию имела книга У. Макдугалла: к 1960 г. она выдержала 30 изданий. В качестве исходного он выдвинул положение о том, что социальные науки — этика, политическая экономия, социология и др. — должны базироваться на психологии, что, хотя и признается, но практически в этих науках не реализуется, вследствие чего возникают ошибочные теории, такие, как, например, теория гедонизма или учение об особой способности к моральной интуиции в этике и т. п. Этот факт, по мнению У. Макдугалла, объясняется недостатками самой психологии: она разрабатывает такие проблемы, которые имеют мало значения для социальных наук, и, наоборот, пренебрегает наиболее важными в социальном отношении проблемами, и прежде всего проблемами целенаправленности и мотивации поведения. Объясняя таким образом отсутствие признания психологии в социальных науках, своей первой задачей У. Макдугалл считал разработку более совершенной психологической концепции, которая затем позволила бы ей стать базой социальных наук. Изложение созданной им собственной концепции динамической психологии как науки о побудительных источниках человеческой деятельности и составило

основное содержание его книги «Основные проблемы социальной психологии». При этом принципиальные вопросы социальной психологии — вопросы ее предмета, методов и др. — в этой книге решены не были. Утверждая телеологичность и целесообразность поведения человека (и животных), которое не может быть понято по образцу механики, У. Макдугалл видел задачу науки в раскрытии его действительных побудительных источников, указывал на недопустимость подставлять вместо них метафизические конструкции. Ими являются не разум или сознание долга, а инстинкты. Они составляют природный базис души. В их основе лежит особая энергия — горме, отсюда его психология получила название «гормической психологии». Он создал оригинальную концепцию инстинктов и связанных с ними эмоций, дал их классификацию, представил свой взгляд на строение инстинкта, указал на роль инстинктов в поведении, пытался подвести под каждое общественное явление определенный инстинкт (например, считал наиболее важным в социальном отношении стадный инстинкт; объяснял войну инстинктом драчливости и т. п.). Другим важным положением динамической психологии У. Макдугалла — в противоположность традиционной психологии сознания, в которой человек рассматривался в абстракции от социальных отношений как индивидуальный человеческий дух — было подчеркивание значения социальных условий, под влиянием которых складываются высшие формы социального поведения, самосознание, образуется представление о Я и чувство собственного достоинства,

происходят «социализация и морализация» человека. Социальное поведение предполагает контроль и регулирование инстинктов, является продуктом социальных отношений между людьми. Разработку путей нравственного совершенствования индивида в

обществе У. Макдугалл считал главной проблемой социальной психологии как науки. Развиваемое У. Макдугаллом понимание социальной психологии стало квалифицироваться как исторически первая теория социальной психологии.

100-

летний юбилей отмечает Институт коррекционной педагогики РАО — научный центр отечественных психолого-педагогических исследований в области изучения развития аномальных детей, т.е. детей с различными нарушениями в развитии (слепота, глухота, умственная отсталость, недостатки речи, эмоционально-волевой сферы и др.); разработки научно обоснованных систем обучения и воспитания, направленных на максимально возможное развитие, коррекцию и компенсацию недостатков (дефектов), социализацию и интеграцию в общество детей с отклонениями в развитии.

Институт ведет свою историю от частного «Санатория-школы для дефективных детей доктора В.П. Кащенко», открытого в 1908 г. в Москве известным отечественным ученым В.П. Кащенко (1870–1943). Это было лечебно-педагогическое учреждение для дефективных, умственно-отсталых, нервных и трудных детей, созданное с целью разработки научных основ изучения и воспитания аномальных детей. В 1918 г. на базе «Санатория-школы» был организован «Дом изучения ребенка» Наркомпроса РСФСР — государственное учреждение, вскоре преобразованное в Медико-педагогическую опытную станцию (1923–1929). В 1929 г. на

базе Медико-педагогической станции был создан Экспериментальный дефектологический институт (ЭДИ, директор И.И. Данюшевский). В структуру ЭДИ входил также ряд специальных школ. В 1937 г. ЭДИ преобразован в Научно-практический институт специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР (директор И.И. Данюшевский), переименованный в 1943 г. в Научно-исследовательский дефектологический институт Наркомпроса РСФСР. В 1944 г. Институт передан АПН РСФСР как Государственный Научно-исследовательский институт дефектологии АПН РСФСР (с 1967 — НИИ дефектологии АПН СССР). В разные годы НИИ дефектологии возглавляли такие выдающиеся психологи и дефектологи, как Л.В. Занков (1944–1947), Д.И. Азбукин (1947–1951), А.И. Дьячков (1951–1968), Т.А. Власова (1968–1986), Ю.А. Кулагин (1986), В.И. Лубовский (1986–1992). В 1992 г. НИИ дефектологии АПН СССР реорганизован в Институт коррекционной педагогики РАО (с 1992 г. по настоящее время директор — Н.Н. Малофеев).

Изучение общих закономерностей развития аномальных детей, разработка методов их обучения и воспитания, составляющие предмет

дефектологии, имеют своей важнейшей частью специальную психологию. Одним из создателей отечественной специальной психологии был Л.С. Выготский. В ЭДИ в 1930 г. он организовал лабораторию специальной психологии (под руководством Л.В. Занкова). В результате проведенных исследований были получены данные об особенностях развития психики, свойственных как всем аномальным детям, так и отдельным их категориям. Согласно Л.С. Выготскому, своеобразие развития этих детей в сфере психики обуславливается так называемым первичными нарушениями (дефектами слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата и др.) и вызванными ими вторичными отклонениями (а также отклонениями 3 и 4 порядка) в развитии психики (нарушения речи, интеллектуального развития и др.). Л.С. Выготский раскрыл важнейшие общие закономерности аномального развития, разработал принципы его диагностики, подчеркивая при этом характерные проявления в каждой из категорий аномальных детей. Согласно дефектологической теории, созданной Л.С. Выготским совместно с учениками и последователями (Л.В. Занков, И.М. Соловьев, М.С. Певзнер, Ж.И. Шиф, Р.Е. Левина и др.), аномальное развитие, рассматриваемое в его соотношении с закономерностями нормального психического развития, имеет специфические черты, но в целом происходит в соответствии с общими закономерностями развития ребенка как культурно и социально обусловленный процесс, совершающийся путем приобщения аномального ребенка к социальному опыту. В 1950-е годы в

Институте (тогда Институте дефектологии) работал А.Р. Лурия (зам. директора по научной работе). Им были привлечены в Институт новые сотрудники (В.И. Лубовский, А.И. Мещеряков, О.С. Виноградова, Ю.А. Кулагин и другие талантливые психологи, впоследствии ставшие крупными учеными и организаторами в различных областях специальной психологии). Под руководством А.Р. Лурии развернулись исследования проблем умственной отсталости и диагностики («Принципы отбора детей во вспомогательные школы» под редакцией Г.М. Дульнева и А.Р. Лурии; «Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка», в 2-х т. под редакцией А.Р. Лурии). В последующие годы специальная психология в Институте коррекционной педагогики продолжала развиваться на теоретическом фундаменте Л.С. Выготского (Р.М. Боскис, Ф.Ф. Рау, Т.В. Розанова, М.И. Земцова, Т.А. Власова, К.С. Лебединская и др.). На этой основе здесь сложились крупные научные школы, в рамках которых в настоящее время проводятся фундаментальные и прикладные исследования, производится модернизация системы специального образования (Е.Л. Гончарова, А.Г. Зикеев, Т.С. Зыкова, К.Г.Коровин, О.И. Кукушкина, Н.Н. Малофеев, О.С. Никольская, Ю.А. Разенкова, Л.И. Солнцева, Л.И. Тигранова, Г.В. Чиркина, Н.Д. Шматко и др.). В Институте работает Коррекционно-диагностический центр (КДЦ), который осуществляет прием детей и проводит их всестороннее обследование, дает рекомендации по выбору адекватного типа учебного заведения и др.

100

лет со дня рождения Л.И. Божович (28.10.1908 — 21.07.1981) — психолога школы Л.С. Выготского, специалиста в области детской и педагогической психологии, психологии личности.

Родилась в г. Курске. Окончила педагогический факультет 2-го МГУ (1930). В годы учения в университете входила в кружок, объединявший группу студентов, проявивших стойкий интерес к психологии Л.С. Выготского и работавших по его тематике (эта группа известна как «пятерка»: А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Л.С. Славина, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова). Дипломную работу, посвященную проблеме развития подражания у детей, выполнила под руководством Л.С. Выготского. С 1931 г. занималась практической и научно-исследовательской работой по психологии (психоневрологическая школа-санаторий, Академия коммунистического воспитания, кафедра психологии, руководитель Л.С. Выготский, Украинская психоневрологическая академия в Харькове). В Харькове работала совместно с А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, А.В. Запорожцем, П.Я. Гальпериным, П.И. Зинченко и другими членами Харьковской школы. Проводила экспериментальные исследования функции речи в практической интеллектуальной деятельности ребенка, развития значения слова в процессе переноса обобщения, лежащего за этим словом, на другие ситуации. В годы Великой Отечественной войны заведовала Отделом трудотерапии эвакогоспиталя (г. Кыштым, Челябинская обл.). С 1948 по 1981 г.

в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (до 1978 г. заведовала лабораторией психологии формирования личности).

Известность Л.И. Божович принесли фундаментальные исследования по комплексному изучению личности школьника, проводимые в соответствии с концепцией Л.С. Выготского культурно-исторического развития психики («Личность и ее формирование в детском возрасте», 1968; и др.). Критикуя такой подход к развитию теории Л.С. Выготского, который сводится к разработке ее отдельных положений, видела задачу ее дальнейшего развития в следовании логике движения его мысли как учения о происхождении высших психических функций, представлений о социальной природе высших психических функций и их системном строении, о психологических новообразованиях как факторах психического развития в онтогенезе, выполнения требований к методу исследования — разложения изучаемого целого на единицы. Следуя этой логике, Л.И. Божович, таким образом, подошла к проблеме личности, сделала личность предметом теоретического и экспериментального изучения, тем самым показав продуктивность культурно-исторического подхода для научного исследования высших форм психической жизни человека. Были проведены масштабные экспериментальные исследования воли, мотивационной и связанной с ней аффективно-потребностной сферы, которые привели к пониманию фундаментальных особенностей личности, различных видов ее

направленности, черт характера. Выявлены новообразования, характерные для разных возрастных периодов. Было показано, что гармоническое или дисгармоническое развитие личности зависит от мотивационной сферы — ее содержания, соотношения ее различных сторон, уровня протекания (сознательный или неосознанный). Материалы исследований

Л.И. Божович получили признание в практике организации возрастного подхода к воспитанию личности ребенка. Наследие Л.И. Божович сохраняет свою актуальность в современных условиях, предъявляющих требования к высокой внутренней активности человека, исследование закономерностей развития и воспитания которой составляет его пафос.

75

лет со дня рождения А.В. Брушлинского (04.04.1933 — 30.01.2002) — психолога школы С.Л. Рубинштейна, крупного организатора отечественной психологической науки, специалиста в области общей психологии, теории, методологии и истории психологии, создателя оригинального научного направления — психологии субъекта.

Родился в Москве. Окончил отделение психологии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (1956). Здесь под влиянием университетских учителей — С.Л. Рубинштейна, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Е.Н. Соколова — проходило формирование его научного мировоззрения. Решающим, определившим направление всей его последующей деятельности, было влияние С.Л. Рубинштейна, научного руководителя всех его студенческих работ. Работал в Секторе философских проблем психологии Института философии АН СССР (1956–1972), с 1972 г. — в Институте психологии АН СССР (в 1989–2002 — директор Института). Главный редактор «Психологического журнала» (1988–2002). Лауреат

премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна (1992), премии Президента РФ (1999). Член-корреспондент АПН (1989) и АН СССР (1990), академик РАО (1992), член ряда зарубежных академий. Председатель Московского отделения Общества психологов СССР (1983–1988), член Центрального Совета ОП СССР (1989). Инициатор создания и член Президиума РПО (1994).

В своей научной деятельности утверждал и развивал субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна. В ряде специальных трудов произвел всесторонний философско-методологический анализ теории С.Л. Рубинштейна, осуществил (совместно с К.А. Абульхановой-Славской) работу по подготовке к изданию его рукописи «Человек и мир» (1973, 1997). Последовательно отстаивая позиции теории С.Л. Рубинштейна, признавая факт наличия различных исследовательских школ в мировой и отечественной науке, А.В. Брушлинский видел необходимость творческого диалога с их сторонниками по принципиальным вопросам психологической науки, призывал к такому диалогу последо-

вателей теорий А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Л.С. Выготского, сам вступал в полемику с ними и с учеными других направлений в психологии и смежных с ней областях знания (критическому анализу концепции Л.С. Выготского посвящена его книга «Культурно-историческая теория мышления», 1968), считал аргументированную критику плодотворным средством развития науки.

В широком спектре его научных интересов в течение всей его жизни центральное место занимала проблема мышления. Ее теоретическая и экспериментальная разработка приобрела в его исследованиях фундаментальный общепсихологический характер. Результатом стала оригинальная психологическая теория мышления как недизъюнктивного процесса прогнозирования, известная под названием «континуально-генетическая концепция мышления». Этот подход распространяется и на другие психические процессы и является одним из методологических оснований системного исследования в психологии («Субъект, мышление, учение, воображение», 1996). Творчески развивая концепцию процессуальной природы психики, выдвинутую С.Л. Рубинштейном, в своих трудах А.В. Брушлинский сделал предметом исследования проблемы субъекта как высшего уровня активности, системности, автономности.

Эти исследования привели к созданию психологии субъекта как новой области в психологической науке, позволяющей получить более глубокие и системные представления о сущности человека, раскрывающие единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных («Психология субъекта», 2003).

Разрабатывая философские проблемы психологии, А.В. Брушлинский дал взвешенную оценку значения для психологии трудов К. Маркса, показал смысл их использования С.Л. Рубинштейном в контексте исторических условий. Анализируя вопрос о соотношении научного и религиозного знания, решение проблем человеческой психики и духовности в трудах русских мыслителей (С.Л. Франк и др.), высоко оценивая их идеи, А.В. Брушлинский в то же время отстаивал положение о принципиальных различиях между научным знанием и религиозной верой.

Теоретик и экспериментатор, тонкий аналитик научных текстов (выдвинул проблему восстановления аутентичности текстов Л.С. Выготского и других психологов), ученый с мировым именем, педагог и воспитатель большой научной школы, А.В. Брушлинский остается нашим современником, а его труды продолжают служить развитию психологической науки в XXI в.

75

лет со дня рождения О.К. Тихомирова (04.04.1933 — 22.02.2001) — психолога, крупного специалиста в области общей психологии, теории и

методологии психологии, последователя научной школы психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, создателя собственной научной

школы в области психологии мышления. Вся творческая жизнь О.К. Тихомирова связана с Московским университетом им. М.В. Ломоносова. Он окончил психологическое отделение философского факультета МГУ (1956), аспирантуру (1959) и с 1960 г. до смерти работал здесь (с 1966 г. на созданном тогда факультете психологии), пройдя путь от младшего научного сотрудника до Заслуженного профессора Московского университета.

В своем творчестве опирался на достижения мировой и отечественной психологической науки, прежде всего на психологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева. Главным содержанием его научных исследований было теоретическое и экспериментальное изучение мышления. Рассматривая мышление как особую деятельность субъекта, раскрыл содержание его потребностно-мотивационной и эмоционально-смысловой регуляции, процессы целеобразования деятельности мышления, раскрыл особенности детерминации мышления новыми средствами — информационными технологиями. Фундаментальные достижения в области исследования мышления составляют смысловую теорию мышления О.К. Тихомирова. Эта теория углубляет представления о механизмах психической регуляции мышления и вместе с тем имеет более общее значение для понимания специфики психической регуляции деятельности человека в целом в ее отличии от механических процессов, совершающихся в вычислительных устройствах в соответствии с заданной программой. Исследованиями по изучению мыслительной дея-

тельности человека в условиях применения компьютеров и других элементов информационных технологий О.К. Тихомиров сформулировал задачи психологии компьютеризации как новой отрасли психологической науки, ставшей особенно востребованной в настоящее время в условиях интенсивного развития информатизации общества. Новые положения об основных компонентах структуры деятельности, разработанные на материале мышления, описание феноменов и психологических механизмов творчества составляют несомненный вклад О.К. Тихомирова в общепсихологическую теорию деятельности. Созданный им неформальный исследовательский коллектив составил крупную научную школу, которая в настоящее время продолжает заложенные О.К. Тихомировым традиции и основные направления исследований мышления.

О.К. Тихомиров способствовал развитию психологического образования в нашей стране. Как профессор университета он читал фундаментальный курс общей психологии для студентов и слушателей факультета повышения квалификации преподавателей психологии, а также ряд спецкурсов по психологии мышления, руководил работами аспирантов и студентов. Созданные им учебные руководства: «Психология мышления», 1984; «ЭВМ и основные проблемы психологии» в соавторстве с Л.Н. Бабаниным, 1986; «Понятия и принципы общей психологии», 1992; опубликованный после его смерти (2006) учебник «Психология», содержащий лекции по общей психологии, — остаются незаменимыми в

подготовке профессионалов в области психологии.

Большое место в творческой жизни О.К. Тихомирова занимала научно-организаторская деятельность. В 1972 г. он организовал в ИП РАН лабораторию психологических проблем автоматизации умственного труда и был ее заведующим (до 1976 г.). В 1964–1968 гг. был ответственным секретарем Общества психологов СССР. Участвовал в подготовке и проведении в Москве в 1966 г. XVIII Международного психологического конгресса (Ученый секретарь конгресса). В 1960-е годы в

Московском университете руководил научно-исследовательскими группами на основе хоздоговорных работ, впоследствии — созданной на их базе лабораторией экспериментальной и прикладной психологии (1970–1974). С 1989 по 1999 г. заведовал кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ.

Творческое наследие О.К. Тихомирова созвучно новым актуальным задачам и проблемам современной психологической науки, способствует расширению ее методологических принципов и основ.

Короткие сообщения

**ПОЗИТИВНО-НЕГАТИВНАЯ АСИММЕТРИЯ
ЭМОЦИЙ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ СУБЪЕКТНОГО
РАЗВИТИЯ: ВНУТРИУРОВНЕВАЯ И
МЕЖУРОВНЕВАЯ ДИНАМИКА**

А.А. ГОРБАТКОВ

Введение

Широко распространенным, можно сказать, традиционным стало представление о том, что положительные и отрицательные эмоции вызываются событиями, способствующими или препятствующими достижению целей, реализации мотивов, удовлетворению потребностей. Терминология используется разная, но суть сходна: речь идет о событиях, влияющих на функционирование человека (или животного), помогающих или мешающих ему жить. Гораздо менее распространенным, хотя уже далеко не новым, является представление о том, что позитивно- и негативно-значимые события могут иметь неодинаковый «вес» в их влиянии на эмоции, т. е. влиять на

них как бы асимметрично, в результате чего те или иные параметры положительных и отрицательных эмоций могут быть различными (*позитивно-негативная асимметрия эмоций – ПНА*) (см., например: Веккер, 1998; Горбатков, 1981, 2006; Scacioppo et al., 2004)¹.

Явление это все шире обсуждается в психологической литературе, и уже хорошо обозначились некоторые тенденции. Наиболее известной из них является убеждение в том, что негативно-значимые события сильнее влияют на эмоции, чем события позитивно-значимые (например: Baumeister et al., 2001), т. е. чаще имеет место негативная асимметрия эмоций (НА), чем позитивная (ПА). Доминирование НА обсуждается не только в научных публикациях, о нем как

¹Отметим, что терминология в этой проблемной области еще не вполне установилась и пишущие на эту тему авторы не всегда используют ту, которая принята нами.

о закономерности говорится и во многих учебно-справочных пособиях, а использование в экономике одного из ее вариантов, выражающегося в том, что по мере роста как потерь, так и приобретений величина оценочной реакции на первое событие растет быстрее, чем на второе (Канеман, Тверски, 2003), послужило одним из оснований присуждения Д. Канеману Нобелевской премии (2002). Другой иллюстрацией НА может служить то, что по мере роста общего уровня эмоциональной активации (связанного с повышением степени сложности—новизны объекта, приближением к нему или с другими эмоциогенными событиями, вызывающими как позитивные, так и негативные эмоциональные переживания) доля отрицательных эмоций в ней растет быстрее, чем положительных (например: Сасиорро et al., 2004). Данные об этом получены, в частности, при изучении эмоциональных оценок людьми произведений изобразительного искусства. Воспринимая художественные изображения, вызывающие все более сильные эмоции, люди испытывают несколько более быстрое нарастание негативно-эмоционального аспекта отношения к ним, чем позитивно-эмоционального (Ito et al., 1998). Данное явление в качестве предмета исследования выступает и в отечественной психологии. Л.М. Веккер, например, обсуждает ПНА (без обращения к этому термину) в понятиях обобщенности-конкретности эмоций, придя к выводу о большей конкретности не-

гативных эмоций в сравнении с позитивными (в этом он видит объяснение их большей интенсивности) (Веккер, 1998), чему, по сути дела, соответствует постулируемое многими авторами и упомянутое выше соотношение эмоций по крутизне градиентов их динамики, связанное с ростом некоторой третьей переменной — градиент динамики негативных эмоций признается более крутым (например: Сасиорро et al., 2004). Рассматриваемая зависимость означает, что эмоционально-ценностная дифференциация объектов действительности осуществляется человеком скорее на основе их негативных, чем позитивных свойств. Указывает она также на то, что в сильных переживаниях в сравнении с умеренными вес отрицательных эмоций относительно более велик, чем положительных. Применительно к эмоциональности НА означает, что более эмоциональные индивиды имеют относительно более негативный эмоциональный баланс переживаний (менее счастливы), чем менее эмоциональные, или что люди отличаются друг от друга не столько по позитивной, сколько по негативной эмоциональности. Наряду с общей тенденцией считать НА доминирующей в аффективной сфере психики² обозначились некоторые более частные тенденции. Две из них, как представляется, имеют существенное значение для разработки проблем субъектно-личностного развития человека и являются основным предметом рассмотрения в настоящей работе. Речь идет о деятельностной

²Есть основания считать степень доминирования этого явления несколько преувеличенной (Горбатков, 2006).

динамике ПНА в межуровневом (переход с уровня на уровень) и внутриуровневом (развитие в рамках каждого из уровней) аспектах.

Субъектное развитие индивида как фактор динамики позитивно-негативной асимметрии эмоций

В ряде концепций в качестве существенных факторов ПНА рассматриваются переменные, которые могут быть поняты как прямо или косвенно связанные с процессом субъектно-деятельностного развития индивида, т. е. процессом развития индивида как субъекта деятельности. Можно выделить два аспекта (вида) субъектно-деятельностной динамики ПНА: межуровневый («вертикальное развитие») и внутриуровневый («горизонтальное развитие»). *Межуровневая* динамика связана с переходом индивида от деятельности одного уровня к деятельности другого уровня, с одного уровня функционирования на другой (межуровневые стадии развития). *Внутриуровневая* динамика касается стадий субъектного развития индивида в рамках деятельностей каждого данного уровня (внутриуровневые стадии развития). Если опираться на такой конституирующий признак деятельности, как мотив (Леонтьев, 2003), то, исходя из теории мотивационно-потребностной иерархии А. Маслоу (Маслоу, 1999), к деятельностям разного уровня можно отнести, например, те, которые побуждаются аффилиативными мотивами и мотивами самоактуализации. Если опираться на такой признак деятельности, как уровень когнитивных процессов, обеспечива-

ющих ее осуществление, то к деятельностям разного уровня можно отнести, например, те, в регуляции которых участвуют конкретно-образное и абстрактно-понятийное мышление, конкретные и формальные мыслительные операции. В соответствии с представлениями, широко принятыми в психологическом сообществе, тенденция движения по «лестнице» понимаемых таким образом уровней имеет место в процессе возрастного развития, важную роль в котором играют культурно-исторические факторы, действующие через посредство разного рода образовательно-воспитательных социальных институтов, таких, как семья, разного уровня и типа школы и др.

Внутриуровневая динамика ПНА

Наиболее многочисленная группа концепций и данных указывает на существование тенденции внутриуровневой деятельностной динамики эмоций в направлении от негативной асимметрии к позитивной, что в значительной степени согласуется с ожиданиями, вытекающими из здравого смысла. Так, Р.С. Лазарус считает, что, имея дело с новой ситуацией, человек сначала оценивает ее на континууме «индифферентность—негативность», а только потом — в случае необнаружения негативов — обращается к шкале «индифферентность—позитивность» (Lazarus, 1975). Иначе говоря, по Р.С. Лазарусу, на первых стадиях освоения ситуации имеет место негативная асимметрия, тогда как на продвинутых стадиях ее сменяет асимметрия позитивная. Подобная гипотеза была обоснована и в нашей работе, а соответствующие

эмпирические данные получены на выборке инженеров-проектировщиков (Горбатков, 1981). Суть результатов исследования заключается в том, что аттитюды по отношению к ведущей для инженерной деятельности группе профессионально-важных качеств выказали соответствующую гипотезе динамику при разбиении ее на подвыборки по стажу: для молодых инженеров асимметрия аттитюдов оказалась негативной, для зрелых — позитивной.

Связь с рассматриваемым представлением можно также усмотреть в концепциях, где в качестве базовых выступают конструкты «низкий — высокий уровень удовлетворения потребностей», «опасность — безопасность ситуации функционирования», «успех — неуспех в деятельности», соотносимые с этапами освоения ситуации или деятельности. Согласно концепции П.В. Симонова (Симонов, 2004), регуляционная роль положительных и отрицательных эмоций связана с такими глобальными факторами, как потребность сохранения и потребность развития, удовлетворение которых является конечной целью живых существ и их сообществ. Негативные эмоции при этом регулируют деятельность, направленную на обнаружение разного рода препятствий, опасностей, вредностей и их удаление или избежание. Позитивные эмоции отвечают за поиск разного рода ценных объектов, обеспечивающих успех, а не только избежание неудачи, положительное отношение со стороны других людей, а не только избежание отвержения ими, или — на уровне биологических потребностей — обеспечение себя вкусной пищей, а не

только избежание голода и т. д. Это означает, что роль отрицательных эмоций возрастает в трудных условиях, где реальной является угроза потери важных составляющих жизни человека. А роль положительных эмоций является относительно более значимой тогда, когда такая угроза минует и значимость приобретают успехи, комфорт и др. Сходные представления найдем у других авторов (Watson et al., 1999). Одним из проявлений рассматриваемой зависимости является меньшее влияние денежных доходов на позитивные эмоции, чем негативные, в нижней части шкалы доходов с обратным соотношением влияний в верхней части шкалы (см.: Argyle, 2004).

Межуровневая динамика ПНА

Как и в случае с внутриуровневой динамикой ПНА эмоций, наиболее известные концепции, касающиеся межуровневой динамики этого явления, постулируют существование тенденции его изменения в направлении от НА к ПА. В теории А. Маслоу (Маслоу, 1999) разные уровни (и, соответственно, стадии развития) мотивационно-потребностной сферы личности (потребности дефицита и роста) выступают как связанные с разными видами соотношения между негативными и позитивными эмоциями. Деятельности, направленные на удовлетворение потребностей, формирующихся на ранних стадиях онтогенеза и занимающих нижние уровни иерархии (потребность безопасности и др.), имеют скорее гомеостатический характер и обуславливают не столько усиление позитивных, сколько ослабление негативных

эмоций. Деятельности, направленные на удовлетворение потребностей, формирующихся на продвинутых стадиях онтогенеза и занимающих верхние уровни иерархии (потребность самоактуализации), имеют скорее гетеростатический характер и обуславливают не столько ослабление негативных, сколько усиление позитивных эмоций. Иначе говоря, из концепции А. Маслоу следует гипотеза о динамике эмоций в направлении от негативной асимметрии к позитивной по мере роста уровня субъектного развития индивида. Сходное понимание связи эмоций с тремя видами (уровнями) потребностей (материально-биологических, социальных и идеальных) угадывается у П.В. Симонова (Симонов, 2004) (напомним также, что доминирование негативных или позитивных эмоций он соотносит с разными этапами динамики удовлетворения каждой из потребностей — внутриуровневая динамика ПНА). По К. Обуховскому (Obuchowski, 2004), конкретно-образный и абстрактно-понятийный виды мыслительной деятельности связаны, соответственно, с отрицательными и положительными эмоциями³. И если принять во внимание факт имеющего место в процессе познавательного развития субъекта перехода от первого из этих

видов мышления ко второму, получим гипотезу о сопровождающем его движении эмоций от НА к ПА. Исследования ряда других авторов, имеющие более обобщенный характер, указывают на сходный паттерн динамики явления асимметрии в филогенезе (Eibl-Eibesfeldt, 1997), общественно-историческом развитии (Wojciszke et al., 1995) и онтогенезе (Doliński, 2000).

Гипотеза о вариантах межуровневой динамики ПНА

Итак, как в случае внутриуровневой динамики ПНА, так и в случае межуровневой динамики этого явления, наиболее известные концепции и данные постулируют существование тенденции его изменения в направлении от НА к ПА. И здесь мы видим проблему, порождаемую тем, что соотношение картин на разных уровнях иерархии, т. е. целостный образ иерархии в каждый данный момент ее существования, зависит от того, какая картина имеет место на каждом данном уровне. Как известно из широко принятых в психологии общесистемных представлений, возникновение нового уровня зависит от состояния дел на предыдущих уровнях. Только сформированный до некоторой «нормальной» степени

³Эта концепция до известной степени согласуется с данными о связи эмоций с межполушарной асимметрией головного мозга (Брагина, Доброхотова, 1988) и о существовании тенденций преобладания отрицательной или положительной эмоциональности при относительном доминировании, соответственно, невербального или вербального интеллекта (Кепалайте, 1982). Показано также, что подростки, обладающие художественно-литературными способностями, характеризуются равновесием положительной и отрицательной эмоциональности, подростки же, обладающие математическими способностями, характеризуются преобладанием положительной эмоциональности (Кепалайте, Суворова, 1997).

уровень делает возможным формирование следующего уровня, занимающего более высокое положение в иерархии. Применительно к системе потребностей это показал А. Маслоу. Еще раньше сходное представление утвердилось применительно к логике развития такой субъектно-деятельностной системы, как когнитивная сфера, развивающаяся в направлении от конкретно-образных процессов к абстрактно-понятийным, от конкретных операций к формальным. И является вполне очевидным, что после того, как это условие выполнено, новый уровень не возникает «вдруг», в «законченном» виде, а имеет свою динамику, свои этапы развития. При этом «нормальная» степень сформированности предыдущего уровня, разумеется, не означает его предельной сформированности. «Нормальное» удовлетворение потребностей чувствовать себя в безопасности или иметь семью, друзей, сотрудников не тождественно «идеальному» их удовлетворению. Достигнув «нормальной» степени сформированности и став условием генезиса нового уровня, реализующие удовлетворение этих потребностей деятельности могут развиваться далее в направлении «идеала», в направлении дальнейшего их совершенствования. То же самое можно сказать и относительно развития когнитивной сферы. А значит, деятельность более высокого уровня в иерархии может быть менее развитой, чем деятельность более низкого уровня. Например, выдающийся спортсмен, занявшись по окончании спортивной карьеры писанием картин или наукой, редко достигает в новой сфере той же степени

профессионализма, что и в предыдущей. Может быть и наоборот: воображенческая деятельность художника или абстрактно-понятийная деятельность ученого обычно более продвинуты, чем их психомоторная деятельность.

Из сказанного следует, что в каждый фиксированный момент времени разные уровни субъектной системы мы можем «застать» на стадиях формирования, продвинутых в неодинаковой степени. Применительно к конкретике настоящей работы рассмотрение межуровневой динамики с одновременным учетом динамики внутриуровневой (при условии принятия вышеописанного доминирующего представления о характере последней в аспекте ПНА) ведет к гипотезе о том, что могут иметь место три варианта межуровневой динамики аффективной асимметрии: 1) от НА к ПА, 2) от ПА к НА, а также 3) отсутствие существенных изменений в этом отношении.

Наиболее интересным из вышеуказанных вариантов является второй по причине «когнитивного диссонанса», возникающего при его сравнении с вариантом первым, находящимся в наибольшей согласии с существующими теориями (и со здравым смыслом). Есть данные, которые, на наш взгляд, можно интерпретировать как указывающие на возможность такой как бы «парадоксальной» динамики эмоций: от ПА к НА по мере роста уровня субъектного развития индивида. В исследовании, проведенном на выборке инженеров-проектировщиков (Горбатов, 1981), показано, что с группой более простых, раньше формирующихся и относительно более развитых

профессионально-важных качеств (исполнительность, дисциплина и т. п.), доминирование которых характерно для ранних стадий профессионального развития инженера, связаны позитивно-асимметричные аттитюды (желание проявлять позитивные качества группы является более сильным, чем нежелание проявлять негативные качества), в то время как с группой более сложных, позже формирующихся и менее развитых качеств (таких, как самостоятельность, творчество, инициатива), относительно более характерных для продвинутых стадий профессионального субъектного развития инженера, связаны симметричные аттитюды (равновесие их позитивных и негативных компонентов). Если первую группу качеств соотнести с уровнем аффилиативных потребностей по А. Маслоу, обуславливающих относительно более зависимое от группы поведение, чем качества второй группы, которые, в свою очередь, представляется возможным соотнести с потребностью в самоактуали-

зации, то случай с межуровневой динамикой в направлении от ПА к НА получает аргумент в свою пользу. Другой аргумент в пользу рассматриваемого случая, имеющий, на наш взгляд, смысл, заключается в следующем. Если одним из направлений развития мотивационной сферы человека считать движение от эмоционально-импульсивной регуляции к рационально-волевой (Веккер, 1998; Иванников, 2006) и взять ситуации жизнедеятельности, в которых человек вынужден пользоваться этим видом регуляции, а также учесть, что для волевой регуляции («самопринуждения») характерна негативная асимметрия эмоций (Асеев, 1976; Higgins et al., 1999)⁴, то мы можем и на таком материале сделать вывод о возможности межуровневой динамики эмоций от позитивной асимметрии к негативной⁵. Гипотезу, касающуюся этого как бы «парадоксального» и потому интересного варианта межуровневой динамики эмоций, мы проверяем в эмпирическом исследовании (Горбатков, в печати).

⁴По мнению многих авторов (например: Muraven, Baumeister, 2000), волевая регуляция деятельности требует больших затрат энергии, больших усилий (типичным является словосочетание «усилие воли»). А согласно «энергетической» трактовке модели Д. Берлайна (Berlyne, 1971), регуляция деятельности в такой ситуации становится негативно-асимметричной (Горбатков, 2004).

⁵Подчеркнем еще раз: речь идет только о возможности, но не о неизбежности. Имеющий способность волевой регуляции человек вовсе не обязан ее использовать. Если он, например, является мастером своего дела, не берет на себя задач чрезмерной трудности и может относительно редко пользоваться волевой регуляцией, то в целом для него, вероятно, будет характерна позитивно-асимметричная регуляция эмоций. В то же время сравнительно «безвольный» индивид, функционируя в сходных (благоприятных, без экстремальных неожиданностей) условиях, также может иметь позитивную асимметрию переживаемых в деятельности эмоций. В практике жизни, однако, нам кажется, повышение по мере развития (например, возрастного) уровня

Литература

- Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988.
- Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Горбатков А.А. Структура психической диспозиции и ее позитивно-негативная асимметрия: Дис. ... канд. психол. наук. Л.: ЛГУ, 1981.
- Горбатков А.А. «Информационная» и «энергетическая» модели влияния результатов деятельности на эмоции // Психологический журнал. 2004. № 4. С. 41–55.
- Горбатков А.А. Является ли эмоционально-оценочная сфера негативно-асимметричной? // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 82–95.
- Горбатков А.А. Исследование позитивно-негативной асимметрии эмоций на разных уровнях субъектного развития // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 2. № 2. В печати.
- Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
- Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. № 4. С. 31–42.
- Кепалайте А.П. Знак эмоциональности и особенности интеллекта в плане межполушарных отношений: Дис. ... канд. психол. наук. М.: НИИ ОПП, 1982.
- Кепалайте А. П., Суворова В.В. Некоторые специальные способности и эмоциональность в подростковом возрасте // Способности. К 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова / Под ред. Э.А. Голубевой. Дубна: Феникс, 1997.
- Леонтьев А.Н. Психология деятельности. М.: Смысл, 2003.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Симонов П.В. Избранные труды. В 2 т. Т. 1: Мозг: эмоции, потребности, поведение. М.: Наука, 2004.
- Argyle M. *Psychologia szczęścia*. Wrocław: Astrum, 2004
- Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. Bad is stronger than good // Review of General Psychology, 2001. V. 5, P. 323–370.
- Berlyne D.E. *Aesthetics and psychobiology*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
- Cacioppo J.T., Larsen, J.T., Smith N.K., Berntson G.G. The affect system: What lurks below the surface of feelings? // Feelings and emotions: The Amsterdam conference / A.S.R. Manstead, N.H. Frijda, A.H. Fischer (eds.). New York: Cambridge University Press, 2004. P. 221–240.
- Doliński D. Emocje, poznanie i zachowanie // Psychologia ogólna / J. Strelau (ed.). Gdańsk: GWP. 2000. P. 369–394.
- Eibl-Eibesfeldt I. *Miłość i nienawiść*. W.: PWN, 1997.

нормативных требований к выполняемым деятельности (прежде всего, в направленных на успех социальных группах) часто создает ситуацию необходимости принуждения (со стороны педагогов, родителей и др.) или/и самопринуждения. Является ли эта тенденция доминирующей — тема другой работы. Во всяком случае, есть авторы, которые считают, что ситуации, требующие волевой регуляции, доминируют в жизни большинства взрослых людей (например: Kocowski, 1991).

Higgins E.T., Grant H., Shah J. Self-Regulation and Quality of Life: Emotional and Non-Emotional Life Experiences // Well-being. The foundations of hedonic psychology / D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 244–266.

Ito T.A., Cacioppo J.T., Lang P.J. Eliciting affect using the international affective picture system: trajectories through evaluative space // Personality and social psychology bulletin. 1998. V. 24. P. 855–879.

Kocowski T. Szkice z teorii twórczości i motywacji. Poznań: SAWW, 1991.

Lazarus R.S. The self-regulation of emotions // Emotions – Their parameters and measurement / L. Levi (ed.). New York: Raven Press. 1975. P. 553–561.

Muraven M., Baumeister R.F. Self-regulation and depletion of limited resources: Does self-control resemble a muscle? // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 247–259.

Obuchowski K. Kody umysłu i emocje. Łódź: WSH-E, 2004.

Watson D., Wiese D., Vaidya J., Tellegen A. The two general activation systems of affect: Structural findings, evolutionary considerations and psychological evidence // J. of personality and Social Psychology. 1999. V. 76. P. 820–839.

Wojciszke B., Pieńkowski R., Krzykowski R. Polska norma negatywnego myślenia o świecie społecznym: niezadowolenie z życia, kraju i prezydenta // Jacy są Polacy? Kolokwia psychologiczne V. 4 / B. Wojciszke (ed.). W.: IP PAN, 1995. P. 23–42.

**Горбатков Александр Алексеевич, Институт педагогики и психологии
Свентокшиской Академии (Кельце, Польша), кандидат психологических
наук**

Контакты: a.gorbatkow@pu.kielce.pl

ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА У ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ И ИХ СВЯЗЬ С РЕЧЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

А.Б. ДОРОДНЕВ, Н.А. АЛМАЕВ

Введение

В исследованиях процессов адаптации инвалидов по зрению показана большая роль речи в их жизни. В первую очередь акцент ставится на значении речи для восприятия незрячими окружающего мира, личностный аспект адаптации к потере зрения рассматривается в меньшей степени. Представляется актуальным исследование взаимосвязей между особенностями речевого поведения незрячих и структурой их темперамента и характера. Полученные результаты могут использоваться для оказания помощи в адаптации инвалидов по зрению.

Непосредственно после потери зрения у человека отмечается глобальное обесценивание всех жизненных ценностей, чувство жизненного тупика, бессмысленности продолжения жизни, глубокое отчаяние и неверие в возможность удачного построения и реализации своей жизненной программы. Переживание слепоты сильнейшим образом блокирует все сферы человеческой дея-

тельности: трудовой, семейной, неформального общения. С потерей зрения человек, как правило, вынужден оставить работу, а если он преуспевал только в профессиональной области, то потеря работы для него является чрезвычайно психотравмирующей и переживается тяжело (Ермаков, Якунин, 2000; Бараш, Демьянов и др., 1991; Силкин, 1981).

Исследователь проблемы адаптации незрячих отмечает, что «с потерей зрения снижается мобильность, поток получаемой информации и степень свободы. Все это приводит к повышению уровня зависимости от окружающих. Также снижаются или утрачиваются ведущие функции в семье. Все это вызывает переживание собственной несостоятельности, беспомощности» (Кондратов, 1990).

После потери зрения человек утрачивает легкость, непринужденность поведения, он быстро утомляется, испытывая сильное напряжение, утрачиваются многие, выработанные ранее навыки, прежде всего, ориентация в пространстве. Как правило, в основе испытываемого слепым

страха лежит несколько причин. Их осознание, вера в свои возможности и активная деятельность являются источником избавления от этих страхов (Литвак, 1991).

Достаточно часто у ослепших наблюдаются тревожные опасения, связанные с искаженными представлениями о взаимоотношениях людей друг с другом, особенно об отношении окружающих зрячих к людям с дефектами зрения. Базой для тревожных ожиданий служат следующие ложные представления: окружающие люди плохие и жестокие, им нельзя доверять; я неполноценный, никому не нужный человек; ситуация настолько драматична, что из нее нет выхода и можно ожидать только одних неприятностей и др.

Изучение связи процессов адаптации к травме потери зрения с индивидуальными различиями в темпераменте и характере испытуемых — весьма актуальная, но малоисследованная проблема. В частности, как влияют тяжесть и продолжительность травмы на характер и темперамент незрячих? Какова роль демографических переменных?

Нами была обнаружена следующая особенность: одни незрячие много говорят о потере зрения, в деталях описывают весь ужас произошедшего с ними, а другие даже не упоминают о ней. Почему для кого-то потеря зрения является темой номер один, а для кого-то она ушла на второй план? На эти вопросы предстоит ответить, выяснить, какие черты характера незрячего связаны с речевыми единицами упоминаний о травме, а какие черты характера связаны с отсутствием подобных речевых единиц.

Знание этих взаимосвязей будет способствовать более углубленному и полному пониманию процессов адаптации у инвалидов по зрению. Основное практическое значение данного исследования состоит в том, что изучение особенностей адаптации инвалидов по зрению способствует улучшению реабилитационных мер в работе с ними.

Методика

Всего в исследовании приняло участие 102 человека, 57 мужчин и 45 женщин. Средний возраст по всей выборке 42 года. Средний возраст мужчин 40 лет, средний возраст женщин 43 года. Средняя длительность травмы 21 год. С остаточным зрением 41 испытуемый, тотально слепых 61. Испытуемых с высшим образованием 15 человек, остальные — со средним.

В данной работе применялся метод контент-анализа автобиографической речевой продукции. Так же применялся опросник структуры характера и темперамента Клонинджера (ТСІ-140), адаптированный на русской выборке (Алмаев, Островская, 2005). Незрячие выполняли инструкцию рассказать о самом запомнившемся событии в их жизни. Все рассказы записывались на диктофон, а затем транскрибировались. Далее проводился контент-анализ. Регистрировались речевые единицы: «упоминания о травме» (собственно упоминания, а также описания обстоятельств потери зрения). Испытуемые были разделены на шесть групп по критериям: наличие или отсутствие упоминания о травме; тотально слепые или с остаточным

зрением; потерявшие зрение с рождения или потерявшие его в процессе жизни. Подсчет контент-категорий производился с учетом объема текстов по формуле Л. Готтшалка и Г. Глезер (Алмаев, 2006, с. 252).

На втором этапе испытуемые заполняли опросник Клонинджера.

Результаты

Средние показатели по шкалам Клонинджера по всей выборке свидетельствуют о том, что обследуемые незрячие имеют более высокие по сравнению с популяцией результаты по шкалам: «Антиципирующая тревога» ($Z = 0.81$), «Сентиментальность» ($Z = 0.43$), «Гипертрофированная эмпатия» ($Z = 0.5$). Заниженные баллы наблюдаются по шкалам: «Импульсивность» ($Z = -0.34$), «Привязчивость» ($Z = -0.39$), «Ответственность» ($Z = -0.28$), «Конгруэнтная вторая натура» ($Z = -0.18$). Различия статистически значимы на уровнях от $p < 0.01$ до $p < 0.05$.

Далее незрячие были разделены на две группы: по степени травмы и длительности травмы. В первом случае — на тотально слепых ($N = 42$,

14 женщин, 28 мужчин, средний возраст — 40.9) и с остаточным зрением ($N = 60$, 31 женщина, 29 мужчин, средний возраст — 42.2). Во втором случае — на тех, кто родился незрячим ($N = 39$, 19 женщин, 20 мужчин, средний возраст — 38.4), и тех, кто потерял зрение в процессе жизни ($N = 63$, 26 женщин, 37 мужчин, средний возраст — 43.6). Результаты представлены в табл. 1 и 2. Здесь и далее в таблицах значения шкал даны в стандартных оценках Z .

В процессе работы незрячие были разделены на две группы: те, кто упоминал в своих рассказах о травме ($N = 48$, 22 женщины, 26 мужчин, средний возраст — 46.1), и те, кто этого не делал ($N = 54$, 23 женщины, 31 мужчина, средний возраст — 41). Были обнаружены значимые различия по следующим шкалам: «Самотрансцендентность», «Самозабвенность», «Гипертрофированная эмпатия» (см. табл. 3).

Лица с высокими показателями по указанным шкалам тяготеют к трансцендированию (расширению) границ своего «Я» в ситуации тесных эмоциональных отношений или поглощающей их деятельности. Для

Табл. 1

Различия между группами незрячих по степени травмы

Шкалы Клонинджера	Тотально слепые	С остаточным зрением	t-тест Стьюдента
Избегание опасности (общ.)	0.24	-0.25	P=0.02
Страх неопределенности	0.22	-0.25	P=0.008
Застенчивость	0.15	-0.25	P=0.05
Сентиментальность	0.56	0.25	P=0.04
Социальное принятие	0.1	0.56	P=0.002

Табл. 2

Различия между группами незрячих по длительности травмы

Шкалы Клонинджера	Потерявшие зрение с рождения	Потерявшие зрение не с рождения	t-тест Стьюдента
Поиск нового (общ.)	-0.54	-0.1	$p = 0.025$
Избегание опасности (общ.)	0.46	-0.22	$p = 0.002$
Любознательность	-0.42	-0.01	$p = 0.01$
Антиципирующая тревога	0.42	-0.13	$p = 0.003$
Застенчивость	0.39	-0.26	$p = 0.005$
Астения	0.32	-0.16	$p = 0.02$
Целенаправленность	-0.04	0.37	$p = 0.015$

Табл. 3

Различия между группами потерявших зрение и упоминавших и не упоминавших о травме по тесту Клонинджера

Шкалы Клонинджера	Упомянувшие о травме	Не упоминавшие о травме	t-тест Стьюдента
Самотрансцендентность (общ.)	0.6	0.08	$p = 0.01$
Самозабвение	0.51	-0.18	$p = 0.0003$
Гипертрофированная эмпатия	0.72	0.32	$p = 0.03$

них характерно чувства единства со вселенной и всем, что ее составляет: с природой, людьми; такие люди ощущают себя сопричастными и ответственными за все происходящее в мире.

Далее проводился корреляционный анализ частоты упоминания о травме в текстах и результатов по шкалам опросника Клонинджера. Было обнаружено восемь значимых корреляций. Значимых корреляций возраста и длительности травмы с

количеством упоминаний о травме не обнаружено.

Имеется положительная корреляция между частотой упоминания о травме и шкалами Клонинджера, а также отрицательные корреляции со шкалами, регистрирующими дезадаптивные паттерны поведения. При этом абсолютные значения между двумя группами по «адаптивным» и «дезадаптивным» шкалам различаются несущественно. Однако в целом у группы не упоминавших о

Табл. 4

Взаимосвязь частоты упоминания о травме со шкалами опросника Клонинджера

Название шкалы	Значение корреляции r Спирмена
Самостоятельность	0.43 ($p = 0.001$)
Любознательность	0.3 ($p = 0.01$)
Импульсивность	-0.43 ($p = 0.001$)
Антиципирующая тревога	-0.24 ($p = 0.05$)
Социальное принятие	0.33 ($p = 0.01$)
Целенаправленность	0.28 ($p = 0.03$)
Самопринятие	0.24 ($p = 0.05$)
Конгруэнтная вторая натура	0.4 ($p = 0.02$)

травме значение по адаптивным шкалам несколько выше, чем в группе, которая упоминала о травме.

Обсуждение результатов

Сравнение средних значений всех групп незрячих со средними значениями по выборке позволяют констатировать, что слепым свойственна тревожность с обостренной реакцией на социальное неодобрение. Они сентиментальны, чутки, жалостливы, не стесняются проявлять свои эмоции на людях, легко заражаются эмоциями других людей и часто воспринимают чужие переживания как свои собственные. Им свойственно обостренное чувство единства со вселенной и всем, что ее составляет: с природой, людьми; такие люди ощущают себя сопричастными и ответственными за все происходящее в мире.

В данной работе испытуемые были разделены на две группы: те, кто потерял зрение в процессе жизни, и те, кто уже родился слепым.

У потерявших зрение в процессе жизнедеятельности обнаружены относительно более высокие результаты по шкале «Целенаправленность». Испытуемые, которые не видят с рождения, показали более высокие значения по следующим шкалам: «Избегание опасности», «Тревога о будущем», «Застенчивость», «Соматопсихическая хрупкость». В то же время не видящие с рождения имеют заниженные значения по шкалам «Поиск нового» и «Любознательность».

Из вышесказанного предположительно можно сделать вывод, что люди, потерявшие зрение в процессе жизни, легче адаптируются к окружающей среде, нежели люди, не видящие с рождения. Слепые не с рождения более терпимы, стремятся к сотрудничеству и кооперации. У них сильнее выражены такие качества, как самостоятельность, собранность, уверенность в себе. Они более активно ставят перед собой цели и с большей вероятностью добиваются их.

Ослепшие с рождения, наоборот, осторожны и предусмотрительны, тревожно-заботливы, неуверены в себе, боязливы, полны сомнений и предчувствий, нервозны, легко падают духом, пессимистичны. Они утомляемы и ранимы, вследствие чего сильно нуждаются в одобрении и поддержке, излишне чувствительны к неодобрению и критике. Такие люди с трудом приспосабливаются к изменениям в привычном распорядке, предпочитают не выделяться и не проявлять особой активности или инициативы. Ослепшие с рождения застенчивы, недоверчивы, могут вступить в отношения с незнакомыми людьми только при наличии надежных гарантий принятия. Субъективно оценивают себя как людей утомляемых, слабых, хрупких и уязвимых для негативного влияния среды.

Мы производили также сравнение еще двух групп: незрячие, имеющие остаточное зрение, и незрячие, не видящие вообще — тотально слепые.

У тех испытуемых, которые имеют остаточное зрение, более высокие значения по шкале «Социальная конформность».

Тотально слепые испытуемые показали более высокие значения по шкалам: «Избегание опасности», «Страх неопределенности», «Застенчивость», «Сентиментальность».

Эти две группы значительно отличаются друг от друга. Видно, что тотально слепые, в отличие от незрячих с остаточным зрением, более тревожны, менее инициативны, пассивны, с трудом приспосабливаются к новым условиям, менее уверены в себе. Они застенчивы и стеснительны, с осторожностью идут на контакт с другими людьми.

Перейдем к рассмотрению личностных детерминант частоты упоминания о травме. Почему одни незрячие в своих рассказах упоминают о травме, а другие нет? Что стоит за этим феноменом? Каково его психологическое значение? Каковы психологические механизмы его реализации? Различия между группами, упоминавшими и не упоминавшими о травме, сводятся к двум шкалам измерения «Самотрансцендентности», а именно к «Самозабвению» и «Гипертрофированной эмпатии». Именно по этим двум шкалам значительно повышены результаты инвалидов по зрению, упоминавших о травме. Наиболее существенные различия имеются по шкале «Самозабвенность», т. е. по тяготению к расширению границ своего «Я» в ситуациях поглощающей деятельности или тесных эмоциональных отношений. Повышение по шкале «Самозабвенность», скорее всего, отражает стремление человека уйти от переживаемой им травмирующей ситуации. Для рассказов характерно персистирующее упоминание о травме, по-видимому, отражающее флэшбеки, которые затем сменяются желанием погрузиться в другой предмет, например: в изучение иностранных языков, прослушивание музыки. Вот, например, что говорит испытуемая М.К., в рассказе которой обнаружено наибольшее количество упоминания о травме: *«Со временем я стала заниматься музыкой, лепила, вязала. Я учила английский и получала какую-то радость от этого. Потом французский. Сейчас я изучаю французский язык»*. Затем следуют высказывания о том, что нужно повышать свою

адаптивность, планировать деятельность — разрабатывать проект новой жизни. Данный паттерн речевого поведения: стрессующее воспоминание, затем уход в поглощающую деятельность, затем формирование проекта новой жизни — весьма характерен для текстов лиц, потерявших зрение.

Таким образом, становится понятен компенсаторный механизм, связанный с самозабвением. Он позволяет понизить напряжение, дезорганизацию, вызванную стрессом, и получить возможность для организации более адаптивных паттернов поведения. Затем флэшбеки могут возвращаться, но и весь этот механизм может быть повторен снова. Таким образом, постепенно субъект движется в сторону преодоления постстрессового расстройства.

Сказанное не означает, что люди, не говорящие о травме, менее адаптивны. По крайней мере, их самооценка, выявленная по результатам опросника Клонинджера, показывает отсутствие значимых различий по «адаптивным» шкалам теста Клонинджера и даже, наоборот, несколько более высокие значения по этим шкалам у лиц, вообще не упоминавших о травме. Рост частоты упоминаний характеризует активность процесса формирования адаптивных паттернов поведения, а не абсолютное значение достигнутых результатов. Сформированные стратегии адаптивного поведения для своего функционирования могут вообще не нуждаться в обсуждении, т. е. наиболее адаптированные инвалиды по зрению могут вообще не говорить о своей травме ввиду отсутствия в этом необходимости.

Заключение

Получен обобщенный психологический портрет инвалида по зрению. Это в основном сентиментальные люди, не стесняющиеся проявлять свои эмоции, они эмпатичны и часто воспринимают чужие переживания, как свои собственные. Им свойственно обостренное чувство единства со вселенной и всем, что ее составляет: природой, людьми.

Люди, потерявшие зрение в процессе жизни, легче адаптируются к окружающей среде, нежели люди, не видящие с рождения. У них сильнее выражены такие качества, как самостоятельность, собранность, уверенность в себе. Они с большей вероятностью ставят перед собой цели и добиваются их.

Тотально слепые, в отличие от незрячих с остаточным зрением, более тревожны, не инициативны, пассивны, с трудом приспосабливаются к новым условиям, неуверены в себе. Они застенчивы и стеснительны, с осторожностью идут на контакт с другими людьми. Субъективно воспринимают себя как людей хрупких и слабых. Те, у кого сохраняется остаточное зрение, обладают более низким уровнем тревожности, им присущи такие черты, как практичность и твердость, эмоционально более устойчивы.

Для тех незрячих, которые находятся в процессе преодоления стресса от потери зрения и еще не справились с ним, свойственно в своих рассказах упоминать о своей травме. Выраженное самозабвение выступает у них в качестве компенсаторного механизма, который помогает им справиться с тяжелыми переживаниями,

вызванными потерей зрения. Незрячие, которые в своих рассказах не упоминают о травме, — люди, уже прошедшие процесс адаптации и в значительной степени справившиеся

с постстрессовым расстройством, вызванным потерей зрения.

Результаты данного исследования могут быть учтены в реабилитационной работе со слепыми.

Литература

Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Алмаев Н.А., Островская Л.Д. Апробация краткой версии Опросника структуры характера и темперамента Клонинжера (ТСІ-140) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2005. № 6. С.77–86.

Бараш Б.А., Демьянов Ю.Г., Головина Т.П., Сорокин В.М., Шалагина Т.С. Трудности в

общении инвалидов по зрению и пути их устранения. М., 1991.

Ермаков В.П., Якунин Г.А. Основы тифлопедагогики. М.: Владос, 2000.

Кондратов А.М. Проблемы социальной реабилитации слепых. М., 1990.

Литвак А.Г. Трудности в общении инвалидов по зрению и пути их устранения. М., 1991.

Силкин Л.Н. Проблемы социально-психологической реабилитации слепых. М., 1981.

Дороднев Антон Борисович, Государственный университет гуманитарных наук, аспирант

Контакты: dorodnev@gmail.com

Алмаев Николай Альбертович, Институт психологии РАН, кандидат психологических наук

Контакты: almaev@mail.ru

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРОГРАММИСТОВ

Ю.А. КУКУШКИНА, В.Ф. СПИРИДОНОВ

Развитие компетентности в той или иной сфере деятельности определяется не столько количеством знаний, сколько варьированием подходов, стратегий к решению и критическим контролем их применимости (Стрелков, 2001; Величковский, 2006). Таким образом, профессиональная компетентность состоит в возможности эффективного преодоления различных проблемных ситуаций (Спиридонов, 2002).

Именно «критический ум», критическое мышление часто интерпретируются как преодолевающие сомнения и трудности, выводящие из затруднительной ситуации к решению (Рубинштейн, 2001; Дьюи, 1999). Мышление, обогащенное «критическими» или «рефлексивными» в широком смысле навыками, позволяет решать задачи на качественно новом уровне (Семенов, 1990; Непейвода, 1997). В соответствии с распространенной точкой зрения функциональная роль критического мышления заключается в контроле над выполнением интеллектуальной

деятельности. Иными словами, в процессе решения задачи решатель осуществляет оценку своих суждений, действий, используемых приемов и методов, в том числе ошибочных. Часто критическое мышление рассматривается как фактор регуляции мыслительного процесса, как определенный способ поведения субъекта по отношению к содержанию выполняемой деятельности, ее результатам и т. п. Таким образом, оно может быть понято как вариант метакогнитивной регуляции мыслительной деятельности.

Другой аспект имеет отношение к принятию решений. В этом случае критическое мышление обеспечивает обоснованный, аргументированный выбор вариантов, который осуществляется на основе анализа состояния дел в процессе работы с проблемной ситуацией. Здесь имеет место экономия ресурсов за счет использования эвристических стратегий. Применение эвристик облегчает переформулировки задачи, создает наиболее благоприятные условия

для работы психологических механизмов, что с необходимостью проявляется при решении проблемных ситуаций, предполагающих недостаток информации и создающих «затрудненное понимание» (Спиридонов, 2006). Таким образом, можно говорить о селективных и контролирующих функциях критического мышления.

Наше базовое теоретическое положение объединяет две вышеописанные линии анализа. Оно заключается в том, что критическое мышление как комплекс взаимосвязанных метакогнитивных стратегий повышает вероятность эффективного преодоления профессиональных проблемных ситуаций, и, следовательно, является составной частью профессиональной компетентности программистов. Выделяется ряд связанных между собой метакогнитивных стратегий критического мышления: 1) фиксация затруднений; 2) оценка различных аспектов своего поиска (вариантов, альтернатив, стратегий, ошибочных действий); 3) выбор дальнейшего направления решения; и 4) аргументация выбора. Все они выступают «оснасткой» профессионального мышления программистов. Четыре указанные стратегии складываются в общую эвристическую стратегию, применяемую в ходе решения профессиональной задачи.

Исходя из наших теоретических представлений, успешность решения задачи зависит от того, сумеет ли специалист в ситуации затруднения найти верное направление дальнейшего решения за счет использования критического мышления. Поэтому нам необходимо было, во-первых, вычленив значимые моменты решения задачи и, во-вторых, оценить

наличие в них стратегий критического мышления. Мы использовали вариант анализа вербальной продукции испытуемого, решавшего задачу путем рассуждения вслух, последовательности его высказываний и определения функций каждого из них (Семенов, 1977).

Цель проведенного нами эмпирического исследования заключалась в изучении роли критического мышления в решении профессиональных задач программистами.

Конкретной исследовательской **задачей** было сравнение роли критического мышления в процессе решения профессиональной задачи высоко- и низкокомпетентными программистами. В качестве **гипотезы** было выдвинуто следующее предположение: успешность решения профессиональной задачи связана с количеством используемых общих эвристических стратегий критического мышления.

Методика

В качестве *испытуемых* выступили программисты разного уровня профессиональной компетентности. В исследовании приняли участие 36 человек (33 мужчины, 3 женщины) в возрасте от 19 до 31 года.

Наиболее адекватным *методом исследования* в данном случае является сравнительное изучение особенностей мыслительной деятельности экспертов и новичков. Здесь оно было связано с оценкой применения метакогнитивных стратегий критического мышления.

Мы использовали классические экспериментальные *процедуры* психологии мышления: метод задач и

метод рассуждения вслух. Исследование выполнено на материале решения задач, непосредственно связанных с профессиональной деятельностью испытуемых (программированием). Им предлагался специально подготовленный программный код, который содержал разноплановые ошибки и недочеты. Он был реализован на нескольких наиболее распространенных языках программирования (PASCAL, C++, CLARION); испытуемый мог выбрать наиболее удобный для себя вариант.

Эксперимент проводился индивидуально с каждым испытуемым на его рабочем компьютере. От испытуемого требовалось: 1) разобраться в алгоритме предложенной программы; 2) найти и исправить имеющиеся в ней ошибки; 3) доработать или создать собственную программу, соответствующую его представлениям о качественном программном продукте, корректно выполняющую данный алгоритм. При этом испытуемому давалась инструкция «Решайте задачу, рассуждая вслух». Испытуемый прекращал работу, когда считал, что выполнил задание, либо если приходил к мнению, что он не может разобраться в алгоритме. Время выполнения задания не ограничивалось. Вся процедура занимала от 1 до 4 часов. Ход эксперимента записывался на диктофон для дальнейшего анализа, экспертами анализировалась написанная испытуемыми в ходе исследования программа.

Результаты и обсуждение

Для анализа результатов исследования нами были привлечены эксперты — компетентные, высококвал-

лифицированные специалисты в области создания программного обеспечения. Процедура отбора экспертов включала три этапа. Первоначально были определены совокупные критерии оценки компетентных специалистов ИТ, которыми выступили: опыт работы в сфере ИТ (количество лет, количество созданных успешных программных продуктов), знание языков программирования (количество, степень изученности), знание методологий разработки программного обеспечения, образование (профильное базовое образование, дополнительные профильные курсы). На втором этапе с претендентами проводилось обсуждение общих критериев компетентности специалистов ИТ (программистов), в ходе которого была выработана обобщенная оценочная карта компетентности программиста. На заключительном этапе участникам предлагались решения задач программистами в рамках пилотажного исследования. От будущих экспертов требовалось оценить уровень компетентности программистов по результатам оценки продуктов профессиональной деятельности (готового программного обеспечения) и анализа диктофонных записей процесса мышления вслух в ходе написания программного продукта. Те, у кого данный вид оценивания не вызвал затруднений и кто четко аргументировал и обосновал свои позиции, стали экспертами.

Отобранные нами двое экспертов на основании диктофонной записи процесса решения и текстов исходных кодов, полученных от испытуемых программ, осуществляли оценку результатов решения. Для этого была

разработана «Оценочная карта компетентности», согласно которой оценка складывалась из трех блоков показателей: 1) оценка определения требований к программе, 2) оценка процесса разработки/переработки программы, 3) оценка программного продукта. Каждый блок включал ряд характеристик. В первом и втором блоке использовались характеристики, разработанные на основе ГОСТа 19.102-77, который определяет этапы и содержание работ по разработке ИС. В третьем блоке использовались характеристики ГОСТа Р ИСО/МЭК 9126-93, которые описывают качество программного обеспечения. Также для каждой характеристики был определен свой «вес». Таким образом, на основе балльной оценки каждого показателя с учетом его «веса» была получена итоговая оценка компетентности для каждого испытуемого. На основании показателей экспертных оценок нами были выделены две группы: 1) **высококомпетентные** и 2) **низкокомпетентные** программисты.

Заметим, что наблюдается статистически значимое различие между выделенными группами по стажу работы программистом. Среднее количество лет, проработанных в сфере ИТ, у низкокомпетентных равно $M = 3.86$; $SD = 4.50$, у высококомпетентных $M = 9.72$; $SD = 4.97$; U Манна–Уитни = 72.0; $p < 0.001$. В целом можно говорить о том, что решившие задачу испытуемые являются высококомпетентными специалистами (экспертами), значимо дольше работающими в сфере ИТ. В связи с этим разумно использовать названия «эксперты» и «новички» для выделенных групп.

Кроме этого, для каждого испытуемого экспертами определялась **успешность решения** профессиональной задачи. В качестве показателей успешности использовалось: 1) понимание предъявленного алгоритма; 2) обнаружение и исправление ошибок, которые были заложены в условия экспериментальной задачи; 3) наличие доработанной/написанной собственной программы. Успешность измерялась по шкале 0–4 балла; решившими считались испытуемые, набравшие 3 и 4 балла. Помимо этого, эксперты в распечатанном протоколе каждого испытуемого выделяли значимые моменты решения (так называемые «**точки перегиба**»), т. е. попадания испытуемыми в значимые для решения затруднительные ситуации. Для каждого испытуемого было подсчитано 1) количество «точек перегиба», в которых встречаются все четыре описанные выше метакогнитивные стратегии критического мышления, а также 2) «точки перегиба», где присутствуют лишь некоторые из них.

Оценка полученных таким образом данных проводилась с использованием методов непараметрической статистики, а также процедур дисперсионного и дискриминантного анализа.

Для проверки первой гипотезы мы сравнивали количество ситуаций 1) у экспертов и новичков. Проведенный частотный анализ показал, что в первой группе медиана значений количества общих стратегий равна $M = 4.00$, $SD = 2.81$, а во второй $M = 0.01$, $SD = 0.79$. Различия между группами статистически значимы: U -Манна–Уитни = 27.0, $p < 0.001$. На основе полученных данных можно сделать вывод: эксперты чаще используют критическое

мышление в значимые моменты решения, чем новички. Иначе говоря, в затруднительных ситуациях, характеризующихся относительной сложностью и новизной, у компетентных программистов, в отличие от некомпетентных, наблюдается интенсивное использование связанных между собой стратегий критического мышления, что нехарактерно для новичков. Приведем примеры.

Метакогнитивные стратегии критического мышления в «точках перегиба» у высококомпетентных программистов:

Исп. № 17. ФИКСАЦИЯ: «м-м-м, так». ОЦЕНКА: «Я думаю, что мое предположение оказалось не верным». ВЫБОР: «Что в выражении, где только плюсы и минусы — не важно, где расставить скобочки». АРГУМЕНТАЦИЯ: «Поскольку, если перед скобочкой стоит минус, то знаки внутри обернутся и результат получится другой».

Исп. № 15. ФИКСАЦИЯ: «Сейчас я проверяю правильность своего предположения». ОЦЕНКА: «...Но только если по краям от этого выражения стоят минусы, если же там умножение, то там уже приоритет просматривается, АРГУМЕНТАЦИЯ: что тоже на расстановку скобок влияет». ВЫБОР: «Это уже тогда не все надо исключать, а только те, по бокам от которых минусы стоят».

Метакогнитивные стратегии критического мышления в «точках перегиба» у низкокомпетентных программистов:

Исп. № 20. АРГУМЕНТАЦИЯ: «Мне нравится функция Calc, я вижу, что она написана хорошо, и в ней запутанностей я не вижу». ОЦЕНКА: «Я не до конца разобрался, как она работает, но, начав писать, я понял, что у меня алгоритм будет не проще».

Исп. № 23. ФИКСАЦИЯ: «Не знаю, ничего здесь ...». ВЫБОР: «Тут надо либо

брать какую-то формулу и над ней экспериментировать ... либо, пока в голову ничего не приходит».

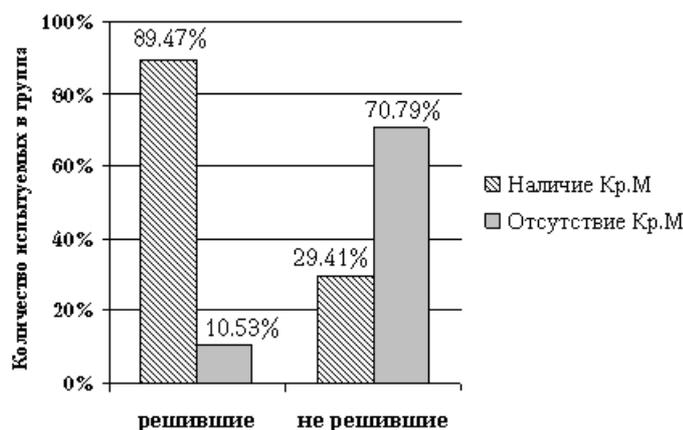
Все это свидетельствует о том, что эксперты значительно более активны в попытках понять причины своих затруднений и сомнений и тратят сравнительно больше усилий как на создание адекватной репрезентации условий, так и на нахождение контр-примеров, которые позволяют опровергать гипотезы. Наряду с этим для осуществления выбора дальнейшего хода рассуждения эксперты основываются на общих суждениях, в то время как новички либо не дают никаких обоснований своего выбора, либо ориентируются на те знания, которые непосредственно актуализируются в связи с условиями задачи.

На рис. 1 отражены различия в группах, успешно решивших и не решивших задачу в зависимости от наличия всех четырех стратегий критического мышления в «точках перегиба».

Наблюдаемые различия ($\chi^2 = 14.569$, $p < 0.001$) позволяют говорить о недостаточной сформированности критического мышления в группе испытуемых, не решивших задачу. Фиксируя сложность ситуации (ФИКСАЦИЯ), они не склонны были оценивать и анализировать ее возникновение (ОЦЕНКА). Так, в группе успешно решивших задачу только в 11% случаев встречается ФИКСАЦИЯ затруднений без дальнейшей их ОЦЕНКИ, а у не решивших этот показатель составляет 71%. Более того, эти испытуемые очень редко выдвигали альтернативы дальнейшего разрешения ситуации (ВЫБОР), а если и рассматривали

Рис. 1

Процентное соотношение количества испытуемых в группах успешно решивших и не решивших задачу в зависимости от наличия или отсутствия стратегий критического мышления

несколько альтернатив, то останавливались на такой (АРГУМЕНТАЦИЯ), которая наиболее доступна, что чаще всего не вело к успеху.

Пример использования метакогнитивных стратегий критического мышления испытуемым, не решившим задачу:

Исп. № 24, новичок: ФИКСАЦИЯ: «Думаю, что сделать с этими числами, которые нашел в этой строке». ОЦЕНКА: «Ну, есть несколько вариантов: можно просто расставлять скобки, будет функция, которая будет расставлять скобки, потом проверять всевозможные варианты, вариант, при котором будет максимальное значение, тот и выдавать — это первый вариант решения этой задачи. Функция, которая просто расставляет скобки... Какие еще могут варианты быть?» ВЫБОР: «Ну, вот этот». АРГУМЕНТАЦИЯ: «Наверно, самый оптимальный... менее затратный. Поиск идет, так, сейчас остановимся на чем-нибудь. Что же мне придумать еще кроме этого... если ничего больше нет, то на этом я, наверно, остановлюсь...»

Эксперты же демонстрировали лучшую ориентацию в собственных знаниях. Их мастерство состояло в выборе направления решения с использованием в «точках перегиба» общих эвристических стратегий, которые способствуют отсеву подчас очень заметных, но irrelevantных с точки зрения решения проблемы деталей или гипотез. Это делало возможной концентрацию на существенных для решения моментах.

Пример метакогнитивных стратегий критического мышления испытуемого, решившего задачу:

Исп. № 17, эксперт: ФИКСАЦИЯ: «Выражения, вот они». ОЦЕНКА: «Мне нужна функция для вычисления выражения, которое у меня есть. Он как бы использовал в своей программе массив чисел и массив операций». ВЫБОР: «Я вот сейчас думаю, поступить мне также или придумать что-то свое. Ту реализацию я видел и думаю, какие могут быть еще реализации вычисления такого вот выражения». ВЫБОР, ОЦЕНКА:

«Я думаю, как оно будет представлено: может быть, массивом, может быть, стеклом каким-то. Т. е. я сейчас рассматриваю вариант со стеклом, может, это и упростит значительно задачу, может быть, вообще никак не повлияет, может, ухудшит». АРГУМЕНТАЦИЯ: «Пока я не вижу, чем мне может параллельный вариант помочь». ВЫБОР: «Буду точно так же с массивами оперировать».

Для более точной проверки первой гипотезы мы решили оценить различия в успешности решения задачи экспертами и новичками в зависимости от количества обнаруженных общих эвристических стратегий критического мышления. Нас интересовали испытуемые с малым количеством (0 или 1 общая эвристическая стратегия на все решение) и большим количеством (≥ 2) подобных полных наборов. В первом случае испытуемым присваивался первый ранг, во втором — второй.

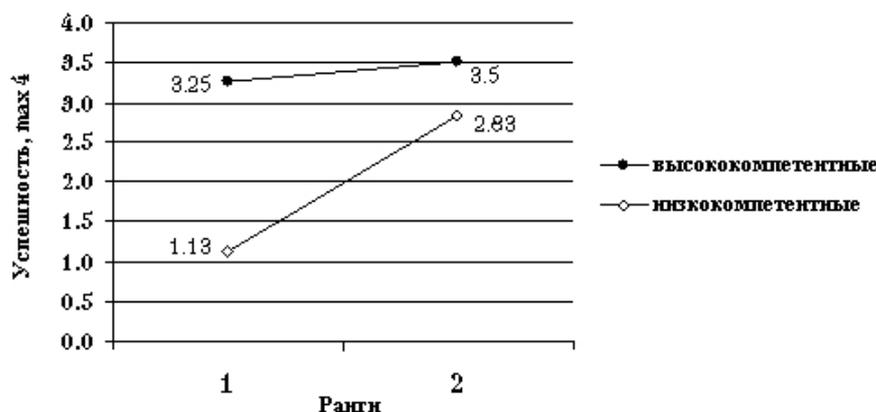
На рис. 2 отражена успешность решения профессиональной задачи в группах высококомпетентных и низкокомпетентных программистов с разными рангами критического мышления. Дисперсионный анализ показателей успешности решения показал значимое влияние фактора ранга критического мышления ($F = 10.969, p < 0.01$).

Кроме того, было выявлено значимое взаимодействие между рангом критического мышления и фактором группы ($F = 6.065, p < 0.05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что существует значимая разница между экспертами и новичками: во-первых, в успешности решения задачи, во-вторых, в количестве используемых ими стратегий критического мышления в процессе рассуждения. Кроме того, количество общих эвристических стратегий критического мышления положительно связано с

Рис. 2

Средние оценки успешности решения испытуемыми задачи в группах с разным уровнем компетентности и с разными рангами критического мышления (1-й ранг — не более одной общей эвристической стратегии на все решение, 2-й ранг — две и более стратегий)

успешностью решения профессиональной задачи.

Далее мы попытались ответить на вопрос, можно ли, используя выделенный набор метакогнитивных стратегий критического мышления, отличить группу экспертов от новичков: насколько хорошо эти переменные позволяют провести различие и какие из них наиболее информативны.

Для этого был использован дискриминантный анализ. В качестве группирующей переменной был взят показатель компетентности программиста. В исходную совокупность дискриминантных переменных были включены стратегии: ФИКСАЦИИ, ОЦЕНКИ, ВЫБОРА и АРГУМЕНТАЦИИ. Результаты анализа (см. табл. 1) показывают статистически значимые различия между группами испытуемых по каждой дискри-

нантной переменной. Перечисленные переменные используются для вычисления канонической дискриминантной функции, предсказательная сила которой позволяет нам говорить о различии или совпадении групп. Результаты анализа такой функции приведены в табл. 2; она с высокой степенью значимости различает две группы испытуемых. По величине стандартизованных коэффициентов (см. табл. 3) можно сделать вывод о том, что все метакогнитивные стратегии обладают дискриминативной способностью. Чем больше значение этих переменных, тем выше вероятность попадания в группу высококомпетентных программистов. Таким образом, наше предположение о том, что успешность решения профессиональной задачи в группах с разным уровнем компетентности связана с наличием и количес-

Табл. 1

Результаты ANOVA для каждой дискриминантной переменной

	Лямбда Вилкса	F	df1	df2	Уровень значимости
ФИКСАЦИЯ	0.649	18.385	1	34	0.000
ОЦЕНКА	0.563	26.436	1	34	0.000
ВЫБОР	0.624	20.495	1	34	0.000
АРГУМЕНТАЦИЯ	0.545	28.337	1	34	0.000

Табл. 2

Собственные значения для канонической функции

	Каноническая функция
Собственное значение	1.056
% объясняемой дисперсии	100
Коэффициент канонической корреляции	0.717
Уровень значимости	0.000

Табл. 3

Стандартизованные дискриминантные коэффициенты

Переменные	
ФИКСАЦИЯ	0.888
ОЦЕНКА	0.858
ВЫБОР	0.755
АРГУМЕНТАЦИЯ	0.715

твом общих эвристических стратегий критического мышления в «точках перегиба», в целом подтвердилась.

Полученные результаты позволяют сделать следующие **выводы**:

- критическое мышление тесно связано с успешностью решения профессиональных задач: этот эффект обеспечивается входящими в его состав метакогнитивными стратегиями;
- анализ различий между экспертами и новичками свидетельствует о

том, что они заключаются в интенсивности использования критического мышления в ходе разрешения профессиональных проблемных ситуаций. Для компетентных программистов характерно присутствие всех четырех метакогнитивных стратегий критического мышления в значимых ситуациях затруднения в ходе решения — «точках перегиба». Это позволяет оценивать собственные действия в ходе решения задачи и обосновывать их правильность.

Литература

- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. Т. 2.
- Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления. М.: Лабиринт, 1999.
- Ненейвода Н.Н.* Многомерное критическое мышление. Ижевск, 1997.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
- Семенов И.Н.* К нормативному анализу познавательной деятельности при решении творческих задач // Психологические исследования. М.: Изд-во МГУ, 1977. Вып. 7. С. 39–49.
- Семенов И.Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: Знание, 1990.
- Спиридонов В.Ф.* Психологический анализ феномена компетентности // Исследования обучения и развития в контексте культурно-исторического подхода. М., 2002. С. 285–295.
- Спиридонов В.Ф.* Психология мышления: решение задач и проблем. М., 2006.

Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М., 2001.

Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Кукушкина Юлия Андреевна, Российский государственный гуманитарный университет, аспирант

Контакты: j.a.kukushkina@gmail.com

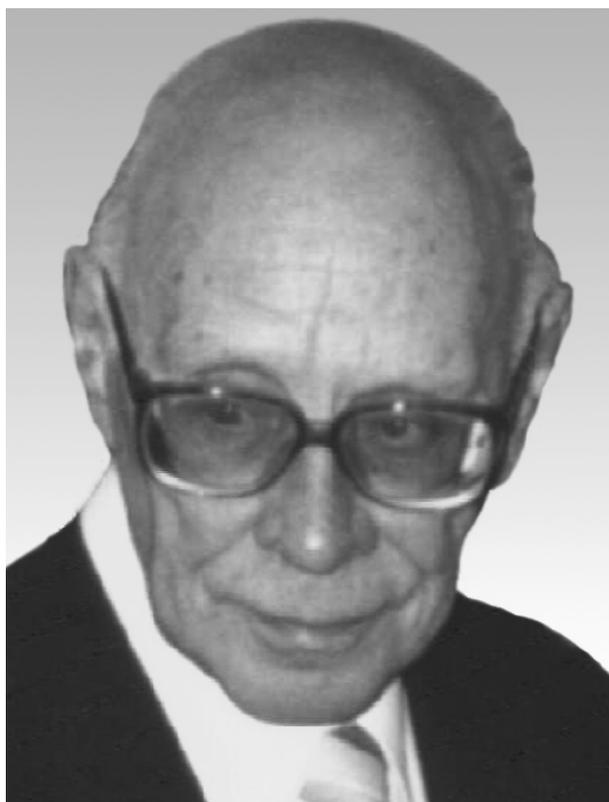
Спиридонов Владимир Феликсович, Российский государственный гуманитарный университет, доктор психологических наук

Контакты: vspiridonov@yandex.ru

Мы скорбим о них

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОКОЛОВ

23.09.1920 – 14.05.2008

14 мая скончался

Евгений Николаевич Соколов — академик Российской академии образования, член Национальной академии наук США, Американской академии наук и искусств, Академии наук Финляндии, Центрального совета Международной организации по исследованию мозга при Юнеско; лауреат «Премии столетия-1998» Международной психофизиологической ассоциации, диплома «За выдающийся вклад в психофизиологию» Американской ассоциации психофизиологических исследований, Золотой медали им. И.П. Павлова; автор более чем 400 статей и 12 книг, переведенных на английский, испанский и японский языки.

Евгений Николаевич был подлинным, выдающимся ученым, гордостью нашей науки. Мы благодарны Евгению Николаевичу за неоценимую помощь в качестве члена редколлегии нашего журнала и гордимся, что имели возможность публиковать его труды.

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Psychotherapy at the Cross-roads: From Freudian to Humanitarian Approach (Based on Irvin D. Yalom's Novel «The Schopenhauer Cure»)

The problem of psychotherapy efficiency is discussed in connection with Irvin D. Yalom's novel "The Schopenhauer Cure". The answers for some principal problems are proposed: how a psychotherapist realizes his/her work, whether he/she always acts in accordance with own conceptualizations, what is the role of the patient's personality analyses in psychotherapy, etc. Psychoanalytic and humanistic approaches are opposed. A humanistically oriented therapist does not know which structures are responsible for personality and psyche deformation but looks for means and forms of life that let the human begin a healing action and works to encourage the client, to broaden his/her outlook and understanding. The therapists who apply the humanistic approach in their work do not know what effect their attempts will have, whether the symptoms of the disease will disappear but they know that there is no other way to help without creating new problems.

Theoretical and Empirical Research

G.V. Ivanchenko. Undergraduates' Conceptions of the Possible: Regional and Gender Differences

Professional self-identification is traditionally taken almost exclusively as a process of choice at the stage of graduation from secondary school.

However one may argue that personal significance of choice of a university undergraduate is not less significant than the secondary school graduates' choice. An additional tension to the professional choice of the undergraduate university students is caused by its connection to the tasks of their life choices. Consequently theoretical analysis of professional self-identification must address the notions and constructs which are used in sociology and psychology as indicators of reflexive and motivational constituents of self-identification. The article presents and analyzes the results of a study of conceptions of possible of higher education undergraduates in the capital and in regional universities.

Special Theme of the Issue. Psychology of Reflection

I.N. Semyonov. Interaction of Russian and Foreign Psychology of Reflection: the History and the Present

Study of reflection is one of the innovative directions of modern psychology. The logic of the development and stages of reflection research in European philosophical and psychological thought from antiquity to the present are analyzed in the article. The main scientific schools and directions of Russian psychology of reflection are being differentiated and characterized. The links between philosophical and psychological interpretations of reflection in the Russian psychology and the development of the literary and artistic critique in the 19th century are traced as well as the interaction of the modern psychology of reflection with adjoining humanities.

V.A. Petrovsky. Opulence and Reflection: Four Resources Model

The author proposes a formal model of subject, so-called four resources model. Proposing the model of «double reflection» the author demonstrates that self-reflection is able to increase the stimulus attraction and describes hypothetic conditions of inevitability of actions towards temptation determined by self-reflection and stimulus' primary valence. The criteria for optimum of psychological well-being («I want something that I don't have» and «I will have something I want») are formulated and quantitatively specified. Hereof follows "the golden rule of harmony" in interrelations of level of subject's claims (0.62) and level of requested external resources (0.38) («golden proportion»: $0.62 + 0.622 = 0.62 + 0.38 = 1$). The model of optimum of psychological well-being is validated by the author's own studies as well as by means of interpretation of empirical data obtained by other investigators in studies of achievement motivation (the revision of J.W. Atkinson's classic model of risk taking).

V.Yu. Dudareva, I.N. Semyonov. Phenomenology of Reflection and its Investigation in Modern Foreign Psychology

The study of reflection constitutes a developing domain of foreign psychology. As the results of most studies of reflection are published in English the article presents analytical review which focuses mainly on Anglo-American research. Etymological propaedeutics and the character of interaction of Russian and foreign reflection research are analyzed and their similarity and difference with respect to the object

and methods of theoretical and empirical studies are characterized.

G.F. Pokhmenkina, I.N. Semyonov. Reflective Technologies of Mediation in Modern Foreign Applied Psychology

Rapid development of modern applied psychology has resulted in the elaboration of new approaches and psychological techniques. The mediation technique is one of these new approaches originated in the USA and intensively developed in Europe, particularly in Austria, Germany, and Switzerland. Modern approaches, principles and methods of mediation (published in German) are analyzed in the article. The experience of use of reflective technologies of mediation in Russian applied psychology is summarized within the context of its interaction with other humanities.

Work in Progress

A.A. Gorbalkov. The Positive-Negative Asymmetry of Emotions on Different Levels of Subject's Development: the Inside-a-level and Inter-level Dynamics

The article focuses on interlevel (transition from one level to another in the process of subject's active development) and inside-a-level (development within each level) dynamics of positive-negative asymmetry as the relation of gradients of positive and negative emotions relative to their integral value (general emotional activation). On the basis of some data and conceptions it is hypothesized that inside-a-level dynamic is characterized by the movement from negative emotional asymmetry to the positive one, whereas in case of interlevel dynamic the movement in

the direction from negative asymmetry to the positive one can be observed (as predicted by some well-known theories) as well as the movement in the opposite direction.

A.B. Dorodnev, N.A. Almaev. The Peculiarities of Personality in Visually Impaired People and their Relationship with Verbal Behavior

The research is aimed at investigation of adaptation to a trauma in visually impaired people and revealing of structure of their temperament and character. The connections between the character and the units of speech of the blind are revealed. For the sample of visually impaired people anxiety with a sharp reaction towards social disapproval and a compensatory keen sense of unity with the universe, nature and people are typical. For all those visually impaired subjects that are involved in the process of overcoming their trauma, it is typical to mention the trauma in their stories. High scores on C.R. Cloninger's «Self-Forgetfulness» scale reflect the action of compensatory mechanism which helps them to deal with painful experience

induced by the loss of sight. The blind who do not mention their trauma in their stories have already passed through the adaptation process and dealt with the stress caused by the loss of sight.

Yu.A. Kukushkina, V.F. Spiridonov. Critical Thinking as a Factor of Programmers Expertise

The phenomenon of «critical thinking» understood as a complex of inter-related metacognitive (heuristic) strategies is analyzed. The results of empirical study of critical thinking impact on the success of professional problem solving by «experts» and «novices» in the programming domain are outlined. It is shown that critical thinking is closely connected to the success of professional problem solving and that this effect is provided by the metacognitive strategies which constitute critical thinking. The differences between experts and novices are revealed which lie in the intensity and sustainable use of metacognitive strategies by the experts in the significant situations of difficulties (so-called «points of inflection»).

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx

